

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 9 (60)

септември, 2021

Съдържание на журнала
18+
старше
18 лет
Съдържание на журнала

S. NIKAS

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вашему вниманию представлен сентябрьский, «богдановский» номер литературно-исторического журнала «Александръ». И это совершенно не случайно: так же как журнал «Александръ» изначально имеет две родины – Тамбовщину и Урал, – Вячеслав Богданов символизирует собой единство этих, казалось бы, разных, но в то же время очень родных областей исконно русской земли.

Если к сказанному выше добавить то, что вроде бы простое четверостишие Вячеслава Богданова:

*Чтобы жить мне, не ведая горя,
Чтобы сердце не рвать пополам,
Я хотел бы уральский мой город
Передвинуть к тамбовским полям –*

сделало невероятное – помирило главного редактора журнала с замечательным человеком, шеф-редактором «Александра» Александром Николаевичем Семиним, то не в этом ли проявляется великая сила Искусства – Поэзии и Русского слова? Иных доказательств просто и не требуется.

По этим причинам, дорогие читатели, я с великим удовольствием работал над нынешним номером «Александра» и уверен, что замечательные стихи Вячеслава Богданова принесут много созидательных и объединяющих событий и просто соприкосновений с прекрасным.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ТАМБОВЧАНЕ, ЛИПЧАНЕ, ВОРОНЕЖЦЫ, УРАЛЬЦЫ, МОСКВИЧИ!

Все те, кто принял Слово Вячеслава Богданова к сердцу, кто понял его творчество, нашёл для себя потаённое в его творчестве, нашёл Слово, которое отражает своё пережитое, твоё несказанное, но бурлящее и трепещущее в тебе чувство, порыв. Слово, которое заставляет тебя наедине перелистать страницы твоей жизни, вспомнить детство, юность, поразмышлять о Родине, о судьбе России, о матери, о друге, о мечте своей.

Как это порою нам необходимо, особенно сейчас, в нашу пору жизни, когда столько несуразности, неразберихи, столько непонятного для нас, столько смеха и печали, столько горести и тревог за судьбу каждого из нас и за судьбу России и русского человека. Порою задумаешься глубоко наедине и сам для себя скажешь: ну почему всё так происходит, а не по-другому, почему столько испытаний и трудностей в судьбе каждого из нас? Ведь

вроде бы не по заслугам всё это нам, ведь русский человек сам по себе добрый, распахнутый, красивый, отзывчивый, не злопамятливый. Ну почему же всё так происходит у нас? Почему и по сей день нас недолюбливают и на Западе, и в Америке, да и в Африке даже? Удивительно.

Ну как не любить нас, русских, таких красивых, как не любить нашу русскую землю, такую чудесную русскую землю?

Просторы наши. Не надыхаться, не налюбоваться, не насладиться. Живи и радуйся.

Вот, видимо, с таким же чувством пережитого и увиденного Вячеслав Богданов и дарил нам своё Слово. Иначе бы не было созвучия у нас с ним. Он думал так же, как мы. Только он об этом сказал значительно раньше, на то они и поэты – как пророки, они видят дальше и глубже.

Конечно, дар предвидения есть не у каждого поэта, а только у настоящего, большого. Такого поэта и родила земля Тамбовская, поэта светлого, яркого, масштабного и в то же время доступного и понятного для каждого из нас. Тамбовчане признали, полюбили его, хоть и ушёл он от своего порога на далёкий Урал в ранней юности. Не по своей воле, а по судьбе нашей горькой. Ведь даже представить страшно, как пятнадцатилетний паренёк один уехал из глухой деревни Васильевки за две тысячи километров на Урал, где ни тётки, ни дяди, ни друга, где воздух другой, ритм жизни другой...

Выстоял, не испугался, окреп, не подвёл тамбовчан, не сломался, а, впитав родное, успел познать труд и влить в себя чувство признательности уральцам за кров, за выучку, за песню. Получился из него удивительный сплав тамбовско-уральский, чернозёмно-железный, горно-степной, рабоче-крестьянский, озёрно-полевой, а в целом красиво-русский талантливый поэт!

Виктор СОШИН

**публицист, член Союза писателей России, лауреат литературных премий
имени Дмитрия Кедрова «Зодчий» и Вячеслава Богданова «Светунец»**

САМЫЙ ВАЖНЫЙ ФОРМ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ЗОЛОТОЙ ПУШКИН

Журнал издан за счёт грантов, выделенных из бюджета Тамбовской области, предоставляемых в целях финансового обеспечения затрат на реализацию лучших социально значимых проектов в средствах массовой информации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;
Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 9 (60), сентябрь 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.09.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

6 Вячеслав Богданов.
«Добывая слово, словно честь...»

ПАМЯТЬ

12 Валентина Дорожкина.
Прямая связь меж прошлым
и грядущим

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК

18 Тамбовский поэтический венок
Вячеславу Богданову

ЖИТЕЙСКОЕ

25 Василий Киляков.
Простая душа

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

27 Наталья Меркушова.
Оазисы в степном краю

31 Андрей Ребров.
Копьё Пересвета

РЕЦЕНЗИЯ

36 Нина Ищенко.
Русский язык как пространство
творчества

РАЗМЫШЛЕНИЯ

38 Николай Переяслов.
Бог простит

ПОЭЗИЯ

44 Олег Наймушин

46 Николай Чербаев.
Я многое помню из детства

ДУШЕВНОЕ

48 Николай Толстиков.
Уголёк

ДЕБЮТ

53 Ольга Овсянникова.
Северное солнышко Русской земли

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

59 Пётр Куликов.
Русские песни

61 Жанна Ташма.
Висят портреты на стене

62 Александр Федулов
СЛУЖУ РОССИИ!

65 Вячеслав Лютый.
Разорванные страницы

ИЗ ИСТОРИИ

67 Виктор Елисеев.
Авиатор из Липецка

ИСКУССТВО

71 Анатолий Солопов.
Рассказы художника

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

77 Вадим Кулинченко.
Первый шаг к Победе

МАЛАЯ РОДИНА

79 Виктор Елисеев.
Певец Тамбовского края!

ВИВАТ, ТЕАТР!

83 Роман Леонов.
«Дом, где всё кувырком»

ЮБИЛЕЙ

85 Ольга Воробьёва.
К юбилею писателя

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

91 Юрий Васюнькин.
О Родине, друзьях, пережитом...

93 Николай Чербаев.
Сосновское литературное
объединение «Родник»

*«Добывая слово,
Словно зесть...»*

РУСЬ

Обжитый мир под солнцем, под луной
 И под лучами звёздными косыми,
 Где дух веков кружится надо мной
 И распанулся далями России.
 И я иду навстречу тем векам,
 Голубоглазый, русский, коренастый.
 Колосья прикасаются к рукам,
 Озёра колыгаются глазастро.
 Земля вовсю вращается, кричит
 Холмом, золой,
 Что с ней на свете было...
 Роняет солнце тихие лучи
 На обелиск,
 На братскую могилу.
 И кланяюсь я прошлому опять,
 Родной земле за все крутые были.
 Я в мир пришёл – творить,
 А не рыдать,
 Века и так к нам на слезах приплыли...
 Нам прошлое сегодня
 Как броня,
 И в нас живут его земные боли.
 Не потому ль мы встали у огня,
 Не потому ль мы распахали поле?!
 И, вглядываясь в лица наших дней,
 В лицо огня и пашни,
 Неба,
 Пущи...
 Мне каждый раз становится видней
 Прямая связь
 меж прошлым и грядущим.

(1973)

СТИХИ О РОДИНЕ

*...Идут часы походкою столетий,
 И сны встают в земной дали.*

А. Блок

Что за сны мне снятся,
 Что за сны?
 Будто бы живу не в этом веке.
 И звенят
 Победные доспехи,
 Возвращаюсь с Невским я с войны.
 Что за сны мне снятся,

Вячеслав БОГДАНОВ

(1937–1975)

Один из ярких талантливых русских поэтов, который погиб в Москве на взлёте своего творчества.

В его стихах песнь о России, о земле русской, о любви чистой. Раздолье полей, запах трав, переливы птиц, дыхание природы и светлый образ сельского и заводского труженика – всё это отражено в лирических стихах Вячеслава Богданова.

Его стихи и слово о нем сегодня звучат в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Российский колокол», «Слово», «Подъём», «Великоросс», «Урал», «Золотое перо», «Звёздный голос», «Светунец», альманахе «Полдень», «Тамбовском альманахе», «Роман-газете XXI век» и многих других антологиях и альманахах, в «Литературной газете», в газетах: «Российский писатель», «Литературная Россия», «Московский литератор», «Правда», общеписательской Литературной газете МСПС, «День литературы», «Танкоград», «Тамбовская жизнь», «Новая жизнь», «Алое поле», «Возрождение Урала» и многих других.

На родине поэта, на Тамбовщине, именем поэта названы центральная районная библиотека, улица, двадцать лет действует музей, установлен памятник, ежегодно присуждается литературная премия его имени «Светунец», и ежегодно проводятся Богдановские чтения.

На второй малой родине, в Челябинске, действует областной поэтический клуб имени В. Богданова «Светунец», проводятся поэтические фестивали, чтения, посвящённые поэту. Имя поэта Вячеслава Богданова вошло в энциклопедию Тамбовской, Липецкой и Челябинской областей, в антологию «Писатели, поэты и драматурги XX века». В 2019 году в Челябинске, на доме, где жил поэт, была установлена мемориальная доска. Интерес читателей к творчеству Вячеслава Богданова увеличивается, его нежная лирика идёт от сердца к сердцу.

Что за сны?
Я убит.
И смолкли соловьи.
Стёр мой конь о синеву подковы...
И над гулким полем Куликовым
Солнце встало на людской крови.
Я убит.
И смолкли соловьи.
...Вот сижу я в хате у окна:
Посинела в чугуна картошка...
Царь на тройке мчится за окошком...
Зреет дума,
Как чугун черна...
И сижу я в хате у окна.
Далеко уходит майский день,
Вся деревня в радости весенней,
И шагает по полю к нам Ленин,
И в руках у Ленина – сажень...
Далеко уходит майский день.
Что за сны мне снятся,
Что за сны?
Я утрами
Напрягаю память.
И какими долгими ветрами
С вековой
Пахнуло стороны!
Что за сны мне снятся,
Что за сны?
Это думы предков-россиян,
От земной доверчивой любви,
В плоть мою ворвались по крови,
В земляничном зареве полян...
Думы – думы предков – россиян!..
Новый день зажёт в степи зарю,
Родина,
Иду к твоим огням.
Мирный день,
Что предки дали нам,
В добрых снах потомкам подарю!
Новый день зажёт в степи зарю...

(1970)

ГОЛУБОЙ КОСТЁР

Поля, поля –
Ни края,
Ни границ...
Над колыханьем
зреющего хлеба
На перезвоны
радостные птиц
Задумчиво
Облокотилось небо.
Родная Русь!
Костёр мой голубой!
Веди меня
Дорогою столетий!
Какой,
Скажи,
Таинственной звездой
Ты зажжена
Для нас на этом свете!
Ни чернозём
И ни сосна,
Ни гриб
Нам не открыли тайну ту
Доселе,
Ни запах мёда
От цветущих лип,
Ни журавли,
Летящие в апреле.
Но нам вросли,
Окутанные в синь,
В живую грудь
Твои рассветы,
Горы...
Как жаль –
Душа не может отразить
Всё это так,
Как светлые озёра.
И мой отец,
Что на войне погиб,
Шёл в смертный бой,
Но слышал сквозь метели
И запах мёда
От цветущих лип,
И журавлей,
Вернувшихся в апреле.
И видел он

Рассвет в родном краю,
И Петроград,
Колонны боевые,
И борозду
Колхозную свою,
Что им была проложена
Впервые...
Родная Русь!
Костёр мой голубой!
Веди меня дорогою
Столетий!
Какой,
Скажи,
Таинственной звездой
Ты зажжена
Для нас на этом свете!

(1967)

РОССИЯ

В. Сорокину

Деревья в радужных накрапах
Мне сыплют росы на плечо.
И от земли весёлый запах
Сжимает сердце горячо.
В душе волнение пересилив,
Стою в раздумье и молчу.
И запахи твои,
Россия,
От всех на свете отличу.
Шальны твои раскаты грома,
Хмельён берёзовый настой.
Ты пахнешь сталью,
Космодромом,
Стыдливой ягодой лесной,
Дыханием горячим пашни,
Рекой с костром на берегу
И отзвеневшим днём вчерашним,
Что встал стогами на лугу.

(1966)

СКОРОСТЬ

Мчит земля, словно конь, ошалело,
Натянули поводья века.
И от скорости – пеною белой –
Отлетают с боков облака.
Как угнаться за скоростью света
По незримым доныне следам?
Мы устали от вешнего цвета
И тоскуем по зрелым плодам...
Зреют звёзды, как яблоки, споро,
Протянули к ним руки века...
Ты, Вселенная, – сад за забором,
Мы – соседские дети пока!..

(1970)

РОДСТВО

Мне б труднее и жилось,
И пелось...
Если я
Не смог бы до сих пор
Породнить
Полей тамбовских зрелость
И глубины
Самоцветных гор...
Хоть живу я
Под уральским небом,
У огня
Людей мастеровых,
Но когда я
Прикасаюсь к хлебу,
Вспоминаю земляков своих...
Я вдали от отчизны,
Но всё же
С ней крепка
Связующая нить!
Ну скажите, люди,
Разве можно
Надвое
Россию поделить?!

(1970)

ПОБЕДА

*Памяти отца,
погибшего на фронте*

На рубеже войны и мира
Солдатам в касках боевых,
Как невзорвавшаяся мина,
Она казалась в первый миг.
Ещё рейхстаг дымил кудлато,
В глаза лез пепел,
Словно страх..
Ещё к горячим автоматам
Цепляли диски вгорячах.
Ещё в прифронтовом санбате
Кричал в бреду сержант:
«Вперёд!»
Ещё, как чёрное проклятье,
Фашистский падал самолёт.
Ещё не высохли чернила
Победной маршальской руки..
Ещё стволы не зачехлили
В победный миг фронтовика, –
Победа!
Вот она, Победа!
Прими её, солдат – герой!..
Ты начиналась от рассвета
Июньской страшною порой.
От снов отцов непробудимых
И величавой славы их,
От глаз прощальных и любимых
На всех перронах горевых.
Ты начиналась долгожданно
И увлекала за собой,
Как лейтенант,
Срывая раны,
Ведёт солдат в неравный бой..
Была ты верой всенародной
От первой
Огненной
Черты.
Чем дальше ты уходишь в годы,
Тем всё ясней твои черты...

(1975)

Я ПРИШЁЛ В ЭТУ СТЕПЬ...

Распоясала степь заревую дорогу,
Молодая трава наклонилась немного.
Наклонилась трава,
Словно всё ещё дремлет,
И корнями взялась за надёжную землю.
Далеко,
Широко степь уходит куда-то,
Где бредут облака,
Точно овцы, кудлаты.
Я пришёл в эту степь – широте поучиться,
Я пришёл в эту степь – росной далью
лечиться.
Я лечиться пришёл от промашки вчерашней,
Почернела душа,
Как весенняя пашня..
А промашка моя – я врага не осилил,
Неудача моя – неудача России!..
А победа моя – её кровное дело.
Кровь раба ещё в дедовском сердце сгорела..
О, родимая степь, травяное наследство,
И удачи моей неизменное средство!
После встречи с тобой – за победой победа.
Враг мой век не имел степь такую, как эта!
(1974)

УТРО

Стёк в лощины предутренний мрак,
Спит деревня, садами завесясь.
Лишь вдали на скале,
Как рыбак,
Наклонился над озером месяц.
Развернулась заря широко,
Поджигая росу по курганам.
В луговых берегах далеко
Мчит речушка под гривой тумана.
Все заботы начнутся с утра.
Может быть, и такое случится –
Скажем, ссорился с другом вчера,
Поутру поспешишь помириться.
Я утоп в теплоте и цвету,
Мне совсем догадаться нетрудно,
Что в сердцах у людей
Доброту
Пробуждает весеннее утро...

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Я молодость, как буйного коня,
 Всё гнал,
 Всё гнал по кручам
 И долинам.
 И не взгляделся на пути недлинном
 В ночную мглу,
 В простор зелёный дня.
 Мы в молодости временем щедры.
 Бросал я дни налево и направо.
 Безумно жёг высокие костры,
 Беспечно падал в луговые травы.
 Судить себя за это не берусь.
 Всему свой час,
 Всему земные сроки...
 И счастлив я,
 Что под звездой высокой
 Она всегда неповторима – Русь!
 И день ко дню склоняет время плотно,
 И удаляет молодость мою.
 Где раньше я промчался мимолётно,
 Теперь в большом раздумии стою.
 Из мглы ночной придвинулись ко мне
 Высокой тайной вековые сосны.
 В игольчатой сквозистой тишине
 Ушедшие кольнули в сердце вёсны.
 И увели в простор зелёный дня,
 Где даль встаёт дымами и стогами...
 Земля качнулась тихо под ногами
 И понесла – усталая – меня
 К раздумиям о буйствах тишины,
 О тишине кипенья грозowego...
 А для чего мы в мире рождены
 И для чего родятся люди снова?
 Им снова жить бездумно до поры
 И дни бросать налево и направо...
 И разжигать высокие костры,
 Беспечно падать в луговые травы...
 И к ним придут раздумья – жизни груз,
 Всему свой час,
 Всему земные сроки...
 И скажут вновь,
 Что под звездой высокой –
 Она всегда неповторима – Русь!..

(1974)

КОСТЁР

Наливалась вишня спелым соком
 По садам тамбовских деревень,
 Огневые зори на востоке
 Открывали двери в новый день.
 Отзвенел взволнованно экзамен,
 И, как птицы, набирая высь,
 Юноши с пытливыми глазами
 Осторожно взглядывались в жизнь.
 Знали – счастье в руки не положат
 Ни отец, ни бабушка, ни мать.
 Жизнь, она с такой загадкой схожа,
 Что не каждый сможет разгадать.
 И не раз продумали, не дважды,
 Что простым казалось до сих пор...
 И ребята вечером однажды
 Развели за речкою костёр.
 Говорили горячо и бойко,
 Наизнанку – душу и мечту,
 Кто хотел в Сибирь пойти на стройку,
 Кто лететь на дальнюю звезду.
 Но один, как в чём-то виноватый,
 Их тревожно слушал в стороне,
 Вдруг поднялся: «Знаете, ребята,
 Разрешите высказаться мне.
 Хорошо, что рук своих не прячем,
 Но в душе обида, как метель,
 Что к мечте мы рвёмся не иначе
 Как туда – за тридевять земель.
 Вы пройдите по своей округе...
 Нету здесь Сибири, целины,
 Только наши молодые руки
 Здесь ведь так же Родине нужны».

(1962)

ПРЯМАЯ СВЯЗЬ МЕЖ ПРОШЛЫМ И ГРЯДУЩИМ

С 1997 года в Москве, Челябинске, Тамбове и в Мордовском районе в память о поэте-земляке проходят Богдановские чтения. Инициаторами их проведения выступили брат Вячеслава Богданова Виктор Сошин, московские писатели Пётр Проскурин, Валентин Сорокин, Арсений Ларионов, Станислав Куняев, Тамбовская областная писательская организация, администрация Мордовского района, учредившая в 1998 году литературную премию «Светунец» имени Вячеслава Богданова. Её лауреатами стали несколько тамбовских поэтов и прозаиков, журналистов. Она ежегодно вручается также библиотекарям, учителям – пропагандистам лучших образцов современной литературы.

В районной библиотеке рабочего посёлка Мордово в 1998 году открыт музей Вячеслава Богданова, а годом раньше библиотеке присвоено имя поэта и на её здании установлена мемориальная доска. Стараниями брата поэта Виктора Сошина и его московских друзей в Мордово установлен бюст Вячеслава Богданова.

«Таких поэтов, как Вячеслав Богданов, на Руси единицы. На мой взгляд, он относится к ряду таких удивительных чистых и светлых голосов России, какими были его ровесники Николай Рубцов, Борис Примеров, каким и поныне является его друг Валентин Сорокин...»

Этими словами писателя Анатолия Бело-зёрцева открывается книга о творчестве Вячеслава Богданова «Верность», выпущенная в 1997 году в Челябинске, где прошла значительная часть жизни нашего земляка.

Вячеслав Богданов родился 24 сентября 1937 года в деревне Васильевке Мордовского района, где прошло его детство. После окончания школы ФЗО будущий поэт уехал на Урал, работал слесарем-монтажником на Челябинском металлургическом заводе.

Стихи Вячеслав начал писать рано. Первые поэтические строки родились на просторах Тамбовского края. Родная деревня одарила его и жизненным опытом, и образной народной речью:

*Я здешними словами говорю,
Что в детстве собирал,
как землянику...*

В стихах, чистых и ясных, – родословная поэта. С сыновней гордостью он пишет: «Мой отец – землепашец на колхозной земле». Дед тоже был землепашцем, но «на кулацкой земле». Сын выступает как преемник завоёванного дедом и отцом права на светлую жизнь. Об этом – стихотворение «Моя родословная» и другие произведения, вошедшие в многочисленные сборники Вячеслава Богданова: «Перезвон» (1972), «Светунец» (1974), в посмертные книги «Встречи», «Возвращение» (обе – 1997).

Немало лирических строк посвятил Вячеслав Богданов родной Васильевке. Несмотря на то, что он жил и работал на Урале, малую родину вспоминал всегда с любовью и часто приезжал сюда:

*Моя Васильевка родная,
Тебя забыл я до поры.
Но снова память вырастает,
Как воз идёт из-за горы.
В твоих, Васильевка, широтах
Я жизнь познал под шум листвы –
От воробьиного полёта
До горя матери-вдовы.*

Поэт пишет о тяжёлой жизни в деревне, которая постепенно выходила на новую дорогу, и зёрна добра, брошенные в землю, «через сердце проросли»:

*К тем дням свежа моя дорога.
Судить о жизни не тому,
Кто только что сошёл с порога,
А кто вернулся вновь к нему!..*

Тамбовский край был для Вячеслава Богданова «земной колыбелью», ширь полей восхищала и вдохновляла его, родная природа дарила ему лучшие образы и строки. В стихотворениях «Выхожу я в поле», «Весенняя гроза», «Утро в деревне», «Природа», «В отпуске» и многих других поэт так описывает леса, степи, сады, что, читая их, мы чувствуем душистый запах сена, видим, как «Сад раскинул руки-ветви, / Моет листики-ладоши», как «Лениво падают снега, / И облака плывут лениво...»:

*А за околицей села,
Придя от снега в удивленье,
Берёза ветви подняла,
Остановилась, как мгновенье...*

Главная тема в творчестве Вячеслава Богданова – человек труда. И неважно, где он работает – на тамбовских полях или на уральских заводах поэту одинаково дорог хлебороб и сталевар. В стихотворении «Наедине с полями» поэт говорит о той радости, которую он испытывает «под небом родины широкой», где «Для каждого необходимо / Ветрами родины вздохнуть / И после дыма, коксохима / В просторных далях утонуть...». Вспоминаая голодное детство, он бережно срывает ржаной колосок, растирает его в ладонях и ощущает «медовость янтарно-звонкого зерна». Сам и хлебороб, и сталевар, Вячеслав Богданов благодарен судьбе за то, что в нём так органично соединились эти земные профессии. Но он ещё и поэт, призванный воспеть работу, приносящую радость и счастье:

*Судьбой мне вверено до гроба,
По праву сердца и сельчан,*

*Земную славу хлебороба
Роднить со славой заводчан!*

Тамбовский край и Урал – два причала Вячеслава Богданова. Оба были ему дороги, оба сыграли огромную роль в становлении его как поэта и гражданина. В одном из его стихотворений есть такие строки: «По времени тамбовскому ложусь, и просыпаюсь по часам уральским». А в строках, написанных в 1970 году, он выразил всю суть своей жизни:

*Коль доведётся умирать,
То у меня – учитите! –
Завод – отец,
Деревня – мать
И чёрный труд – учитель.*

Малая родина всегда с любовью встречала своего сына. Где бы он ни был – в Челябинске, в Москве, в других городах, – везде и всегда ему чудился «голос полей». Из дальних далей его звали и ждали природа, родной дом – всё, что было ему дорого и близко. Удивительные, сильные образы находит автор, передавая «чувства неживых предметов», олицетворяя их, оживляя их своей любовью и преданностью. Эта любовь была взаимной:

*Приеду в село непременно,
Зовут меня мать и родня.
У дома потрескались стены
От жажды увидеть меня.*

Как с верными друзьями разговаривает поэт с деревьями, с тропинками, по которым любит бродить, и с детским восторгом вдыхает он аромат терпкой мяты, полевых цветов, степного воздуха, пропитанного ни с чем не сравнимым запахом цветенья и увяданья. Его собеседниками становятся то степное озеро, насквозь пронизанное синевой, то пролетевшая птица, то «сквозная, продувная осенняя пора», сентябрь – месяц рождения Вячеслава Богданова:

*Родной сентябрь,
До радости, до пенья*

*Своим лучом прощальным обогрей!
О, добрый месяц моего рожденья,
Меня всегда ты делаешь добрей.*

Лучшие стихи Вячеслава Богданова отмечены истинным талантом, ясностью поэтической речи, широтой взгляда. Наряду с традиционными темами труда, деревенскими мотивами, в его произведениях заметно стремление к осознанию и пониманию поэзии как высшего искусства; он пытается философски осмыслить жизнь, остро ставит проблему назначения человека. Ему не безразлична позиция современника, он хочет донести до его сознания мысль о том, что живущий на земле должен любить её, как сын любит мать, беречь и защищать, как защищали её отцы и деды в лихие времена. И, воспевая Тамбовский край, свою малую родину, поэт не отделяет её от России, он гордится тем, что он россиянин: «Русобровый, лобастый, / Самых русских кровей».

У лирического героя Вячеслава Богданова – будь то сельский труженик или горожанин – общее желание: осмыслить время, в стремлении к будущему не забывать прошлое: без этой «связующей нити» не может быть полноценной и полнокровной жизни:

*Нам прошлое сегодня как броня,
И в нас живут его земные боли.
Не потому ль мы встали у огня,
Не потому ль мы распахали поле?*

*Я вглядываюсь в лица наших дней,
В лицо огня и пашины, неба, пуши...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.*

Каждое лето Вячеслав Богданов стремился на встречу с земляками, на просторы чернозёмных полей. Он принимал активное участие в праздниках поэзии, проходивших в Тамбовской области в 1960–70-е годы, вдохновенно читал стихи в рабочих и студенческих аудиториях, перед сельскими тружениками. В 1975 году он также собирался на малую родину. Но встреча не состоялась: 11 июля сердце

поэта перестало биться. Умер он в Москве, но похоронен в Челябинске, где прошла большая часть его сознательной творческой жизни, где он не только работал на заводе, но и руководил литературным объединением, воспитавшим немало талантливых уральских поэтов.

Природа, которую так любил Вячеслав Богданов, наверное, чувствовала уход своего певца и не могла не скорбеть.

В стихотворении «Утрата» друг Вячеслава Богданова, поэт Валентин Сорокин, написал:

*Плачется ромашке луговой.
Жизнь всегда полна непостоянства.
...Над его горячей головой
Разомкнулось вечное пространство.*

В 2004 году в Тамбове, при поддержке администрации области, издана книга «Она всегда неповторима – Русь!», в которую помимо произведений Вячеслава Богданова вошли стихи, посвящённые памяти поэта, статьи о нём, воспоминания близких. Вот что написал о Богданове известный прозаик Пётр Проскурин, не раз бывавший в Тамбове:

«Я прочитал стихи Вячеслава Богданова и вдруг понял, что этот человек исследовал то же, что и я, болел тем же, чем и я. Он пытался понять, что такое Россия, что такое русский человек. И самое главное – что делать дальше...

Однажды Леонид Леонов, этот мудрый старик, сказал в разговоре со мной: "Пётр Лукич, вы знаете, когда начинается писатель? Когда его похоронят и когда он прорастёт из могилы". Вы вдумайтесь в смысл сказанного и поймёте, что здесь заложена глубочайшая мысль и истина. Понимаете? Если прорастёт после смерти в народе, то, значит, он и писатель, и потому будущему определять, кто из нас выше, а кто ниже, кто кого талантливее... Вот Вячеслав Богданов сейчас пророс. Пришло время, двадцать лет молчали – и вдруг пророс. Почему? А потому, что он был из сердца народа. Он болел его болью, прочитайте его стихи. Это ведь всё – боль за Россию, её будущее...»

За последние годы увидели свет ещё несколько книг Вячеслава Богданова и воспоми-

нания о нём. Самое фундаментальное издание о жизни и творчестве поэта вышло в 2020 году – «Медоносная судьба». Его автор – Виктор Михайлович Сошин, неутомимый пропагандист поэзии нашего талантливого земляка.

Валентина ДОРОЖКИНА

СТИХИ ВЯЧЕСЛАВА БОГДАНОВА

РОДНАЯ СТЕПЬ

Вновь дорога вечером остынет
От жары полдневной и колёс.
Будет степь похожа на пустыню
В жёлтом свете месяца и звёзд.
За селенье выйду в час вечерний
И в степи увижу за селом,
Как ночная птица небо чертит
И звезды касается крылом.

А река в ромашковых низинах
Завздыхает чисто, глубоко,
Где коровьим стадом и бензином
От дороги тянет широко...
Ой ты, степь, просторы непростые,
Хлебный ветер с перезвоном ржи!
Почему мерещишься пустыней? –
Ты – полёт и жажда для души!

Я мужал на ветровых высотах,
Грелся у плавильного огня, –
Чернозёмным вешним разворотом
Ты звала – гудящая – меня.
У огня, на заводском Урале,
Ты давала силы мне вдвойне,
Видел я в кипенье буйном стали
Буйство чернозёма по весне...

Ты моё дыхание и пенье,
Я с тобою выше и видней.
Ты моя от самого рожденья,
Ты в крови – от неба до корней!
Ты сумела мне судьбу пророчить.
Я в свои шестнадцать полных лет
Был тобою послан в край рабочий
И теперь представлен как поэт!..

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Полнеба встыхнуло зарёю,
И отступили стайки звёзд –
А солнце где-то за рекою,
Сменив луну, встаёт на пост.

Доносит ветер дальний рокот
С весны бессонных тракторов.
Пастух на улице широкой
Погнал на пастбище коров.

Лучами солнце тени режет,
Бледнеет дымка над прудом,
И пахнет утренняя свежесть
Парным душистым молоком.

ВЫХОЖУ Я В ПОЛЕ...

Выхожу я в поле,
Снова замираю –
От любви до боли
К дорогому краю.

Дышит ветер сонно
И кудлатит волос.
Рожь от горизонта
До груди простёрлась.

В цехе, на Урале,
Труд в мартенах жарок.
И степные дали
Для меня – подарок.

Увезу отсюда
Я загар на коже.
И не позабуду
Куст сирени тоже.

Увезу я ветер,
В волосах уснувший,
Летние рассветы
С кваканьем лягушек,

Голубя рябого,
Что прижился в сенцах, –
Всё возьму с собою,
Лишь оставлю – сердце.

В ОТПУСКЕ

А. Стрыгину

Эх, и кони! Да что им усталость!
Мчатся, шеи сгибая в дугу.
Раскудрявилась ширь, распласталась!..
Аж в груди уместить не могу.
Утопают степные посёлки
В знойной дрёме звенящего дня,
А кругом так поют перепёлки,
Словно только и ждали меня.

Пролетают машины по тракту.
А в степи – сенокосный «аврал» –
С волокушею движется трактор,
Гору сена в объятья забрал.
Дед ко мне пристаёт с разговором,
Уж двадцатый вопрос задаёт:
– Ты надолго? Хорош ли ваш город?
Сколько платят? А как там завод?..

– Помолчите пока хоть минуту,
Для беседы достаточно дней.
Я про всё расскажу, а пока
Припугните горячих коней.
Я забыл про дыханье мартена,
Где поля вспоминались не раз.
Слышишь запах душистого сена?
От него я хмелею сейчас.

Дайте вожжи. А ну-ка, гnedые!
Пусть я с детства ушёл на завод,
Но в руках молодых и донине
Деревенская хватка живёт.
И знакомо мне счастье земное.
И любой покоряется труд.
Я ошпарен мартеновским зноем
И степными ветрами продут.

ТАМБОВСКИЕ ЗЕМЛИ

Нету края степному раздолью...
Подступив к огородам села,
Серебрится ячменное поле,
Разомлев от дождей и тепла.

Развернувшись и влево, и вправо,
Набирая зелёных высот,
Лесополосы, словно составы,
Уползают в седой горизонт.

А над полем спокойно и трудно,
Где кипит огневая страда,
Как рабочие сельские будни,
Напряжённо гудят провода.

ВАСИЛЬЕВКА

Моя Васильевка родная,
Тебя забыл я до поры.
Но снова память вырастает,
Как воз идёт из-за горы.

И воз горит зелёным светом:
Свободен путь! Свободен путь!
И думы, словно росы с веток,
Мне освежили разом грудь.

В твоих, Васильевка, широтах
Я жизнь познал под шум листвы –
От воробьиного полёта
До горя матери-вдовы...

Я на ветру дорожном, гулком
Провею думы в нужный срок,
Как мать в войну в глухом проулке
Пшеницу веяла в платок...

Сгущался сумрак, словно ужас,
А зёрна, падая, цвели...
И, озарясь, запали в душу
И через сердце проросли.

К тем дням свежа моя дорога.
Судить о жизни не тому,
Кто только что сошёл с порога,
А кто вернулся вновь к нему!..

БЫЛОЕ

Запели желанные струны
На склоне весеннего дня.
Да, был я весёлым и юным,
И помнят такого меня.

Не ростом я взял, не кудрями,
Не взлётом крылатых бровей,
А тем – на заре с петухами
Вставал я в деревне своей.

В работе и сердцем не слабый,
По крови отцовской плечист,
Я шёл через речку на табор,
Пятнадцати лет плугочист.

И было по-русски мне любо,
Рассветом наполнив глаза,
Смотреть, как над крышами трубы
Выводят дымок в небеса.

И как от восторга и солнца,
Стеля длинноногую тень,
Скрипучий журавль у колодца
Поклоном встречал новый день.

Брёл конюх по улице рано
И хлопал в проулке кнутом...
Как всё это было недавно!
И будет ли это потом?..

Отпели желанные струны.
И, голову к ночи клоня,
Хочу быть весёлым и юным
Во имя грядущего дня.

ТАМБОВСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК ВЯЧЕСЛАВУ БОГДАНОВУ

Семён МИЛОСЕРДОВ

ДВА ПРИЧАЛА

Перепёлка явственно кричала:
«Навестить Васильевку пора!»
Город и деревня – два причала,
Пламя и цветы – из-под пера.

Оставляя суету и споры
Где-то за уральскою грядой,
Ты шагал в зелёные просторы,
Силой наливаясь молодой.

И в строке, как в яблоке, железо
Оседало с мёдом пополам...
Было больно, словно от порезов,
От твоих морщин твоим друзьям...

Не допета песнь о Чернозёме,
И не разомкнуть судьбы кольцо.
Всё ж мне кажется: в родимом доме
Ты выходишь, Слава, на крыльцо.

Кажется: летишь на самолёте,
Под крылом – родные берега...
До сих пор Земля с тобой в полёте –
Горы, степи, русские снега...

Видится: стихом сроднить умея
Пламя домен с полевой звездой,
Ты стоишь, восторженный, немея
Перед этой вечной красотой.

Евстахий НАЧАС

* * *

*Видно, так беспокойною искрой
Наградила Россия меня...
Вячеслав Богданов*

Он родился в России,
Россиянина сын.
Он под куполом синим
Не дошёл до седин,
Но дошёл он до боли
Дорогих земляков –
Тех, что кланялись полю,
Не боясь облаков.
Они кланялись низко,
Чтоб земля их жила.
Беспокойную искру
В нём Россия зажгла.
Эта искра светила
Путеводной звездой
И его возносила,
Как рассвет, над водой.

Он красив был и молод,
Он не жил, а летел
И уральский свой город
К нам приблизить хотел.
К нашим цнинским рассветам,
Где цветут ивняки.
Он был честным поэтом,
Ныне мало таких.

Перед властью не гнулся,
Жил, души не тая.
Но он всё же вернулся
В те родные края,
Где ловил он руками
Луговые дожди,
Где кричал в детстве маме:
«Подожди, подожди!»

Этот крик не стихает
В каждой русской душе.
Он вернулся стихами
На ином рубеже.
Так же ясно и близко
С нами он говорит –
Беспокойная искра
Всё горит и горит...

Валентина ДОРОЖКИНА

ПО ДОРОГЕ В МОРДОВО

Врасплох застало вдохновение –
Опять деревья в янтаре!
Мы на Богдановские чтения
В Мордово едем в октябре.

А зелень прячется как будто,
Уже заметная едва...
Забьётся сердце почему-то,
И просто скажутся слова:

«Какая красота в природе!»
И дорог сердцу каждый миг.
Я вижу: Вячеслав выходит
Из-за деревьев золотых.

В руках – букет из жёлтых листьев,
И синева – над головой.
Он «голосует»: «Подвезите!
Спешу в Васильевку, домой!»

МОНОЛОГ ВЯЧЕСЛАВА БОГДАНОВА

Виктору Сошину

Ты не просто мне брат, ты – собрат
По перу, по страсти к книге...
Видишь свежего хлеба ковриги? –
Это дом нашей встрече так рад...

Если б мог я тогда, если б мог,
Не оставил бы отчий порог.
Но ты знаешь, как меня звал
Судьбоносный мой край – Урал.

Я Тамбовщине не изменил.
Сколько взял я отсюда сил!
Видишь, облако тихо плывёт –
Это я совершаю полёт

Над родимой землёю моей.
Всем обязан я только ей...
Посмотри, брат, вначале ввысь,
А потом земле поклонись.

Не жалею для неё любви
И подольше на ней живи!

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА БОГДАНОВА

Снова слово на губах застынет:
Умер... Умер? Да не может быть!..
Вячеслав Богданов... Это имя
Чёрной рамкой не отгородить

От Москвы, Челябинска, Тамбова,
От мордовской матери-земли...
Вот опять в дороге он. И снова
Голос его слышится вдали...

Он – из поколения не доживших,
Не допевших и не долюбивших...
Всё-таки он многое успел:
Честно жил. Любил. От сердца пел.

Жизни не бывает без потерь...
Дети его – книги со стихами,
От которых люди затихали
И – равнодушны и теперь.

И звучат от края и до края
Строки молодые, как весна.
Слышит ли Васильевка родная?
Ну конечно, слышит. Ведь она

Помнит босоногого мальчишку.
И хоть стал давно он знаменит,
Только человек, откуда вышел,
Всё равно туда же прилетит.

Родина объятия раскроет,
И природа стихнет, чуть дыша...
Пролетает птицей над землёю
Славина мятежная душа.

Мария ЗНОБИЩЕВА

ДОБЫВАЯ СЛОВО...

Есть такие созвучья –
Выше смыслов и слов –
Из небесных излучин,
Голубых родников.
Если жив ради жизни,
Ради слова любви,
Сердце чисто созиди
И дух прав обнови.
Выбрав долю поэта,
Дыры в сердце латай
Переливами света,
Перекличками стай,
Правды ниткой суровой
И дыханьем зари
И добытое слово
Вместе с сердцем дари.

Ольга ШТЫРКИНА

ВЯЧЕСЛАВУ БОГДАНОВУ

*Только смерть остановит в дороге,
А пока я живу и дышу...
Пусть отрубят мне руки и ноги –
Я зубами стихи напишу!*

В. Богданов. «Верность»

Дорога растворилась в небесах,
И горизонт её в объятья принял.
Творит природа в поле чудеса
Слияния земных и вышних линий.
Душа зовёт в неведомую даль
И дышит серебристым вдохновеньем.
Закатная расплавленная сталь
Застынет формой для стихотворенья.
Строку из раскалённых чувств отлить
И поделиться ею с русским летом!..
Ведь не писать для русского поэта –
Обрезать жизни солнечную нить.

Александра НИКОЛАЕВА

* * *

*...Перед правдой – дело не уроним,
Добывая слово, словно честь.*

Вячеслав Богданов

Поэзия – тяжёлая работа,
Похожая на ковку и литьё.
Но лишь по воле сердца,
Не по КЗОТу
В стихах созреет боль и бытиё.
Надела облаченье золотое
Большая степь
Сентябрьским ясным днём,
Когда поэт с пронзительной душой
Родился, чтобы стать её певцом.
От ковылей тамбовских до Магнитки
Его судьбы тропинка пролегла –
Суровой рифмы бронзовые слитки
И сердце, догоревшее дотла.
Голубоглазый, русый, невысокий,
Поэт спешил и жить, и сочинять,
Так бережно вынашивая, строки
На волю с журавлями отпускать.
Янтарное живительное семя
Его стихов сквозь годы прорастёт...
Поэзия – немыслимое бремя.
Благословенны, кто его несёт!

Елена ЗАХАРОВА

«Нет кривого пути у поэта» –
Сколько честности в этих словах!
Если музыка в сердце жива,
«Звон колосьев» расскажет об этом.
«Гость полей», разбудив тишину,
Растревожит нечаянно душу.
А поэт поглядит на луну
И чуть-чуть загрустит о минувшем.
Он напишет о милых полях
С благодарной сыновней любовью,
И до боли родная земля
Будет жить в поэтическом слове.
И Тамбов, и далёкий Урал...
Доброй памятью сердце согрето,
Ведь Богданов когда-то сказал:
«Нет кривого пути у поэта».

Ромашки для влюблённых

Покачёвский ягельник

Увидеть прекрасное

Дары Тюменского Севера

Дикоросы

Роза

Волшебство огня

ПРОСТАЯ ДУША

РАССКАЗ

Удивительное было лето ХХХХ года, Москву и Подмосковье залили дождики, в лесах стояла вода, и до самой осени не было грибов, даже опята появились только в конце августа.

– Поедем к бабушке, – сказал я отцу, – наверняка грибы пошли...

И мы поехали на свою малую родину, в самую что ни на есть глухую провинцию. От станции Сасово ехали на грязном пазике, на дороге стояли лужи. Слева и справа – непроходимая рожь, уже почерневшая от дождей, и такая густая, такая тучная, что даже местные пассажиры, рабочие из бригады механизато-

ров, говорили: «Хлеб ныне густ. Колос к колосу, даже и уж не проползёт... Да вот только дожди залили, погибнет, похоже, и хлеб. И картошку залило... Грибов – тьма, да все белые...»

Автобус с шаткими ободранными сиденьями гремел обшивкой, часто останавливался, объезжал ямы, полные воды, мелкие лужи. Не доехав километра до нашей остановки, шофёр объявил:

– Слезайте, дальше не поеду, дорогу залило...

Мы выбрались и пошли пешком просёлочной дорогой. Как только свернули с большака, идти в ботинках стало невозможно, мы разулись

и шли босиком. За плечами рюкзаки, в руках обувка. Сначала шли кукурузным полем, потом заглохшим в разнотравье свекловичником, сплошь в мокрых бороздах, в лебеде, в васильках с повиликой.

– Свёкла пропала, – с грустью в голосе проговорил отец, – не пропололи вовремя.

А всего идти-то было километра три с небольшим. Но такой липкий был чернозём, так разъезжены были тракторные колеи, что пришлось тянуться краем поля, а потом и полем, напрямки по бездорожью.

Когда дошли до ржаного, отец остановился, закурил и долго смотрел на скошенные для сноты снопы в серой болотной жиже, на сорванные колоски, тучные зёрна уже поспели. Постоял, переживая, что-то вспомнил, изрёк нечто о поре своей молодости:

– Вот так. Разреши пять колосков – полполя подберут. – И добавил: – Эх, и хлеба были бы, если б не дождики... Смотри-ка, такую рожь я не видел в наших местах... Какой-то новый сорт. Начали уже убирать, верно, да помешали дожди.

Кое-где уже стояли почерневшие копны. Шёл сначала мелкий, а потом мало-мало разошедшийся в ливень дождь, как серая сетка, всё застило вокруг.

До деревеньки, где жила бабушка, было уже близко, а мы шли по колено в траве, без дороги, без разбору, по клеверу второго укоса. Был девятый час, а казалось, что всё ещё раннее утро, проливной дождь хлестал не переставая, и за какие-то полчаса на нас нитки сухой не осталось.

– Ой, приехали! – стукая щеколдой и отворяя дверь, обрадовалась бабушка. – Снимайте с себя всё, я тут вам обутку найду, сухую одежонку... Господи, и что за напасть такая: дожди и дожди... И ни проехать ни пройти. Хлеб неделю не везут, а пешь не доберёшься... А вы хлебца-то не привезли из Москвы, не догадались?

– А мы думали... – сказал отец и начал хлебать щи без хлеба.

Бабка полезла на печку, вытащила мешочек с сухарями и, высыпая горстями в тарелку, рассказывала о местных порядках, а точнее – беспорядках, что начальство меняется, как рукавицы, хлеба небывалые, а всё прееет и гниёт...

– Как раз к грибам приехали, – говорила бабушка, со стуком меняя ухват. – Тут приезжие гости грибов обтаскались, носят кошёлками бельевыми, да все дубовые...

– Белые есть? – переспросил я.

– Говорю же – дубовые, по-вашему – белые. Никакие они не белые, а скорее, коричневые, поджаристые, как булки из печи...

Часа через два перестал лить дождь, выглянуло солнце, ослепительно заиграли влагой травы, заблестел солнечными бликами потолок в избе от огромной лужи под окнами, радостно зачиликали на крыше воробьи, и в доме не сиделось.

– А пойдём-ка за грибами, – сказал я отцу, беспрерывно курившему у окна, смотревшему на мокрую улицу.

– Ну-у, за грибами?.. Там теперь и в сапогах не пройдёшь, поди-ка, – сказал он с неуверенностью. – Вот подсохнет, обдует...

И всё же стали собираться. Старенькие рубахи, штаны, тапочки, ботинки с косо сбитыми каблуками – всё это вытаскивала бабушка из чуланчика:

– Ну-ка, примеряйте!

– Эх, сапоги не привезли... И как это я не подумал про сапоги? – то и дело сокрушался отец, вдалбливая ноги в обрезки жёстких кирпичных сапог с разбитыми каблуками. – И про хлеб... тово... не вспомнили... Оглошали...

– А вы лапти наденьте, – посоветовала бабушка. – Я тут у Прокофия купила дайча...

Мы засмеялись, а бабушка обиделась:

– Ну-к ва-а-с, не графья... У меня вон печь простыла, пока я за вами ухлёстывала. Как раньше-то – косили в болотах и убирали в полях хлеба, ходили в сельмаг за семь-восемь вёрст, все в лапотцах, в них, родимых... И легко, и ноге любо.

– А что, – согласился вдруг отец, – милое дело – лапти. Теперь и в сапогах не вылезешь из лесу сухим: места тут – колдобины, канавы да болота.

– Какие неаккуратные... – проговорил я, рассматривая лапти.

Мотая на ноги портянки, отец молчал, он знал толк в лаптях. Когда-то ходил в школу в этой диковинной музейной обуви, плёл их в детстве.

– Неаккуратные – потому из крупных лык, а вот если бы лыки помельче – другое дело, – молвил он, отдуваясь.

– Да ему без малого девяносто, Прокофию-то, видит плохо. Да он и не хотел плести, это я ему в начале лета лыки заготовила, упрашивала, самогону литр выпоила да ещё заплатила тыщцу рублей на хлеб-соль, вот вам... А не хотите – как хотите...

Лапти обували долго, хилые оборы рвались. Бабушка смеялась. И как только снаряжение было готово, большие кошёлки повесили мы на плечи, а она взяла суковатый батожок и вышла нас провожать, как в какой-нибудь дальний путь.

Шли напрямки, по густой, зелёной, хватавшей за ноги траве, заброшенными огородами, мимо развалившихся изб с забитыми тёсом окнами, косившими дверями, банешек с голыми стропилами... Не успели добраться до опушки леса, уже были хоть выжми от росы, но идти было легко, из лаптей сочилась вода.

Солнце светило ярко и близко, и вода в провалах и лесных низинах согрелась. Воздух стал тёплым от влаги. Ослепительно блестели на опушках мелкоколосья цветы и травы, вспархивали тетерева, трещали сороки на высоких осинах. По выгону рассыпалось стадо нетелей – молодых коров, за ними ходко с собаками тянулись пастихи верхом на конях.

На лесной дороге встретились нам две молодые женщины и посмотрели на нас, как на призраков, пришедших из давних времён, на наши лапти и кошёлки. Временами в лесу слышались голоса – возвращались грибники с корзинами грибов.

Места глухие, медвежий угол, за десятки километров от больших дорог, грибы собирали городские гости. Грибов было так много, как говорят, хоть косою коси, но, видно, от проливных дождей и не просыхающей влаги в «вымочках» почти все, даже молодые белые грибы побили черви, слизни, приходилось долго выбирать самые маленькие, молодые, иногда растущие по шляпку в воде. Целыми куртинами попадались обабки, не семьями, а, я бы сказал, стаями.

– А ведь и верно говорила бабка, что в лаптях хорошо, – напомнил я отцу, продираясь че-

рез густой ежевичник, до крови кусавший руки, терновник, непроходимо разросшийся на краю оврага. – В сапогах всё равно были бы теперь мокрые ноги, да ещё и с мозолями... Да и времена наступили теперь такие, что обувь надо беречь.

– На лапти переходим, – пошутил отец. – Откроем кооператив по производству лаптей... «Отец, сын и К°».

Солнце так разогрело молодой смешанный лес, куртинки, лесные тропинки и коровьи прогоны, что от испарений, аромата цветов и трав, густо разросшихся на опушках, было трудно дышать. Тонко курилась дорога на опушке леса, источая влагу.

Мы возвращались домой, когда услышали женские голоса. Женщины сидели возле дороги, отдыхали, закусывали. Кошёлки, полные грибов, покрыли сверху луговой мятой. Яичная скорлупа, кожура от картошки, сваренной в мундире, – всё аккуратно собрано в кучу на обрывке газеты.

– День добрый, – сказали мы, проходя мимо. Они ответили на разные голоса, и одна из них, та, что постарше, проговорила:

– Теперь лапти днём с огнём не сыщешь, хоть сторона наша и лапотная. Мне бы сплели, я углачу...

– И мне, – проговорила сидевшая ногами вперёд белобрысая молодуха с крутой грудью, румяная и с крепкими локтями, и звонко засмеялась. – И мне, только побыстрее, а то все ноги в мозлах...

Возле корзинок сушились носки, резиновые сапоги; женщины пили из фляжки компот вкруговую, они жили в соседней деревне, а мы их не знали.

– А вы чьего же двора будете? – спросила та, что всех старше.

Мы назвались. Она, подумав, проговорила:

– Знаю вашу бабуку, а вас не знаю.

Верхушки осин весело трепетали листьями, полуденное солнце нестерпимо жгло. Мы шли без дороги сначала мелкоколосьем, а потом свернули на полевую торную дорогу, раздавленную тракторами вдрызг. Подсолнухи в цвету приветливо польхали золотыми головками, волнами переливалось это удивительное жёлтое море, сквозившее ослепительными лужами в низинах.

Показалась деревня, точнее то, что осталось от деревни: высокие старые тополя, вязы, разорвавшиеся повдоль от собственной мощи, разваливающиеся избы, заброшенные подворья и заглохшие в крапиве, задичавшие сады. Мелколесье подступало к избам, как бы шло в наступление, угрожая огородам, и садам, и всей деревеньке заполнить, забить чапыжником, стереть с лица земли.

– А когда-то выкашивали все куртинки лесные, тринки не оставляли у канав, – говорил отец, с грустью поглядывая на огороды, сплошь заросшие травой, желтеющей мятликом. – Лет через десять всё зарастёт, как будто и не жили здесь... А какие сады когда-то цвели тут, у самой деревеньки были колхозные огороды с капустой, огурцами. За сноп цветочника и травы у усадьбы за топоры хватались. Сколько корма надо... А где взять...

Молодняк, нетели, стояли и лежали в загоне, огороженном жердями. Утопая в навозной жиже, скотина жалась к углам, где посуше, а чуть поодаль, под навесом из грубой ткани, спали два пастуха, тотчас видно, что мертвецки пьяные; хрустели травой две лошади, брехал серый кобель, а пастухи так и не проснулись, спали вповалку, как убитые, навзничь. Открытые дыры ртов были страшны, веки точили мухи. Возле – пузырьки одеколona с пляшущей красавицей и на мятой газете с просыпанной махоркой кнут и скорлупа от яиц.

Напротив окон бабушки стоял хороший ещё дом под жестью, с заколоченными окнами и сломанным громоотводом. Пушкой в небо торчала матица скотного двора, частокол упал и гнил в густой траве. И ни единой души кругом, как будто все вымерли. Как будто нейтронная бомба взорвалась здесь, убив всё живое и опалив мёртвое.

– Земля не терпит предательства, – с грустью в голосе сказал отец, когда мы проходили мимо заброшенного огорода и задичавшего сада. Он остановился.

– Какого предательства? – не понял я.

– Все дома, гнёзда свои бросили, убежали, кто куда сумел, а поговорить с ровесниками – так никто настоящую жизнь и не устроил, не

нашли счастья в городах... Если бы не задавили налогами, а ещё раньше не растолкали самых толковых мужиков по «Котлованам», каждый бы нашёл здесь своё счастье.

Да, оскудение, запустение и оскудение...

Бабушка встретила нас на крылечке. Лапти наши расползлись и промокли. На ступенях крыльца стояли от ног лужи.

– Ой-ой, грибы-то какие хорошие, – дивилась бабка, перебирая в корзинах. – Да все дубо-о-вые, да какие ядрёные, свежие, поджаристые, звонкие, как шшелчок... Да это вы где же набрали-то, а я хожу-хожу, карга старая...

Я смотрел на неё, на отца, и почему-то щемило сердце от жалости к ним.

– Знаешь, – неожиданно сказал отец, – я иногда думаю, почему человек так ненавидит себе подобных? Полтора миллиарда людей на Земле голодают. Умирают от голода. А в Джорджии, в США, некто миллиардер за огромные деньги выставил «скрижали» из огромных гранитных плит. «Памятник смерти». На них запланировано сократить население более чем в двенадцать раз. Планы – злее фашистских. Так и жди, или чуму напустят, или нейтронную бомбу взорвут, или что ещё...

Бабушка по-своему поняла. Она сказала:

– Живите, живите да радуйтесь. А то скоро свет-конец. И в Писании про то говорится. Да вы ещё сами себе отпуск возьмите и погуляйте ещё. По мобильному-то своему позвоните, остаёмся, мол, ещё у бабули. И побудем у неё. У Прокофия и ружьецо есть. Как тетёрки-то по хлебу летают, только фырр, фырр, фырр... А кабаны всё поле изрыли.

Так она долго сидела, мыла наши грибы с улыбкой тихой радости на устах и приговаривала: «Живите радостно, хорошо живите, а то скоро свет-конец...»

– Спешите жить! Так, Полина Тимофеевна? – улыбнулся отец словам тёщи и стал закуривать влажную сигарету. Зачем-то глубокомысленно и тихо проговаривая... – Спешите... Да-а...

Василий КИЛЯКОВ

Наталья МЕРКУШОВА

1

Оазисы в степном краю,
Их было создано немало.
И Воронцов жил, как в раю, –
Им Новотомниково стало.

И графский вензель родовой
Искусно расположен в парке.
Живут деревья – он живой.
Чудесная земная память.

Потомки графских рысаков
Орловской значимой породы
Аллюром мчались через годы
На протяжении веков.

И словно в те века былые,
Стоят усадьбы родовые.

2

Стоят усадьбы родовые,
Пленя красотой своей.
Они деяния земные
Князей, министров и царей...

И род Чичериных был славен,
Наш край культурою встряхнул.
Усадьбой памятник поставлен –
Восстановили Караул.

А купол храма Васнецовым
Расписан был. И этот храм
Уже сияет тут и там
Великолепьем чудным, новым.

Хоть это есть в родном краю,
Не вам сегодня песнь пою.

3

Не вам сегодня песнь пою,
Пою тому, кто вас прославил,
Места родные, узнаю
Так много связанного с вами.

Ведь здесь и Скобелев бывал,
Герои «Барышни-крестьянки».
И славный «белый генерал»
Гулял в свободном «зоопарке».

Зверинец был принять готов
Экзотику живого мира,
Его воспеть не сможет лира,
Уж нет тут видимых следов.

О, эти чудеса былые!
Кто создал вас – они живые.

4

Кто создал вас, они – живые,
Творцы неповторимых мест.
Сияют клёны золотые
И озаряют всё окрест.

И роща туевая – чудо!
В лесу у Стеньшино растёт.
И прадед Пушкина – оттуда.
Лодыгин лампочку зажжёт.

Места чудесные, где жил он,
Смогли на это вдохновить,
И стало солнышком светить
Всем рукотворное светило.

Никто не будет позабыт,
Пока история хранит.

5

Пока история хранит,
Мечтать мы будем, что когда-то
Здесь жизнь, как прежде, закипит.
Да в чём усадьба виновата?

Зачем разрушена была
Поэта детская обитель?
Но не стирают имена
Ни время, ни беспечный житель.

Усадьба Мара оживёт,
Да будет так, я это знаю,
Об этом многие мечтают,
Паденье ожидает взлёт.

И в Лету никогда не канет
Усадеб самый малый камень.

6

Усадеб самый малый камень
Хранит былые имена.
Дворца Асеевского пламень
Преодолеет все времена.

Его воздушность, белоснежность,
Как будто бы над Цной парит,
И этот стиль, и эта нежность
Любовь к бывшему сохранит.

И Петергофа продолжение
В фонтанах грезится опять,
И струй неспешное течение,
И статуя вековая стать.

Виденье не уйдёт в зенит,
Бывшее станет как гранит.

7

Бывшее станет, как гранит.
В нём вместе встречи и разлуки.
Хор Салтыковский сохранит
Величье пения и муки.

Вот хор прославленный поёт.
Вот от жестокости немеет...
И князь Голицын предстаёт
То великаном, то пигмеем.

Таких людей – наперечёт:
Как дирижёр – сама невинность

И злой боярин, что сечёт
Немилосердно за провинность.

И всё, что создано руками,
Не покорённое веками.

8

Не покорённое веками –
Источники, вот соль земли.
Через песок, подземный камень
Прошли и силу обрели.

Тамбовский Питирим обитель
На Трегуляе воссоздал,
Руками только лишь святитель
В лесу источник откопал.

Благословен источник жизни,
К нему стекаются рекой,
Вбирают силу и покой
И обретают то, что ищут.

Живут деянья много лет,
И если нет уж на земле.

9

И если нет уж на земле
Героев наших, ну и что же,
В веках останется их след,
И время славу приумножит.

Кривцов и Пушкин – имена
Всем нам доподлинно известны.
Они в былые времена
По-дружески общались тесно.

Нередко Пушкин посылал
В именье Любичи творенья,
И ждал Кривцова удивленья,
И одобрения желал.

Известна дружбы панорама –
Материального ни грамма.

10

Материального ни грамма
Нет в отношениях людей,
Когда их связывает драма
И океан людских страстей.

Что нам Полетики? Нам Пушкин
И дорог, и любим давно.
Но всё ж Идалия как пушка,
Ей было выстрелить дано.

Злой гений – в свете называли –
В жизнь Пушкина несла разлад,
Причина смерти, говорят.
С Дантесом в дружбе состояли.

Приходят отголоски драмы –
Воспоминанья-телеграммы.

11

Воспоминанья-телеграммы
Придут и улетят опять...
...Здесь Добужинский жил у мамы,
В именье начал рисовать.

Да, иллюстратор «Казначейши»
В Тамбов надолго приезжал,
Чтоб самому узнать не меньше,
Чем Лермонтов, когда писал.

О достоверность, в этом дело!
Вот так и надо, чтоб века
Хранилось, что смогла рука,
И никогда не устарело.

Воспоминанья давних лет
Приносят птицы на крыле.

12

Приносят птицы на крыле
Нам вести с поля Куликова.
Исчезли в гибельном огне
Защитники крыльца родного.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

И был построен чудный храм,
Иконостас горел Жар-птицей,
Его бы прославлять векам,
Да вот... такого не случится...

Писали в Ракше красоту
Стрелецкий с Комаровским вместе –
Иконостас, как чудо-песню
И незабвенную мечту.

Живые памяти потоки,
Я верю, сберегут потомки.

13

Я верю, сберегут потомки,
Что сохранялось и до них,
И не наступят злые сроки,
Хоть ветер войн ещё не стих.

И бесконечных потрясений
Конца не видно, но потом
Вдруг народится новый гений,
И чудо повторится в нём.

Нескучным миром назовётся
Всё сотворённое в веках,
Не превратившееся в прах,
Оно ПОТОМКАМ остаётся.

И нескончаемы, и ёмки
Бесценной памяти обломки.

14

Бесценной памяти обломки
Доходят и до наших дней.
Есть имена, они негромки,
И тише есть, и послушней.

А есть гремящие громами.
Назвать бы всех, да не могу,
Они развеяны ветрами,
Но всё ж собрать их помогу.

Частичку памяти сложила
В свой поэтический венок,
Вместить лишь малое он смог,
Но это будет нерушимо.

И продолжают жизнь свою
Оазисы в степном краю.

15

Оазисы в степном краю –
Стоят усадьбы родовые.
Не вам сегодня песнь пою –
Кто создал вас, они – живые.

Пока история хранит
Усадеб самый малый камень,
Былое станет, как гранит,
Не покорённое веками.

И если нет уж на земле
Материального ни грамма,
Воспоминая телеграммы
Приносят птицы на крыле.

Я верю, сберегут потомки
Бесценной памяти обломки.

Андрей РЕБРОВ

Андрей Борисович Ребров родился в 1961 году в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских – на Валааме, в Оптиной пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях – оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь СП России, действующий член ИППО. Лауреат всероссийских литературных премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и государственные награды. Главный редактор журнала «Родная Ладога». Живёт в Санкт-Петербурге.

К 60-летию со дня рождения

КОПЬЁ ПЕРЕСВЕТА

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Иссяк закат. И ночь черна, как пашня.
Пишу, пишу... пашу лист белый я,
Чтоб трением пера о грунт бумажный
Возжечь хотя бы искру Бытия.

Чтоб в книге дней, объётой позолотой
Небесных нив, легко бы вы прочли
Хотя б щепотку строчек, где от пота
И слёз моих искрится соль земли.

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягнёнок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Всё было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

* * *

Поветшала скитская дубрава,
Понищал одеждами народ.
Лишь церковей намоленные главы
Золотят осенний небосвод.

Снова, Русь, в убогом одеянье
На заветный свет их
ты спешишь.
Века и природы увяданье –
Время для спасения души.

БЕРЕЗЫ

Отъярились осенние грозы,
И забрезжили в ясной дали
Столь привычные взору берёзы –
Златокрылые светлы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страхась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

* * *

Никольский собор закружил куполами.
И чудится в каждом витке листопада,
Что осени русской кленовое пламя
Бушует в ветвях Гефсиманского сада.

Да будет по вере твоей! И не сетуй,
Да было ли то и на самом ли деле

Мгновенье тому на промокших газетах
Библейские ангелы тихо сидели.

Есть в осени невской такие мгновенья,
Когда этот город кружит в небесах,
И разных времён и пространств совмещенье
Свершается прямо на наших глазах.

* * *

Засыпал стёкла рыхлый свет дневной,
И мне светлица кажется норую.
И растворяю в поле я окно,
Где пахнет свежей пашнею сырою,
Где крот, как будто в толще временной,
Копает ход сквозь древний пласт земной.
Так я порою Вечность носом рою,
Чтоб в смертной тьме, под жизненной корою,
Найти просвет в небесный мир иной.

НА РЕКЕ

На левом берегу – туман густой.
А правый берег – дальний и крутой;
Направлю чёлн туда, где с высотой
Ночных небес, запомненных водой,
Слились уже светающие дали...
И, может, в невечерней жизни той
Когда-нибудь к Безбрежности причалю...

* * *

Месяц речной – всё взрослее и строже...
Веет бессмертьем от звёздной воды.
Юность ушла... И за лунной дорожкой –
Свежие звёзды, как чьи-то следы.

Время течёт... Но, о Вечности мысля,
Долго гляжу я, как в детстве, с мостка
В воды реки, углублённые высью,
И ощущаю, как юность – близка...

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Глядится высь в разлившееся Нево,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,
яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.
И чудится,
что яблоки на водах
В скопленье
сочетаются в века.

И те века плывут,
плывут...
И встречно
Течёт им
жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.

* * *

Вот снова чьи-то дети вдалеке
Так по-библейски плещутся в реке
И голышом на свежем ветерке
Простосердечно бродят по мыску.
А время, уподобившись песку,
Заносит их следы на бережку.
И человек, похожий на Луку,
Им что-то пишет тростью на песке...

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЛЬВЫ

Я иду по мостам между каменных львов,
Что дружны мне с моих первых детских шагов,
Что под снегом сейчас, как в берлогах, сонливо
Сторожат Петербург, словно – в древности –
Фивы.

И наверное, снится завьюженным львам
О песчаных сугробах, подобных векам.

* * *

Скрылись доли в густеющем мраке,
Стал стеной на пути тёмный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озёр,
Словно знаками звёздного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звёздно брезжили дали веков.

* * *

Разверсты двери в церкви запустелой –
Прообраз запечатанных времён.
Лишь зимний вихрь позёмкой то и дело,
Кадя во тьме у храмовых икон,
Порой тепло доносит из придела
Страстной Андрея Критского канон.

Там в алтаре морозной звёздной сканью
Мерцают утварь, стены и полы,
Там старцы, словно в гуще Мироздания,
Творят канон, чтоб светом покаянья
Исполнить каждый квант греховной мглы.
И паки, паки будут дни светлы,

Светлы, как Рождество в ночной пещере,
Длинные, как путь несения Креста...
И, может, в срок пришествия Христа,
Когда времён свершится полнота,
Той церкви распечатанные двери
Преобразятся в райские врата.

СВЯТОЧНОЕ

Блѣкнет день,
исполнясь ветхим светом.
В старый сад тропа заметена.
В снежной сфере яблоневого веток
Созревает новая луна.
На дворе – мороз, но временами
Чудится, что в заоконной мгле
Сладко пахнут горними садами
Яблоки, не собранные нами, –
Маленькие луны на земле.

У РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЁЛКИ

Моему сыну Арсению

Там мир таинственный, согретый
Воображеньем детворы:
И за спиралью мишуры –
Не просто полые шары,
А населённые планеты.

Там детских грѣз чудесной силой
Гирлянды лампочек цветных
В неугасимые светила
Невинно преображены.

И, как сгущённый до сверканья,
Овеществлённый в форму свет,
Шпиль – над еловым мирозданьем –
Горит, мечтами их согрет.

А здесь, пред ёлкою, в сторонке –
Весь в чистых, радужных слезах –
Лик обомлевшего ребёнка,
Его нездешние глаза.

* * *

Рождественским снегом покрыты соборы.
И солнце играет в родных небесах.
И кажется, будто в глубоких затворах
Печерские старцы творят чудеса.

И вдруг, восторженувшись от первого звона,
Мохнатые шапки роняют на лёд

Сединами зим убелённые кроны,
Сединами лет убелённый народ.

Метали поклоны белицы-берёзы,
Склонялись и ветви, и сотни голов,
И чудилось мне, отступили морозы,
И душу согрела молитвенность слов.
То в храме тропарь гулко братия пела,
И отзвук его долетал из леска.
Снегами и елями пахло в приделах,
Свечами и ладаном пахли снега.

А звоны летели над долгим простором,
Пушистым и белым, как Божий убрис.
И вторили им и сердца, и соборы,
И шапки роняла притихшая Русь.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

Митрополиту Константину (Горянову)

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шёл монах сумняшеся ничтоже
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шёл чернец строкой незавершённой,
Посох предрержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.
Шёл монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

* * *

В долгом омуте метели
Тонет чёрная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.
Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только вдруг, заколыхавшись,
Щёлкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

ЛЕРМОНТОВ

Бородино листа,
Свеча горит,
а выше –
Три сомкнутых перста,
Так крестятся
и пишут.

ВОСХОЖДЕНИЕ

К заветной маковке горы
Вершу свой путь тяжёлый:
Всё ближе звёздные миры
И неоглядной доли.

И вспоминается в пути,
Как смертно не хватало
Хоть искры веры – чтоб дойти,
Дожить до перевала.

Бывало, свет иных вершин
Сбивал с пути вначале...
Но здесь, в предоблачной тиши,
На гулком перевале,

Вдруг ощущается легко,
Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков.
И верится: жизнь – вечна...

ЗОРКАЯ СВЕЧА

Пронзают сумрак зоркие лучи
Светло глядящей в зеркало свечи.

И, слившись с отражением её,
Мой долгий взор лучится в Бытие,

Где ныне я... Мой род запечатлён
В необозримом зеркале времён.

И я, как в вещем полузабытьи,
Глазами внуков зрю в глаза свои,

Из глубины которых на меня
Взирают предки – горячая родня.

ЛЮБОВЬ

Выйди ночью за порог
Со свечой в руке –
И увидишь огонёк
В дальнем далеке.

Это я, храня свечу
От семи ветров,
Твоему огню шепчу:
«Выведи под кров».

* * *

Застив маковками звёзды,
Липы в парке зацвели.
И казался липким воздух –
Аж от выси до земли, –

Словно им, как сущим клеем,
С дней Творения до нас
Та цветущая аллея
С высью звёздной скреплена.

Видно, нам со дня рожденья,
Будто давний сон цветной,
Помнить райское цветенье
До могилы суждено.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСТВА

РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬМАНАХ «КРЫЛЬЯ. ВЗМАХ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ», ИЗДАНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛНР

Нина ИЩЕНКО

Литературно-художественный альманах «Крылья. Взмах Четырнадцатый» опубликован в Луганске. Альманах выпускается Союзом писателей ЛНР при поддержке Международного союза писателей. На страницах альманаха помещены произведения авторов из ЛНР, ДНР, России, Сербии, Беларуси, Словакии и Греции.

Тема культурного единства является центральной для сборника, задавая принцип подбора материала и восприятия художественного текста. В альманахе русский язык творит единство русской культуры, является местом проявления культурной памяти, полем единения во времени и пространстве.

Память о человеке сплетается с культурной памятью в разделе альманаха, посвящённом Анатолию Мальцеву. Анатолий Мальцев, поэт, есениновед, основатель альманаха «Крылья» и первый его главный редактор, ушёл из жизни в 2020 году, в год выхода 14-го номера альманаха. В сборнике приводятся стихи Анатолия Мальцева, фотографии, не публиковавшиеся ранее, воспоминания о нём его друзей и коллег. Благодаря альманаху «Крылья» знаковое для Луганска имя его первого редактора Анатолия Мальцева входит также в русское культурное пространство, в сферу русской литературы и русской культурной памяти.

Прямо тема русского мира и русской культурной памяти затронута в работах донбасских и российских писателей, представленных в альманахе.

Так, Андрей Чернов, писатель, публицист, литературовед из Луганска, раскрывает тему мобилизации русского мира в рецензии на сборник Галины Чудиновой «Творящее благо». Пермская писательница Галина Чудинова известна далеко за пределами своего края. С

начала войны в Донбассе Чудинова интересуется этой темой, участвует в совместных литературных проектах с луганскими писателями. Проза Галины Чудиновой соответствует классическим образцам русской литературы, и особенно ценно, что свой талант писательница вкладывает в произведения о Донбассе и его жителях, которые защищают свой край. Это одно из проявлений духовной мобилизации русского мира, которая обеспечивает единство памяти и культуры.

В альманахе «Крылья» представлен также критический текст Галины Чудиновой о творчестве Ивана Донецкого, который живёт в Донецке, в военном городе, и художественно осмысляет свой личный опыт и опыт своего края в произведениях, которые входят в сборники Союза писателей ЛНР «Время Донбасса» и «Выбор Донбасса», а также изданы отдельной книгой под названием «Мама, если не я, то кто?». В этой книге автор поставил себе целью показать в художественной форме, что такое донбасский характер, и справился с задачей.

В этих и других произведениях альманаха показано единство русской культуры воюющего Донбасса и России. В то же время русский мир как культурная общность гораздо шире государственных границ. В сборник включены произведения авторов из Греции, Словакии, Сербии, для которых русский язык является пространством творчества и общения с читателем.

Нани Сариду, гречанка из бывшего СССР, живёт и работает в греческом городе Александруполисе. В альманахе «Крылья» опубликованы её стихи на русском языке, в которых образы природы и творчества переплетаются друг с другом, выражаются через друг друга и создают картину человека, живущего равно в природной и поэтической стихиях.

В альманахе опубликован рассказ «Отложи свою жизнь на потом» писательницы Анны Фишем из Словакии. В этом рассказе на нескольких страницах показана жизнь нашего современника, своеобразного человека без свойств нашего времени, который живёт, ни к чему внутренне не привязываясь, решая проблемы по мере их поступления и скользя по поверхности жизни. Избавление от лишних хлопот и неприятных ситуаций, которое достигается таким образом, покупается ценой отчуждения от жизни, отстранения от жизнотворчества и постепенного угасания. В финале рассказа автор показывает, что любую ситуацию можно изменить, что в любой момент можно начать жизнь сначала, заново, сделать то, что давно откладывалось, и стать счастливым.

Поэт Драгана Мрджа из Сербии представлен стихотворениями, в которых яркие эмоции и память пережитого сливаются в образе дунайской природы и родных Балкан, которые становятся символом жизненного пути человека.

Русский язык и русская культура как пространство памяти, связывающее разные пласты времени, представлены в поэме Елены Заславской «Нето». Центральной темой поэмы является тема Луганска, города в степи, который оказался под ударом вражеской армии. Военный город Луганск изображается в поэме в образе затонувшего города, города под водой. Хронотоп поэмы – военный Луганск 2014 года – становится местом пересечения нескольких смысловых слоёв. Луганск выступает как город, который накрыла волна войны и смерти. Луганск также является местом сохранения и пробуждения исторической памяти, которая в латентном виде включает несколько эпох: доисторическую древность геологического моря Тетис, культуру степняков, которые сгинули, оставив после себя курганы – субмарины, полные мертвецов. Луганск в поэме реализует ещё один смысл – это город, в котором ищут друг друга влюблённые, город, который разъединяет их, но как пространство поиска таит в себе возможность встречи, то есть объединения. Наконец, Луганск как топос входит в простран-

ство русского языка. Это происходит как в самой поэме, так и на уровне гипертекстуальных связей, а именно сама поэма «Нето» вводит Луганск в пространство русской поэзии, реализуя потенциал русской культурной памяти места в рамках постмодернистской работы с текстом.

Есть в альманахе и мой текст. Статья «Книжная полка Татьяны Лариной» составлена как подборка эссе о книгах, которые читала или могла бы прочитать Татьяна Ларина, одна из первых героинь мировой литературы, которые сознательно выстраивают себя по цитатам из чужих книг, примеряют на себя образы и сюжеты прочитанных романов. В Татьяне Лариной сливается несколько линий взаимодействия текста, автора и читателя: Татьяна – героиня романа, которая сама читает романы и подражает им; Татьяне подражают русские читательницы Пушкина; Пушкин уверяет в своей книге, что Татьяна – реальный человек, а с Онегиным он вообще знаком лично. Пушкин показывает в романе, как в случае Татьяны сокровища мировой культуры обогащаются, сливаясь с русской культурной основой, полученной во время воспитания в русской деревне, и создают тот неповторимый характер русской женщины, который восхищает читателей всего мира.

Так творчество луганских писателей, представленное в альманахе «Крылья», способствует включению литературы Донбасса в общероссийский исторический и литературный контекст. Сборник стал ещё одним шагом на пути интеграции литературы Донбасса в российское литературное пространство, формирования общей культурной памяти. Важность этой работы в воюющем городе на передовой трудно переоценить. Альманах снова показывает, что, когда говорят пушки, музы не молчат. Самоосмысление края в творчестве его писателей важнее и нужнее всего в кризисные переломные моменты, в военное время, когда под угрозой оказываются неуловимые реалии идеального мира – память, история, русский язык. Эти хрупкие и неуничтожимые константы русской культуры сохраняются в альманахе «Крылья».

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

БОГ ПРОСТИТ

(ЗАПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ И БЛОКНОТОВ)

ЗАКОНЫ КАРЛА МАРКСА

Россия – страна парадоксов. Семь десятилетий, опираясь на учение Карла Маркса, мы говорили о том, что первична материя и вторично сознание, хотя на самом деле всё это время жили именно духовными ценностями – были самой читающей страной в мире, снимали самое лучшее в мире кино, славились своими балетом и поэзией, боролись за мир и дружбу между народами, да и вообще ставили на первое место именно идеи, а не вещи. И вот, ниспровергнув вместе с социализмом марксизм, мы тем самым якобы отменили и его закон о первичности материи и должны были бы начать жить, опираясь исключительно на духовные ценности. Но на деле всё произошло стопроцентно наоборот – отменив законы Маркса, мы именно по ним то как раз и начали строить свою жизнь и, гонясь за деньгами, виллами и другими материальными благами, напрочь вычеркнули из своей жизни культуру, идеологию и всякие следы духовности, поставив на первое место

материю и затолкав на периферию жизненных ценностей сознание.

И ВСЁ-ТАКИ – ПИСАТЕЛЬ...

Многие отзываются о Стивене Кинге исключительно как о коммерческом авторе, умеющем сочинять не более как пустые романы-страшилки, а между тем во многих из его произведений встречаются великолепные и несущие в себе эхо настоящей поэзии фразы. Ну вот хотя бы такие, как строчка из романа «Худеющий»:

«Он почувствовал, как внутри его рождается улыбка, словно утопленник, всплывающий на поверхность спокойного озера...»

Всё-таки Стивен Кинг – настоящий писатель.

В ДЕЛЬФИНАРИИ

В воскресенье, часа в четыре дня, мы всем семейством поехали на станцию метро «Семёновская» в дельфинарий. Это просто чудо, что вытворяла троица элегантных ум-

ниц афалин, взмывая в прыжках над зелёной водой бассейна или катая на своих спинах парней-дрессировщиков! Но даже больше, чем эти сверхскоростные актёры, мне понравилась большая и сверкающая, словно белый «мерседес», белуха. Ну просто шикарное животное! А главное – от всех от них исходили такие доброта и дружелюбие, что это ощущалось даже на физическом уровне. Из дельфинария мы уходили, будто накачанные положительной энергией...

ВЕКТОР СЧАСТЬЯ

Не могу удержаться от того, чтобы не написать здесь одно из своих простеньких стихотворений. В отличие от многих моих других, насыщенных метафорами и сложными оборотами, оно не блещет оригинальностью, но оно вырвалось на свет прямо из души, и надеюсь, оно моим читателям понравится. Его название – «Варшавка»:

*Варшавское шоссе,
Сверкающая лента.
Обочины в росе.
Дни завершения лета.*

*Висит над головой
Небесный свод жемчужный,
Под ним сияет мой
Любимый округ Южный.*

*Как сладостно в груди
Становится и жарко,
Когда иду бродить
В сень Битцевского парка!*

*Когда, свернув с Сумской,
Иду Кировоградской,
Щемительной тоской
Мои глаза искрятся.*

*«Нельзя жить без любви!» –
Кричит души державка.
Гудит в моей крови
Бегущая Варшавка.*

*Шумит вокруг листва,
Шуршат автомобили,
И просятся слова
В поэмы или были*

*О том, что через все
Невзгоды и ненастья
Варшавское шоссе
Лежит, как вектор счастья...*

ОБРЕТЕНИЕ ДУШИ

Сегодня я, кажется, вдруг постиг одну вещь. Когда человек умирает, его душа в течение сорока дней находится между адом и раем – за это время перед ней как бы «прокручивают» киноплёнку всех прожитых ею лет и принимают решение о её дальнейшей участи. Думаю, что примерно то же самое происходит и после завершения своего исторического существования целого народа (или же государства), только здесь срок вынесения «приговора» бывает несколько больший – допустим, не сорок дней, а целых сорок лет. Именно столько Моисей выводил своё племя из Египта, хотя мог бы преодолеть весь путь всего за несколько месяцев. Но ему было необходимо, чтобы душа выросшего в рабстве народа успела оценить своё предыдущее бытие в истории и дожждаться решения Создателя о своей дальнейшей участи. И только через четыре десятилетия, когда племя израильтян окончательно освободилось от своего рабского менталитета и душа прежнего народа была сдана в «архив», Господь даровал ему обетованную землю и новую душу.

То же самое, как мне кажется, происходит в настоящее время и у нас в России, а также в большинстве остальных бывших республик – «тело» вчерашнего СССР уже умерло, и сейчас идёт освобождение советского народа от его многолетней ментальности; душа погибшего государства кружится всё это время над своим мёртвым пространством, с горечью сожалея о произошедшем развале былой державы и ожидая, какая ей будет уготована участь свыше на дальнейшее. И только когда Господь обозрит

весь пройденный Россией путь в истории и «прокрутит» перед нею самой не только её великие победы и свершения, но и все её ошибки и грехопадения, показав все её дела от премии Нобеля до взрыва Чернобыля и освободив её тем самым от всех её иллюзий и заблуждений, тогда наша Родина обретёт свою «новую душу» и сможет создать свою новую государственность. Но произойдёт это не ранее, чем через сорок лет после кончины прежнего тела – так что, если брать за момент гибели СССР подписание Беловежского соглашения в 1991 году, то обретения нами «земли обетованной» можно ожидать не ранее 2031 года (1991 + 40).

О том, что это так, говорит и тот факт, что социализм в СССР, по сути дела, окончательно оформился только к 1957 году, через сорок лет после смерти царской России в 1917 году, когда закончилась сталинская борьба с самодержавно-буржуазной ментальностью и народ обрёл свою новую – советскую – душу.

УТРАЧЕННЫЙ ПАРОЛЬ

В принесённой однажды газете «Трибуна» помещено интервью с писателем Вячеславом Пьецухом, в котором он говорит о том, что в сегодняшней России отмирает проблематика «загадочной русской души», ибо прямо на наших глазах «происходит резкая европеизация русского человека. Он необыкновенно быстро становится таким же неинтересным, усреднённым, эгоистичным, как любой средний европеец, заикленный на очень узком кругу потребительских интересов. Может быть, такой процесс вполне объективен и ничего страшного здесь нет, но это неприятно. Ведь русская душа намного богаче. В ней есть вся мыслимая масса человеческих качеств...»

Практически это – то же самое, о чём пишу в своих статьях и я, да только мои товарищи по Союзу писателей боятся признать факт утраты русским человеком своего менталитета, как будто в этом есть что-то преступное. Обиднее не замечать этого и говорить с ним на языке вчерашних нравственных ценностей. Это ведь всё равно что пользоваться давным-давно от-

менённым военным паролем, на который никто не отзывается, так как он уже лет десять как не действует...

УНИЧТОЖЕНИЕ «МИРА»

Вечером смотрел по телевизору кадры затопления нашей космической станции «Мир». Как это ни обидно, а приходится признать, что американцы выгнали нас из космоса, как блатные пацаны прогнали из своего двора шпанят. Потопив 12 августа прошлого года наш «Курск», они избавились от нашего присутствия в Мировом океане, а теперь, добившись уничтожения «Мира», – и от нашего присутствия в околоземном пространстве...

Но как же красиво погибал наш «Мир», как величественно и гордо проследовал он перед наблюдателями к месту своего последнего пристанища! Словно торжественный кортеж, появились из-за туч стремительно летящие по небу горящие обломки станции: впереди, точно головной автомобиль, неслась самая большая из её уцелевших частей, а немного по бокам и сзади – как сопровождающие её мотоциклисты – летели обломки поменьше. От фантастичности и величественности увиденного аж душа похолодела. Не случайно мир аплодировал этому красивейшему и печальному «шоу».

СТРАНА СОНЕТОВ

Поэзия – вещь удивительная, порою уже одним своим эстетическим совершенством она способна оказывать на нас не менее (а порою и более) благотворное воздействие, чем своим «правильным» (с той или иной идейной позицией) содержанием. Так, пленяя магией своей красоты, до сих пор примиряют между собой даже труднопримиримых в идейном плане, но равно ценящих истинную поэзию читателей стихи Сергея Есенина, Игоря Северянина, Осипа Мандельштама и целого ряда других поэтов. И это, мне кажется, нагляднейшим образом показывает нам, что грядущее возрождение России лежит не на пути реконструирования столь дорогой для многих из нас, но истори-

чески исчерпавшей себя Страны Советов, а на пути утверждения безмерной по своим эстетическим параметрам, а потому и никого собой не сковывающей Страны сонетов, первые шаги в направлении которой уже начали делать некоторые из литературных изданий...

ЛЮБИТЬ – ЭТО ОЧЕНЬ ТРУДНО...

30 января 2003 года в Союзе писателей России проходила секция Рождественских чтений, посвящённая вере и словесности. Мне помогали в этом Сергей Перевезенцев и Валерий Миловатский (из отдела религиозного образования Московской патриархии). Среди выступавших были В. Н. Крупин, Н. М. Коняев, В. А. Чалмаев, В. Ю. Троицкий, Тамара Ломбина, а также другие учёные и писатели. Из Самары приехал наш с Мариной друг Алексей Алексеевич Солоницын.

Сильнее всего мне запомнилось страстное выступление руководителя миссионерского отдела Архангельской епархии о. Евгения Соколова, говорившего о полном непонимании большинством современных людей православной сути русских народных сказок. Так, например, он объяснил, что известная всем сказка про репку не более и не менее как гимн православной соборности, так как для того, чтобы Кошка позвала на помощь Мышку, она должна была сначала смирить свою гордыню и попросить у Мышки прощения. В свою очередь Мышка должна была забыть все свои страхи и обиды и простить Кошку. Только при выполнении таких условий они могли стать в один ряд и совершить единое общее дело. Главная мысль в сказке – та, что заслуги всех участников вытаскивания репки, независимо от приложенных каждым из них усилий (включая и Деда, и Бабку, и Внучку, и Жучку, и Кошку, и Мышку), абсолютно равны, и это иллюстрирует собой слова Христа о том, что у Бога нет работников первого часа и последнего часа, ибо для него важен результат их соборной деятельности.

Запомнилось также выступление профессора Троицкого, в котором он рассказал, как в одной из своих лекций процитировал студентам слова святого апостола Павла из Первого послания к коринфянам о сущности любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор., 13, 4–7), на что в притихшей аудитории вдруг раздался удивлённый голос одного из слушавших: «Профессор! А ведь любить – это очень трудно!..»

КОМПЬЮТЕР ОБИЖАТЬ НЕЛЬЗЯ

В четверг у меня сломался мой старенький, но верно служивший до этого с 1994 года компьютерчик 386-й модели, на котором я, довольствуясь word'овской программой версии Windows 3.1, писал свои статьи, стихи, дневники и романы. Тут, надо сказать, произошла вообще чуть ли не мистическая история. Всё началось с того, что компьютер заартачился и не стал копировать созданный мною текст на дискету. Я попробовал сделать это раз, другой, третий, а потом не выдержал и, сказав в сердцах: «У-у, гад!», замахнулся на него рукой. И сам испугался. Потому что экран в ту же секунду покрылся какими-то лиловыми кирпичиками размером 2 x 2 мм, задрожал, как бы пульсируя от прихлынувшей к нему изнутри крови, и стал наливаясь тяжёлым пунцовым цветом, отчего я, испугавшись, что он сейчас лопнет или вспыхнет, быстро щёлкнул клавишей выключателя, произведя тем самым экстренное обесточивание компьютера. И сколько я потом ни включал его опять, экран оставался тёмным.

«Это он на тебя обиделся, – сказала возвратившаяся в субботу с Алинкой из Новокуйбышевска Марина. – Так что проси у него прощения».

И я попросил. Потому что очень уж мне было жалко терять все находящиеся в процессе работы вещи, которые я по своей лени и дурости не переносил с жёсткого диска на дискеты, а теперь, в случае ремонта и перезагрузки программы, они бы исчезли.

И компьютер простил меня. Вошёл в моё положение, дал мне переписать на дискеты все оставшиеся на его внутреннем диске материалы, а потом снова сломался. Но на этот раз уже – навсегда...

О РИФМАХ БЫТИЯ

История – это сплошные «рифмы бытия», повторы одних и тех же ситуаций и похожих друг на друга событий. В последние три десятилетия у нас повторились и период феодальной раздробленности, названный ныне «парадом суверенитетов», и революция с расстрелом мирной делегации возле Останкино, как в 1905 году, и горбачёвское отречение от власти, продублировавшее отречение государя Николая II, и возрождение Государственной Думы, и попытка усмирения Чечни, и многое, многое другое, уже неоднократно происходившее в нашей буйной истории.

НЕТ НИКОГО БЛИЖЕ

В метро появились рекламные плакаты, на которых изображены радостные парень или девушка, страстно прижимающие к груди охапку платьев, компьютерную клавиатуру или кофеварку, под которыми выведена яркая надпись: «НЕТ НИКОГО БЛИЖЕ!» Они изображают на лицах счастливейшие улыбки, а я смотрю на них и думаю: «Господи! Какие же вы бедные и несчастные, если у вас в жизни нет никого ближе, чем кофеварка!.. И неужели же составлявшие рекламный текст пиарщики не понимают того, что сделали из своих персонажей не столько символ счастья, сколько символ вселенского одиночества?.. Какое уж там счастье, если самым близким для человека в жизни является не жена, не друг, не родители или дети, а электрoutюг!»

И ещё одна реклама из того же ряда. На плакате нарисована коробочка мягкого сыра с выцарапанными зубочисткой на его поверхности очертаниями сердца, а рядом выписан слоган: «ВИОЛА. ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ». И опять невольно думаешь о создателях и адресатах этого текста: «Боже! Какие же вы жалкие, если единственным, к чему прикипело в этой жизни ваше сердце, является сыр...»

ПИНГВИНЫ И ЛАСТОЧКИ

Как это ни парадоксально, но сегодня в зоопарке я вдруг отчётливо увидел, что больше всего пингвины похожи на ласточек. Во-первых, и те и другие относятся к категории птиц. Во-вторых, коренные обитатели Антарктиды, как и ласточки, «одеты» в нарядные чёрные фраки с яркими белыми манишками. А в-третьих, уже в самом корне слова «ласточки» заложена потенциальная возможность трансформации их в водоплавающих – «ласт». Так что, на мой взгляд, это одно семейство, только разведённое природой по разным климатическим углам планеты, что заставило его немного изменить своё тело.

МАСЛИНА В ПИССУАРЕ

...Выйдя как-то из своего секретарского кабинета в Союзе писателей России и зайдя в туалет, я привычно пристроился к вечно засорённому и оттого полунаполненному писсуару и вдруг увидел плавающую в нём блестящую чёрную маслину. Скорее всего, её появление здесь объяснялось довольно просто. Видимо, вчера у одного из наших секретарей обмывали чью-то новую книгу и во время последующего ополаскивания посуды выплеснули сюда с остатками рассола и маслину. Но мне при виде её в столь необычном сосуде невольно подумалось о том, насколько же русский человек в эстетическом плане тоньше американцев. Ну куда тут Хемингуэю, так и не поднявшемуся выше описания маслин в заурядном стакане с коктейлем! Маслина в писсуаре – вот где подлинная поэзия, вот где тончайшее чувствова-

ние ароматических и словесных нюансов!.. И не является ли этот образ символом всей настоящей литературы – как раз и демонстрирующей читателю такие вот идейные, сюжетные и психологические «маслины», обнаруживаемые писателями в бездонном писсуаре жизни?..

БОГОРОДИЦА НЕ УМЕРЛА

По пути от метро «Парк культуры» до Правления СП России написал небольшое стихотворение, наиболее точно выражающее моё сегодняшнее кредо:

*Богородица не умерла,
А вселилась в просторы России.
Как сияют церквей купола,
Высотой оттенённые синей!*

*Кто-то в узел связал все пути
И злорадно над нами смеётся...
Но я вижу, куда мне идти
В этой мгле, что судьбою зовётся...*

Думаю, что если бы не вот это ощущение присутствия рядом с нами Матери Божьей, подсказывающей нам дорогу, то жизнь бы, наверное, со всеми её идейными платформами, политическими программами, поэтическими праздниками, творческими союзами, литературными групповщинами и прочей поверхностной мишурой была бы просто бессмысленной...

СПАСИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Поэтическое слово – это вакцина против духовной гибели народа. Сегодня, когда страна, как пандемией, задушена пошлостью и ци-

низмом, поэзия наряду с верой может стать именно тем спасительным средством, которое способно помочь народу вернуть его утраченный нравственный иммунитет.

БОГ ПРОСТИТ

На днях я возвращался поездом из Питера, и перед самой Москвой вдруг начали стучаться в груди стихи:

*Летит сквозь ночь железная дорога,
Колебя чёрный бархат бытия.
И, в каждой складке ощущая Бога,
В густую толщу взглядываю я... –*

но мысли о доме, желание поскорее увидеть жену и дочку отодвинули поэтический порыв в сторону, и стихотворение так и осталось недописанным... Ничего, Бог простит.

Олег НАЙМУШИН

г. Тамбов

В СЕБЕ НЕ ДАМ РАЗВИТЬСЯ ЛЕНИ

Наверно, был какой-то гений,
Который выдумал ту чушь:
Искать блаженство в мыльной пене,
Вставая под горячий душ.

И есть ли прок от чистоты,
Когда, забросив все дела,
Мочалкой трут до красноты
Свои размякшие тела?

Мы все подвержены обману.
Не стоит в крайности бросаться.
Лентяй придумал, видно, ванну –
Ему бы только не чесаться.

Нет в голове моей сомнений –
В том где угодно подпишусь.
В себе не дам развиваться лени –
И я не моюсь, я чешусь.

МЫ С ВАМИ ПОЗНАКОМИМСЯ В ГОСТЯХ

Разделены, как карта областями,
Мы с вами в параллельных плоскостях.
В разгар застолья стукнувшись локтями,
Мы с вами познакоимся в гостях.

В гостях, где обращение на «вы»,
Где горы яства и напитков реки,
Где с каждым вашим поворотом головы
Меня с ума сведут полуопущенные веки.

Где по накатанной течёт застольный шум
С угла на угол, вдоль и поперёк,
И в фразах, что приходят нам на ум,
Мы ищем хоть какой-нибудь намёк.

Намёк на то, что нам не устоять
Перед соблазном быть друг другу ближе,
И мы уверены: не каждому понять,
Какая сила тем соблазном движет.

Ни в сплетнях нам не быть, ни в новостях.
Безумство нас опутает сетями.
Мы с вами познакоимся в гостях,
В разгар застолья стукнувшись локтями.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Ночь отшатнулась по привычке,
Других и не было причин,
Едва огонь от тонкой спички
Коснулся фитилька свечи.
И не спеша, как ходят старцы,
Прикосновение в ночи,
С горячей спичкой стали пальцы,
Как продолжение свечи.
И ночь, по-старчески ворча,
Дрожала кожей своей дряблой,
Сгорая, плавилась свеча,
Как продолженье канделябра.
А время зеленью налёта
Всё крыло старину металла.
Быть продолжением чего-то –
Как много это и как мало.
И темнота, разжав тиски,
Уже не выглядела храбро.
Как продолжение руки –
Витиеватость канделябра.

БЕЗДАРНОСТЬ

Быть может, кто-нибудь привык
К тому, к чему мне не привыкнуть.
Готов сорваться я на крик,
Да вряд ли мне позволят крикнуть.
И вместо крика только плач,
Да жаль, слезам никто не верит.
Застряло где-то время-врач,
Как ржавый гвоздь в гнилой фанере.
Быть может, кто-то счёл за данность,
И в дом мой вновь спешат не те,
Чтобы оставить в дар бездарность
С автографом на титульном листе.
Не посчитайте, что я строг
И уверен в том, что вы не боги,
И прежде чем переступить порог,
О коврик вытирайте ноги.

* * *

Мне бы в домике с видом на море
 Утром пить апельсиновый сок,
 Где, цепляясь к оконной шторе,
 Луч от солнца дырявит висок.
 И в едва пробудившемся взоре,
 Распускаясь, как нежный цветок,
 В повседневно-бесшумном повторе
 Новый день начинает виток.
 За волною волна в вечном споре
 Замедляет последний бросок,
 В утихающем дружном хоре
 Тащит к берегу вспененный клок.
 И застынут на время в узоре,
 Уронив на прибрежный песок
 Свою свежесть, прохладные зори,
 Будто слёзы на белый листок.
 В том бескрайне-дрожащем просторе,
 Там, где виден багряный восток,
 Мне бы в домике с видом на море
 Утром пить апельсиновый сок.

НЕ У КАЖДОГО АНГЕЛА КРЫЛЬЯ

Ангел может быть кем угодно.
 Не у каждого Ангела крылья,
 Вот и мой не умеет летать,
 Говорит, что он любит плавать.
 Он приедет ко мне на такси,
 Он с собой привезёт мир цветной,
 Состоящий из тысяч картинок,
 Он расскажет мне свои сказки,
 Сказки добрые о любви
 И печальные сказки о смерти.
 И я буду смеяться и плакать.
 И мы знаем – всему своё время,
 Ангел сядет опять в такси
 И уедет. Куда? Я не знаю.
 Видно, там нужнее мой Ангел.
 Я за это его не виню,
 Там без Ангела тоже не могут.

* * *

Поверхность луж рябит кругами,
 С ветвей прозрачными серьгами
 Свисают капли естества,
 Я измеряю грусть шагами,
 Смешавшись с грязью под ногами,
 Молчит погасшая листва.
 Я сам молчу. Не до укора.
 Дождь как расправленная штора,
 Осенний плащ и старый зонт.
 Просохнет только вот нескоро
 Висящий в серости простора
 Насквозь промокший горизонт.
 И сырость впитывают дали,
 Смывая мелкие детали,
 И влажный воздух слишком плотен.
 Я был здесь? Вряд ли и едва ли
 В осенне-выставочном зале
 Среди развешанных полотен.

* * *

Позвольте быть чуть-чуть смешным,
 И даже выглядеть нелепо,
 И не бежать за модой слепо,
 Быть не пунктирным, а сплошным.

Позвольте быть сегодня там,
 Где завтра, может быть, не буду,
 Позвольте взять такую ссуду,
 Чтоб расплатиться по счетам.

Позвольте быть сегодня тем,
 Кем завтра стать бы не хотелось,
 И проявить сначала смелость,
 А рассудительность – затем.

И в суматошности стихий
 Позвольте мне (раз жребий брошен)
 Сегодня быть ещё хорошим,
 А завтра стать уже плохим.

Позвольте проявить мне волю,
 Измерить всё стаканом мерным,
 Позвольте мне стать самым первым,
 И я вам вряд ли что позволю.

Я многое помню из детства

Я многое помню из детства,
Но многое мог и забыть.
Наверное, нет того средства,
Чтоб в памяти всё сохранить.

Но что в моём сердце хранится,
О том расскажу вам, друзья.
Скажу вам, что часто мне снится
Родная деревня моя.

В те очень далёкие годы,
Когда ещё был я мальцом,
Работал, как все, в огороде,
Навоз вывозил я с отцом.

Полел я и свёклу в колхозе,
Старался, чтоб маме помочь.
Колол я дрова на морозе,
Чтоб в доме тепло было в ночь.

О газе тогда не мечтали,
И дров было трудно купить.
Колючки в лесу собирали,
Чтоб печку зимою топить.

Носил из колодца я воду,
Чтоб грядки в саду поливать.
Конечно, хотелось свободы,
Подольше с друзьями гулять.

Из дома мы быстро скрывались,
Когда разрешали гулять,
Мы шумной гурьбой собирались,
Чтоб в разные игры играть.

Но всё же те детские годы
Приятно сейчас вспоминать!

Бывало, наступит уж вечер,
И стадо уж гонят с лугов.
Корову Малютку я встречу,
Во двор загоню – под засов.

А мамы нет долго с работы,
Всё держат в колхозе дела.
Берёшь на себя все заботы,
Пока мать домой не пришла.

Бывало, почищу картошку,
На грядке нарву огурцов;
Я мог даже сделать окрошку.
...И ужин для мамы готов.

И даже такое бывало,
Что шёл за отца на покос.
Хоть лет мне тогда было мало,
Но было всё строго, всерьёз.

Косил в один ряд с мужиками,
Под пятки косарь сзади жмёт;
Кричит:

– Ложи́ траву рядками,
Спешу, парень, время не ждёт.
Вот солнышко высушит росы,
И жёсткою станет трава;
Затупятся звонкие косы;
Спешу, пока влага жива.

Наутро всё тело болело,
В мозолях ладонь – не разжать.
Но делал я взрослое дело.
Приятно сейчас вспоминать.

И в доме во время уборки
Я с матерью был заодно.
Снимал с окон пыльные шторы
И чистил газетой окно.

В деревне мы много трудились,
В деревне всегда много дел.
И в школе прилежно учились;
Прилежным был тот, кто хотел...

Учитель учил бескорыстно,
Для нас время он не жалел.
Для всех было делом привычным,
Когда вместе с нами сидел

До позднего часа он в школе,
Чтоб был весь усвоен урок.
Я тайны вам тут не раскрою:
Учили мы всё назубок.

А в школе нам с детства внушали:
Трудиться есть высшая цель!
Мы свёклу в полях убирали...
Как жаль, что не так всё теперь.

Теперь уже дети другие,
Ведь время не то, что тогда.
Одежды у них дорогие,
Не знают ручного труда.

Быть может, оно так и надо,
Чтоб меньше им взрослых забот,
Чтоб жизнь была их в шоколаде,
Чтоб лёгким был жизни полёт.

Быть может, не так уж всё сложно,
Страна по-другому живёт:
И щит наш военный надёжный,
И враг к нам уже не пройдёт.

Николай ЧЕРБАЕВ

На фото: пос. Красный Хутор

УГОЛЁК

РАССКАЗ

1

Священник отец Сергей молод, белозуб, с пышной шапкой русых кудрей на голове, высок и строен, с лица с пробивающейся на скулах бородкой – просящий взгляд добрых, с лукавинкой глаз:

– Отец, дорогой, ну поехали! Тряхни стариной!

В ответ я молчу, раздумываю. Далековато собрались: тот храм где-то в глухих лесах под Тотьмой. Местные остряки утверждают, что будто даже Пётр Первый, когда в Архангельск нашими краями проезжал, от того места открылся: ни за что не приверну, то – тьма!

– Да там же ни одну Пасху кряду не служили, батюшки нет!

Отец Сергей знает, как вдохновить, – от службы Богу я не бегал.

– А вот и карета подана!

В ворота ограды нашего городского храма неторопливо и солидно вкатился иноземный джип. Из-за руля его легко выскользнул кучерявый смуглый парнишка в спортивном костюме. Обезжав капот, он распахнул дверцу перед спутницей – дородной девахой, пёстро одетой, короткостриженной грудастой блондинкой.

Матушка отца Сергея Елена, скромная неприметная толстущечка, радостно с ней облобызалась, как со старой знакомой.

– Кто такие? – потихоньку интересуюсь у отца Сергея, после того как молодец, неумело сложив ковшиком ладошки, принял благословение батюшки и отошёл обратно к своей «пассии».

Алик и Анжела. «Новые русские», вернее – дети «новых русских». У Алика папаша – владелец ликёро-водочного завода, сын ему – полноправный компаньон. Присмотрелся я получше: это только с виду Алик парнишечка, худенький и шустрый, но возле его внимательных умных глаз уже морщинки основательно проклюнулись. Отцу Сергею наверняка ровесник – под тридцатник.

Голос у супружницы Алика напористый, как пулемётная очередь, чётко и правильно произносящий слова, – где-то я его слышал прежде, и довольно часто. Выяснилось: на областном радио Анжела работала диктором и ведущей популярных передач. Вот откуда так бойка на язык – слова со стороны в её речь не втиснешь. Но это в прошлом, до знакомства с Аликом, теперь она только верная жена и в доме, понятно – не в хибарке, полная хозяйка. Алик влюблён в неё совсем по-мальчишечьи:

каждое мало-мальское желание норovit предугадать и тут же выполнить, и всё-то надо ему приласкаться к ней, поцеловать украдкой или на ушко приятное шепнуть. А обожжётся Алик о чей-то посторонний взгляд – и уши, ровно маки, запунцовеют.

Не укрылось: когда садились в машину, глянули молодые друг дружке в глаза виновато-тревожно, потаённая в их взорах то ли грусть, то ли боль просквозила.

– Смилоствится Господь. Образуется у вас всё. Помолимся... За тем и едем, – шепнула магушка Елена Анжеле и, успокаивая, погладила её по руке.

Знать, по делу собрались, не просто так с жиру бесятся.

Отец Сергей размашистым крестом осенил салон джипа, спели тропарь святителю Николаю, Мир Ликийских чудотворцу, покровителю всех путешествующих, и – с Богом!

Пасха Христова в этом году ранняя была. В городе солнышко на улицах асфальт просушило, грязь под заборы загнало, но стоило нам выехать за окраину – убедились сразу: не торопится зима угорбатиться восвояси. Чем дальше на север, тем реже по полям мелькают пригорки с робко пробивающейся на их хребтинах молодой травкой; в низинах, оврагах, буераках ещё таятся ноздреватые блёкло-сиреневые пластушины снега. А когда почти вплотную подступает к дороге сумрачный лес, не по себе становится – упаси, Боже, сунуться туда, за крайние сосны и ели, в сугробах ещё только так закупеаешься!

По ровной «шоссейке» меня укачало, сморило. Я вытряхнулся из полусна, вздрогнув от дикторского безоговорочно-требовательного голоса Анжель:

– Алику пора отдохнуть и поразмяться!

Алик, повернувшись к нам от баранки руля, виновато улыбался: мол, мог бы мчаться без передышки и дальше, да вот...

Место для отдыха его супружница выбрала по наитию или случайно. Из низины лента дороги взметнулась на вершину высокого холма, солнце поднялось к полудню, обогрело застывшую за ночь землю – и такая даль открылась кругом, дух захватило! Но словно мрачная тень облака

на солнышко набежала – немного в стороне от дороги краснели пятнами выщербленного кирпичика руины храма. Ни куполов с крестами, ни колокольни, один растрескавшийся остов с чёрными провалами окон и белыми стволиками молоденьких берёзок с просыпающимися почками в расселинах кирпичной кладки. Сразу от храма – заполонённая прошлогодним сухим бурьяном улица обезлюдившей деревеньки с парой-тройкой полуразвалившихся домов.

Кружит незримо печальный ангел над местом сим, ибо над каждым храмом, пусть даже от него людская злоба, дурость или безверие не оставили и следа, всё равно расправляет он свои крыла...

2

Вот нужная отворотка от шоссе, джип неуверенно запетлял по просёлку. Тащились так мы ещё неведомо сколько, и вдруг в прогалах редкого чахлого ельника на дорожной обочине мелькнули раз-другой живо-весело нарядные, под цвет весеннего неба, с жёлтыми звёздочками поверху церковные маковки. А вскоре и весь храм стал виден – на взгорочке крутого берега над речной излучиной белообоко высится; длинной чередой к нему – дома деревенской улицы.

Повеселело на сердце...

У крайнего домишка, улезшего почти по самые подоконники в землю, топтался мужичок в фуфайке и в нахлобученной на голову зимней шапке с распуценными ушами. Он старательно прикладывал ладошку козырьком к глазам, пытаясь разглядеть того, кто рискнул сунуться сюда на легковой машине.

– Не узнаёшь? – спросил меня отец Сергей и кивнул Алику, чтобы остановился.

Мужичок, заметив священника, постешно сдёрнул с головы шапку, шагнул к машине. Чёрные, с щедрой проседью длинные волосы по-повски стянуты в жиденький хвостик, с бледного лица глядят с потаённой печалью большие чёрные глаза.

Володя-богомаз, точно он!..

Когда восстанавливали в городе наш храм, потребовалось подновить уцелевшие фрески на

стенах. Несколько десятилетий в храме ютился какой-то складишко, слава богу, не клуб и не баня, вот и сохранилось кое-что.

Мастеровитый реставратор ныне в большой цене, днём с огнём его в провинции не сыщешь, и тогда находятся ребята попроще. Умельцы эти кочуют из города в город, из села в село, где им дело в храме, побогаче или победнее, всегда есть. Кто они – художники ли неудачники или с талантишком самоучки – никто их особо не расспрашивает. Посмотрит заказчик-батюшка на начальный образчик работы, крикнет одобрительно и махнёт широким раструбом рукава рясы – «благословляю!». Прокатится времечко, выполнят богомазы заказ и – вольные птицы – дальше по Руси.

Володя, тот при нашем храме остался. Взяли его сторожем. В маленькой хибарке сторожки, где он поселился, появились подрамники с холстами. Володя не только ночами бродил с колотухой внутри ограды и отпугивал воров, но и, отоставшись, целый день проводил за холстом с кистью в руке. Если кто заглядывал невзначай, то Володя поспешно закидывал холст куском материи и смущённо улыбался. Пришельцы уходили обескураженные, но, порассудив, махали рукой: когда-нибудь сам посмотреть приглашит, а пока отвадился человек от кочевой жизни, и то ладно.

Вскоре истинная причина выяснилась, почему этот художник остался у нас...

За «свечной ящик» продавец срочно потребовался, и кто-то из прихожан привёл молодую женщину. Дожидаясь настоятеля, жалась она к дверям в притворе, одетая в долгополую тёмную одежду, заматанная по-старушечьи по самые брови в полушалок. К плечу её льнула девчушка лет двенадцати, другая, поменьше, подпрыгивала нетерпеливо рядом и теребила мать за ладонь.

– Беженцы они, с «югов», – поясняла прихожанка, дальняя их родственница. – Приютились у меня на первое время...

Весной, после суровых великопостных дней, разглядели все, что Иоанна, помимо доброжелательного и мягкого нрава, ещё и очень красива. Расцвела прямо-таки. Что ж, Володя-богомаз красоту видеть и ценить умел. И вот уже просил он у настоятеля для новой семьи комнату-чуланчик, смежную со своей мастерской в сторожке...

Пропали Володя и Иоанна вместе с дочками внезапно, вроде бы уехали куда-то к родне да и не вернулись. «Опять потянула нашего богомаза кочевая жизнь! – решили прихожане. – И семейство с собой для повады прихватил. Вольному – воля...»

И теперь вот в этой глуши Володя, суетливо забегая вперёд с края тропинки, вёл нас к своему обиталищу, а на крылечке, приветливо улыбаясь, встречала гостей Иоанна. Вернулась, оказывается, на родину, в дедовский дом, откуда ещё девчушкой была увезена родителями в поисках призрачного счастья на чужбину.

В избе – без особых затей, небогато, только что в одном углу, у окна, Володины холсты. И опять был верен себе скромняга-художник: поспешно забросил холст покрывалом.

– Вот докончу, чуть-чуть осталось... А для вас, батюшка, всё готово.

На другом холсте неброский пейзаж – широкая унылая гладь реки под снегом, череда тёмных домишек на дальнем берегу, но возле них весело зеленеет сосновый бор, а над всем, на фоне морозно-багрового предзакатного неба, на крутизне над речной излучиной – торжественно! – храм.

Отец Сергей, довольно хмыкнув, достал кошелек и протянул деньги Володе. Тот смял их в кулаке и, плохо скрывая радость, забормотал торопливо:

– Обновок дочкам накуплю! Давно ждут!

Дочери вышли из тесной горенки-передней, благословились у отца Сергея. Старшие уже невесты, обе белолицые, русые – вылитая мать, а младшенькая, пятилеточка, смуглая, чёрные волосы в кудряшках и глазёнки чёрненькие, Володины, только не с затаённой печалью, а живые, весёлые.

Володя хотел взъерошить младшей дочке кудри на голове, но вдруг содрогнулся и аж согнулся весь от накотившего приступа кашля. Он и прежде покашливал, прикрываясь рукой, да мы не обратили внимания.

– Простудился я, – отдышавшись, наконец проговорил Володя и, смахивая капли пота, провёл ладонью по расцветшему нездоровым румянцем лицу. – На тот берег ещё по льду на «натуру» бегал, чтобы картину дописать, в промоине и

искупался... Вы прямо сейчас в храм пойдёте? Я провожу, ключи вот возьму!

– Сами бы дошли, страж ты наш неизменный! – ласково сказал ему отец Сергей.

– Нет-нет! Я быстро! – засуетился Володя.

На крыльчке Анжела брезгливо отстранилась от художника – порог дома она даже не переступала, топталась в сенях – и громко прошептала матушке Елене:

– Тут у него не простудой пахнет, а много хуже, держитесь подальше... Как только люди не живут!

3

Весь крутой взлобок берега под храмом, прогретый щедро солнцем, зеленел робкой первой травой. От разлившейся реки веяло свежестью, холодом; тёмная поверхность воды поблёскивала неподвижной гладью, и только посередине, на стремнине, течение несло льдины, брёвна, коряги, всякий мусор. Временами течение вроде бы как замедлялось, стремнина очищалась, но за речной излучиной грозно нарастал гул, что-то губельно трещало, и вдруг ахал точно взрыв – опять река несла вырвавшиеся из затора льдины.

После потаённого сумрака в храме глаза слепило солнце, и со взгорка к воде по узкой деревянной лесенке мы с отцом Сергием спускались боязливо, цепляясь за хлипкие ненадёжные перила. В храме, обычном, деревенском, с простоватой росписью на стенах, ткаными домашними половичками, постеленными на дощатом полу, неожиданным было увидеть резной иконостас из нежного розового мрамора. На витых столбиках его и арках над образами каждый крестик, листочек, ангелок вырезаны тщательно и с любовью. Предзакатное солнце заглянуло в окна храма, и мрамор засветился тепло.

– Откуда ж чудо такое?! Это в Москве или в Питере вряд ли где увидишь!

Отец Сергей в ответ на мои восклицания улыбается: дескать, не жалеешь теперь, что сюда поехал? И потом неторопливо рассказывает, глядя на проплывающие по реке льдины:

– Уж как слышал... Село здешнее Пожарским не потому, что когда-то горело, называется. В на-

чале девятнадцатого века отошло оно во владение князю Пожарскому, последнему в роду. Бездетен был князь и уже немолод, переживал, что не оставит по себе наследника. Однажды приехал он из Питера имение своё новое глянуть, а тут старец столетний при храме обретается. Проведал он про князеву беду. «Укрась, – говорит, – сей храм, мил человек, во славу Божию, чтоб слава о нём по всей округе пошла! И тебя Господь наградит».

Князь богомольный был, пораскинул умом туда-сюда и заказал в Питере мастерам иконостас из итальянского мрамора. Привезли его, установили. Красотища! И предсказание вскоре сбылось: понесла княгиня и родила долгожданного сына. С той поры и стали сюда приезжать и молить Господа о чадородии отчаявшиеся супружеские пары...

Эту историю моя матушка Анжеле рассказывала. Лежали они в одной палате. Моя двойней разрешилась, а та скинула, и врачи вдобавок приговор вынесли – детей иметь не сможет. Но на всё воля Божья...

4

С раннего утра в храме ещё пусто. К отцу Сергию перед аналоем жмётся на исповедь очередишка из нескольких старушек, да «новые русские» наши, Алик с Анжелой, стоят неподалёку от царских врат, напротив храмовой иконы Богородицы. Зажгли большие, самые дорогие, какие нашлись, свечи, перекрестились робко и неумело, взяли за руки, оба вглядываются не отрываясь в Богородицын лик.

С клироса зачастил «часы» старушечий голос, в храм мало-помалу стал набираться народ. В конце литургии мы с отцом Сергием, собираясь выйти на крестный ход, уже едва протискивались к выходу из храма вслед за старичком-хоругвеносцем и певчими.

Тут же стояла вместе со стайкой ребятишек Володина младшая девчонка. И надо же – в узком проёме выхода на паперть кто-то невзначай подтолкнул меня под локоть, и кадило в моей руке, звякнув цепочками, ударило об створку ворот. Живыми светлячками разлетелись угольки, и один из них обжёг нежную щёчку Володиной

дочки. Девчушка испуганно закрыла личико ладошками, закричала: «Мама, мамочка!..» – и ткнулась в обтянутые джинсами ноги Анжелы. Молодые на правах почётных гостей шли вплотную за священнослужителями. Анжела подхватила девочку на руки, прижала к себе, успокаивая, что-то зашептала на ушко.

Мимолётной заминки никто и не заметил, разве что я, старый неуклюжий медведь, да отец Сергей и «новые русские» наши. На верхопуре, на звоннице, задорно перекликались колокола, над народом, потихоньку выходящим из храма, торжественно-радостно плыло:

*«Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ,
И сущим во гробех живот даровав.
Христос воскресе из мертвых!..»*

Анжела с девчонкой на руках обошла кругом со всеми вместе храм, потом уже, когда закончилась служба и разошлись по домам истинные прихожане и случайные «захожане», мы обнаружили её сидящей на лавочке за домиком трапезной. Девчонка спала, положив голову Анжеле на плечо, на щёчке её краснело пятнышко ожога.

– Тихо, тихо!.. – зашипела Анжела на бросившегося к ней обрадованно Алика. Тот ещё был и весь мокрёхонек с ног до головы – на крестном ходу таскал за батюшкой «иорданчик» со святой водой для кропления мирян.

– Где этот ваш... Володя? – по-прежнему шёпотом спросила Анжела и, не дожидаясь ответа, для пущей, видимо, убедительности округлив глаза с размазанной краской с ресниц, сказала Алику с капризными и одновременно приказными нотками в голосе: – Всё, солнце моё! Решено – берём девочку себе!.. И на тебя, посмотри, она даже немножко похожа!

Алик согласно кивнул.

Володя с Иоанной легки на помине: подошли скорым шагом, встревоженные, видно, кто-то из ребятишек нанашничал о происшествии.

Иоанна хотела взять у Анжелы спящую девочку, но не тут-то было: та и не подумала её отдавать, обняла крепче.

– Мы хотим её удочерить. Надеюсь, вы не против? – может быть, впервые просяще, а не привычно требовательно, дескать, всё нам

дозволено, проговорила она. – У нас ей будет хорошо, получит прекрасное воспитание.

У Иоанны зарделись щёки, она решительным движением высвободила захныкавшую спросонок дочку из объятий Анжелы.

– Не кукла она вам! – сказала сердито. – Мы своих детей не раздаём!

И, гордо запрокинув голову, пошла, прижимая дочку к себе. Володя, оглядываясь, побрёл за нею.

– Вы же бедные! Какое будущее девочку-то ждёт, подумайте! – кричала им вслед Анжела. – Ну не понимают люди своего счастья! – И уж последнее выдохнула горько, чуть слышно: – Она же меня мамой назвала...

Алик, задрвав капот джипа, стал сосредоточенно копаться в моторе, Анжела забралась в салон и сидела там с отрешённым видом, вытирая слёзы. Матушка Елена, подобравшись потихоньку к ней, зашептала что-то успокаивающе. Я пошёл искать отца Сергея – пожалуй, пора и честь знать, в дорогу собираться. А он тут, неподалёку, был, слышал всё:

– Молодцы, однако! – похвалил. А кого – и непонятно.

Когда джип подкатил к выезду из села, впереди замаячил вдруг Володя с каким-то свёртком в руках.

– Подождите! – он развернул свёрток: это была картина. Белоснежный храм опоясывал по изумрудно-зелёному холму крестный ход, сверкали хоругви, за священством шёл наряженный празднично люд, взрослые и дети. И в напоённом весною воздухе, в солнечном радостном свете разливалась благодать. Красная горка!

– Последний штришок дописал... И дарю вам её, дарю! – свернув холст, Володя совал его в окно автомобиля Анжеле и Алику. – Простите нас...

Всю обратную неблизкую дорогу ехали мы, не проронив и слова: каждого, видно, одолевали свои думки. Только у въезда в город Анжела, словно очнувшись от тяжкого забытья, попросила нас тихо:

– Помолитесь за Александра и Александру, так нас при крещении нарекли...

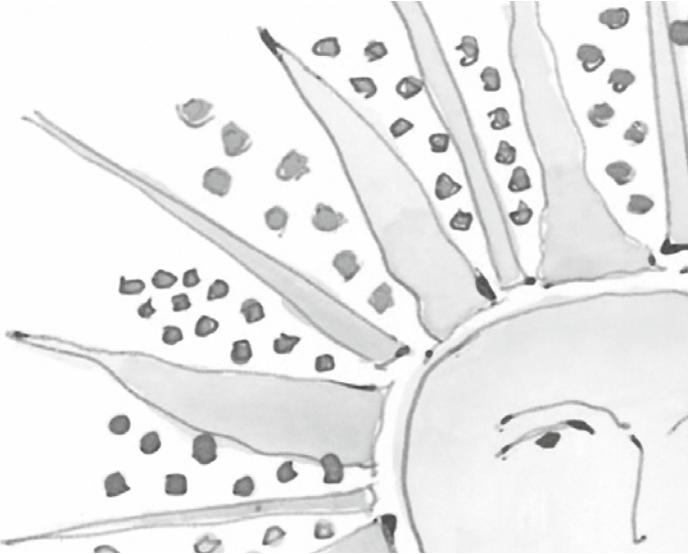
Священник Николай ТОЛСТИКОВ

Ольга ОВСЯННИКОВА

Ученица 9-го класса Цнинской СОШ № 1 п. Строитель Тамбовского района Тамбовской области. Воспитанница воскресной школы Никольского храма с. Бокино Тамбовского района Тамбовской области.

Является лауреатом и победителем многих литературных конкурсов.

СЕВЕРНОЕ СОЛНЫШКО РУССКОЙ ЗЕМЛИ

ГЛАВА I. «ГОСПОДИ, ПРОСТИ!»

Недалеко от села Старая Ладога бежит река Ижора. Петляет, звенит чистым серебристым голоском. Вдоль реки раскинулись дремучие леса, духмяные луга и пологие холмы. Высоко над рекой безмятежно плывут облака. Смотришь в реку и забываешь, где находишься... то ли на небе, то ли на земле... Вдали виднеются купола Староладожского Никольского монастыря. Так хорошо всё устроено Господом!

Но отчего загрустил человек? Склонился над водой и будто не себя, одетого в монашеские одежды, в реке видит, а кого-то другого пристальным взором оглядывает. Иль молится он, иль жизнь свою вспоминает... Качаются над ним вековые деревья; шелестят покрытые крупными каплями серебристой росы травы; щебечут птицы – Богу песни поют... А инок стоит на коленях, не шелохнётся и глядит, глядит в светлую реку:

– Отчего столько злобы на земле? Отчего столько времени страдает земля Русская?

Больше полувека терзают Русь страшные завоеватели, нагрянувшие из далёких монгольских степей... Сколько городов и весей оказалось в огне... Сколько христиан погублено православных... А князья, призванные защищать народ свой, что же они? Словно волки, делят добычу. Раздирают на куски Русь не одни татары, но, что горше всего, междоусобицы княжеские... Каждый ищет первенства и величия... «Разделяй и властвуй» – древнее правило всех поработителей. Закон, который веками действует на этой грешной земле, – горько вздохнул монах, будто ношу какую тяжкую в душе несёт...

В светлой реке вдруг увидел монах себя прежнего, облачённого в ратные доспехи. Увидел монах строгих воинов, с кем бился плечом к плечу за родную землю и православную веру!

В былые времена не раз приходилось ему, сыну боярина Романа, брать в руки меч и защищать от ворогов Отечество своё родимое... Даже имя его – Гордей, что значит «грозный», «быстрый», – звало к ратным подвигам во славу Руси. Сколько неприятелей полегло от его меча, и не сосчитать... И теперь, хоть и прошло много времени, не в силах забыть, как падали они на землю под его ударами...

– Господи, прости! – вымолвил монах. – Прости меня, окаянного!

...Но нет теперь того Гордея. Нет того грозного воина. Отрёкся он от своего имени. И стал он иноком Тихоном...

И снова посмотрел Тихон в воду... И вновь перед взором его заблестела вода, отражая солнечный свет.

– Отче! – тихим и осторожным голоском позвал кто-то инока. – Отче! – и вновь нежный голосок окликнул монаха.

Тихон встал с колен и оглянулся. Перед ним стояла девица лет четырнадцати-пятнадцати.

– Благослови, отче, – благоговейно наклонив головку, вымолвила девушка.

– Бог тебя благословит. Как величать тебя, дитяtko? – негромко спросил инок.

– Ольгой, Ольгой зовут меня, батюшка.

– Ольга... – задумчиво произнёс монах, – великой равноапостольной княгини носишь ты

имя. Пронеси же его по жизни с достоинством. Бог тебе в помощь. А как же ты в наших краях оказалась, свет мой? Вроде нездешняя ты, не видал тебя в селе ранее.

– Погостить приехали вместе с дедушкой к тётке моей, Ефросинии Годуновне. Дедушка благословил меня ягоды в лесу собрать да потом пирогов напечь, гостей велел дожидаться. А тётка уж с утра обед праздничный готовит, видно, гости важные будут. С самого утра в доме дым коромыслом...

– А как звать-величать деда твоего?

– Годун Иванович он.

– Годун Иванович? Не тот ли это славный воевода, который служил у князя Новгородского Александра? Слава Тебе, Господи, уберёт!

– Отче, вы его знаете?

– Господь сподобил... Дружны мы с ним были... И во времена былые бились против супостатов плечом к плечу с дедом твоим. Надо же, столько лет прошло... Не чаял уж и свидеться...

– Что ж, и князя Александра помните? Дедушка мой больно любит его, часто о нём вспоминает... Да такие истории рассказывает, что трудно и поверить, взаправду это было или нет... Поведайте и вы, отче, каким был этот славный князь. Неужто и впрямь он был мудр, как змея, мужественен, как лев, и красив, как ясный сокол? Неужто и впрямь такие бывают?

– Бывают, свет мой! Сам такого видывал! Ну что ж, расскажу тебе, что помню... Хоть и не молод я по годам, но в памяти моей до сих пор живёт образ благоверного князя Александра, прозванного народом Невским.

Инок задумался, а потом, словно очнувшись ото сна, начал своё повествование.

ГЛАВА II.

«БОГ НЕ СО МНОГИМИ, А С ПРАВЫМИ!...»

1240-е лето от Рождества Христова.

Вечереет. Не спит светлый князь: думу тяжкую думает. Прислонился он к белоствольной берёзе, к русской красавице: «Что ж ты, милая, грустишь, что печалишься? Одинаково к лицу тебе и алмазный зимний убор, и золотая

парча осени, и свисающие на тонких стебельках весенние серёжки. Отчего же склонила ты свои ветви, словно мать, оплакивающая своего не вернувшегося со страшной сечи сына?»

Прикрыл князь очи и видит перед собой, как наяву, всю необъятность русских просторов... Нет нигде другой такой стороны, где каждая травинка и каждый листочек на дереве будто бы пронизан звенящей любовью к отчужденному дому, к родному краю. Вся русская земля пропитана кровью своих сыновей. Из века в век приходится защищать своё Отечество от врагов лютых.

Вспомнилось князю, как пришли к нему послы шведские. Накануне доложил о них Александру молодой дружинник, который сходу выпалил:

– Княже! Княже! Там от короля шведского гонцы с посланием.

– Что ж, пойдём, послушаем послов, раз послали, – угрюмо ответил князь и вошёл в палаты.

– Здравствуй, князь. Мы к тебе с посланием от короля нашего Бергера-Ярла! – с сильным акцентом, слегка склонив голову, произнесли гонцы.

Послы развернули исписанный чётким почерком свиток.

– «Если хочешь противиться мне, то я уже пришёл. Приди и поклонись, проси милости, и дам её, сколько захочу. А если воспротивишься, погленю и разорю всю и порабощу землю твою и будешь ты мне рабом и сыновья твои», – надменно, выделяя каждое слово, прочитал один из послов.

– Его святейшество, папа Григорий IX, надеется, что придёшь ты, князь, в лоно истинной Церкви, обратишься в латинскую веру и будешь примером благим для подданных твоих, – с притворной улыбкой добавил второй из пришедших шведов.

– Который раз вы уже ко мне с этим предложением приходите. А чем же наша вера плоха? Доселе никто не жаловался. Мы в ваш монастырь со своим уставом не ходим. Чего ж вы к нам со своим-то напрашиваетесь? – грозно сдвинув брови, ответил князь.

– Вера наша пользу великую может дать. Будешь ты, князь, королём Новгородским. А в случае нужды папа Римский против монголов силой воинской поможет. Подумай, князь.

– Монголы – враги наши, но веру свою не навязывают, – сурово ответил Александр, вставая с престола. – Значит, так: веру вашу не примем. У нас своя вера, и другой нам не надобно. Вы пришли к нам с войной. Мы вас не звали!

Наступила гробовая тишина.

– Но вы же погибнете, – дрогнувшим голосом вымолвил посол.

– Так идите и убейте нас! Так и передайте своему королю. Больше я вас не держу.

Оробевшие от такого приёма послы низко поклонились и вышли из княжеских чертогов. Через некоторое время из палат твёрдой поступью вышел и князь. По его лицу было видно, что он принял решение и ничего доброго шведам оно не сулило...

...Этот тяжёлый разговор был накануне. А сейчас князь взглянул на небо: всё выше и выше поднималась жёлтая луна, круглая, словно щит шведского воина... Немного погодя князь зашёл в свой шатёр. Не снимая доспехов, от усталости он буквально рухнул на кровать. Едва хватило сил осенить себя крестным знаменем: «Матерь Божия, помолись ко Престолу Господа Бога! Да дарует Христос победу русскому оружию...» Князь сомкнул очи, и только мерцающий огонёк зажжённой перед Святыми Ликами лампы будто говорил: «Дерзай, князь, правда на твоей стороне...»

Проснулся Александр Ярославич на рассвете, приказал подать своего боевого коня. Новгородский князь верхом на резвом скакуне объехал готовившихся к битве ратников. Князь понимал, что положение крайне затруднительное: за такое короткое время войско не собрать, в его распоряжении – лишь небольшая дружина. Но князь не падал духом, всё это время он сердечно молился. Александр, твёрдо уповая на помощь Божию, ободрял и свою дружину: «Нас немного, но Бог не со многими, а с правыми!» Хотя в глубине души князь всё это время напряжённо искал подтверждения своим словам

и ожидал знамения... Вдруг молодой Ярославич увидел торопившегося ему навстречу человека. Присмотревшись, он узнал в нём дозорного чухонца, Пелгусия, в крещении Филиппа... Александр спешно слез с коня.

– Ну, здравствуй, старче. Спаси Бог за дозор!

– Что скажу, княже... – взволнованно начал Пелгусий.

– Что ж, никак шведов много, – подмигнул дозорному князь.

– Да это... – махнув рукой, равнодушно протянул дружинник и заговорщицки продолжил: – Давеча ночью в дозоре был, а под утро туман пошёл, и вижу я: по реке прямо над водой ладья плывёт. А в ладье – святые благоверные князя страстотерпцы Борис и Глеб, – перекрестившись, продолжал Пелгусий, – в багряных одеждах стоят... А Борис говорит: «Брат Глеб, вели грести: надобно помочь сроднику нашему Александру»... Сподобил ведь Господь!

– Добрый знак, – ободрённо ответил князь.

* * *

15 июля 1240 года. Раннее утро.

Густой туман заволакивает и лес, и пригорок, и прилегающий к Ижоре луг. Через некоторое время туман начал рассеиваться, и сквозь тающую завесу русские дружинники увидели спящего врага. Разведка князя доложила, что шведы выставили посты, контролирующие только водный путь. Было видно, что нападения с суши никто не ожидает.

Задумка князя была простой: удар пешей дружины ополченцев должен отрезать шведов от их кораблей, а конница через центр лагеря должна была загнать шведов в западню, которую для них приготовила сама русская природа, словно тоже воевавшая за своих сыновей: Ижора и Нева сходились в этом месте; вот в этот угол, образованный берегами двух рек, и хотел оттеснить Александр неприятеля.

Пора. Князь отдал приказ ополченцам к началу атаки. Пешие ратники, скрытно подбравшись к лагерю врага, первые вступили в бой... Началась сеча.

Спящие в лагере шведы не ожидали такого поворота событий, в наступившей панике они выскакивали из палаток и становились лёгкой добычей дружинников. Обнажив мечи, русские воины стояли плечом к плечу в сияющих на солнце шлемах, в кольчугах с короткими, до локтя, рукавами и рубили неприятеля, пришедшего на их землю. Спустя некоторое время после неожиданного удара шведы начали приходить в себя, вступая в бой. Восходящее солнце глядело им в затылок... Из-за этого войско Бергера выглядело чёрным, точно явилось из-под земли... Воистину возле Невы в это утро сошлись свет и тьма, добро и зло, жизнь и смерть...

Развевались на лёгком ветру хоругви. Под святыми стягами замер молодой князь. Его было видно издали: ростом Александр был выше всех своих дружинников, длинные светло-русые кудри рассыпались по плечам. Весь его вид был полон решимости и княжеского достоинства. Он искал глазами Бергера. Пора и им сразиться!

Александр осенил себя крестным знаменем, надел шлем, взял копьё...

Шведский король тоже приготовился к бою...

Всадники одновременно прищпорили коней. Кони захрапели и, выбивая копытами комья земли, помчали поединщиков навстречу друг другу.

Удар!.. Ещё удар!.. На полном скаку тяжёлое копьё ударило о вражеские латы... Позже в русской летописи о поединке князя с ярлом запишут: «...и возложи печать на лицо его острым своим копьём». Победа князя в поединке придала сил русским ратникам. Да тут ещё и дружинник Савва подрубил подпоры шатра Бергера. Шатёр с шумом рухнул... По полю битвы прокатилось победоносное: «Ура!» Исход боя решил внезапный и мощный удар конницы, который и нанёс окончательное поражение противнику.

До конца сражения князь Александр находился в самой гуще событий, его план удался: враг оказался повержен. В этой битве русские показали себя отважными воинами.

А сам князь оказался не только силен, но и умен. За победу над шведами его нарекли Невским. Но это было только начало... Впереди было Ледовое побоище... И враг был куда сильнее...

В 1242 году Александр вновь возглавит русскую рать и на льду Чудского озера встретится с немецкими рыцарями, которых поведёт в бой вице-магистр Ливонского ордена Андреас фон Вельвен...

ГЛАВА III. «РАЗУМЕЙТЕ, ЯЗЫЦЫ, ЯКО С НАМИ БОГ!»

– Отче, а где же вы были в самый разгар Невской битвы? – нетерпеливо спросила Ольга.

– Я-то? – монах улыбнулся в густые усы. Было видно, что его радовали эти воспоминания: – Мы с твоим дедом да вместе с Гаврилой Олексичем на шведских кораблях сражались. Скидывали нас поганцы несколько раз в воду. Но нас голыми руками не возьмёшь – не на тех напали... Сколько раз нас скидывали – столько мы и возвращались... Да, побили мы тогда шведов...

– Отче, а что ж, после Невской битвы успокоились латыняне? Дедушка рассказывал, что через два года на Русь пришли немецкие рыцари.

– Да, верно. Но и их одолели русичи во главе с князем Александром. Одержали победу над Ливонским орденом! Битва та была весной 1242 года. План был таков: встретить врагов на подтаявшем льду Чудского озера. Конечно, не выдержал лёд тяжести инородных доспехов, и падали супостаты в воды русского озера один за другим... В той битве Александр вновь показал себя мудрым и мужественным князем, хотя ему тогда было всего 22 годка... А битву ту народ прозвал «Ледовое побоище». Да, надолго отбил князь охоту ливонцам и тевтонцам на Русь захватывать: мир воцарился на западных рубежах.

– Каким мудрым был князь... – задумчиво прошептала девица.

– Да, Александр Ярославич был истинным чадом Христовым. Знаешь ли ты, душенька, что Староладожский Никольский монастырь, в ко-

тором я подвигаюсь, был основан самим князем Александром в 1240 году, после Невской битвы. А через три года со дня его основания приехал я, многогрешный, в эту обитель и почувствовал зов Божий, почувствовал, что здесь место моё... Ну что, свет мой, и корзинка твоя полна ягод, и сказ мой окончен. Пора нам с тобой прощаться.

– Благослови, отче!

– Бог тебя благословит. А ты, чистая душа, помолись обо мне, грешном.

– Помолюсь, батюшка, но и вы помолитесь о девице Ольге.

Оба путника низко поклонились друг другу и разошлись в разные стороны...

* * *

– Дедушка, вот уж и пироги готовы, где же гости? – нетерпеливо спросила Ольга.

– Не торопись, пичуга! Гость у нас будет нынче знатный! Пойдём лучше встретим его на дороге, окажем ему честь великую! – молвил Годун Иванович.

Дед и внучка пошли по пыльной дороге к монастырю, купола которого виднелись невдалеке. Пока они шли, Ольга рассказывала о чудном монахе, который сказывал ей о подвигах славного князя Александра. Затем взгляд девушки остановился на быстро приближающейся к ним фигуре. Через несколько минут она разглядела в ней монаха. Сажень в пяти от себя она узнала в нём инока Тихона, которого утром встретила в лесу, на берегу Ижоры.

– Ну, здравствуй, друг мой! – протянув руки к Тихону, с широкой улыбкой молвил Годун Иванович.

– Здравствуй, здравствуй! – крепко обнявшись, поприветствовал его монах. Тихон посмотрел на Ольгу: – Ну, здравствуй, душенька!

– Здравствуйте, отче. Я и подумать не могла, что нашим гостем окажетесь вы.

Монах ласково посмотрел на Ольгу.

– Ну что, пироги готовы? Наверняка вкусные получились! Пойдём пробовать!

Путники направились в дом, где их ждал вкусный и богатый стол. Весь вечер инок Тихон и Годун Иванович вспоминали о былых вре-

менах, о ратных подвигах, о доблестном князе Александре. Ольга внимательно слушала их рассказы. Потом девушка посмотрела в окно: солнышко медленно пряталось за горизонт. Ольга подошла к окну ближе, и вспомнились ей слова владимирского митрополита Кирилла, когда он узнал о кончине великого князя: «Закапилось солнце земли Русской!» Ольга всматривалась вдаль, словно искала ответ на мучивший весь русский народ вопрос: «Смилоствится ли Господь над Русью и пошлёт ли новое солнце – мужественного и мудрого князя, который сможет одолеть иго монгольское и освободит землю Русскую, многострадальную?»

Уже стемнело, когда дед и внучка проводили Тихона до монастыря. На обратном пути Ольга молча смотрела в чёрное небо. Она видела, как тут и там загорались в небе звёзды – такие яркие и близкие. И казалось ей, будто это не звёзды – небесные светила, а горящие (как лампы перед Святыми Лицами) души погибших за Отчизну воинов, молящихся перед Престолом Всевышнего за полонённый русский народ. И вместе с ними святой благоверный князь Александр Невский!

Помолившись, Ольга легла в постель. День выдался очень необычный. Закрыв глаза, она снова увидела звёздное небо и подумала: «Самым промозглым осенним ветрам и свинцовым тучам если и загородить этот звёздный иконостас – то только на короткое время! Придёт время, и вспомнят русские люди своих защитников, напишут их имена на своих знамёнах – и любого врага одолеют. Непременно одолеют, потому что с нами Бог, и Пресвятая Богородица, и наша Мать, Православная Церковь, со всеми святыми молитвенниками и заступниками за нас, грешных!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Думаю, пора нам познакомиться. Меня зовут Оля. 24 июля, в День памяти равноапостольной великой княгини Ольги, мне исполнилось 15 лет. Она – моя небесная покровительница.

Шесть лет назад мы всей семьёй совершили паломническую поездку в Троице-Сергиеву лавру. У величественного Троицкого храма, в самом сердце монастыря, мы встретили старенького монаха. Благословив, он спросил моё имя. Я сказала, что меня зовут Ольга. «Великой равноапостольной княгини носишь ты имя. Пронеси же его по жизни с достоинством!» – на прощание напутствовал монах и тихо ушёл своей дорогой.

Прошло много времени с той встречи, но я ясно помню образ того монаха, и Троице-Сергиеву обитель, и длинную очередь к мощам преподобного Сергия Радонежского. Бог даст, когда-нибудь я обязательно побываю и в Александро-Невской лавре, поклонюсь честным мощам благоверного князя Александра! И я ясно чувствую, что по молитвам всех святых угодников Божиих до сих пор стоит Русская земля. И мне очень хочется, чтобы все народы, живущие на земле, знали, что страну Русскую хранит от гибели Сам Господь, что для утверждения спасительной Истины избрал Всевышний Святую Русь, и какие бы напасти ни терзали Отечество наше – Бог непременно возродит его в новой силе и славе. И так будет до тех пор, пока Россия хранит веру православную, в которой, как говорили святые отцы, и есть её спасение!

Помните, непременно помните, чьи святые имена носите! Возносите им молитвы и благодарения! Ведь их святым заступничеством, их кровью, их трудами и подвигами стоит Русь Православная! Возносите благодарение святой равноапостольной великой княгине Ольге, ибо воспитала она будущего крестителя Руси! Возносите благодарение Владимиру – Красному Солнышку, ибо крестил он всю Русь! Возносите благодарение великому благоверному князю Александру Невскому, ибо защитил он на Руси веру православную! Возносите благодарение святому Димитрию Донскому, ибо избавил он Русь от полчищ Мамаевых! Возносите благодарение Александру Пересвету, и Андрею Ослябе, и многим другим святым русским воинам, «души свои положившим за друзи своя»!

Все святые, в земле Русской просиявшие, молитесь Бога о нас! Аминь.

Пётр КУЛИКОВ, г. Мичуринск

Русские песни

РУССКИЕ ПЕСНИ

Мне русские песни с рождения пели.
Я русские песни люблю с колыбели
О русской земле, где поёт соловей,
Для русского сердца нет песен милей.

Мне русская мать мою жизнь подарила
И с песней меня своей грудью вскормила,
Мне русский отец мою Родину дал,
Её никогда не предаю, не продаю.

Я русским рождённый, в Россию
влюблённый,
Любовь к русской песне несу сквозь года.
Пою для тебя я, родная Россия,
Так было, так есть и так будет всегда.

ВЕРА

Купола, купола православных церквей,
Вы для грешной души – маяки.
Купола, купола православных церквей,
Вы для русского сердца близки.

Помолюсь я за ближних, друзей и врагов,
Мне так легче по жизни идти.
Купола, купола православных церквей,
С вами мы не сожёмся с пути.

Старики и сироты – за них я молюсь,
Должникам все прощаю долги.
К Богу много дорог, я иду по своей
И люблю – Отче наш, помоги!

ТАМБОВСКИЙ МУЖИК

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Рождён и живёт на Руси.
Он пахарь до пота – кормилец народа,
Храни его Бог и спаси.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
За веру посажен в тюрьму.
Он грешен и праведен в разное время,
Его не сломить никому.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Крестьянские корни его.
Он малую родину любит всем сердцем,
Святая она для него.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Готов воевать и пахать,
Живёт он с Россией одною судьбою,
Он сын ей, она ему – мать.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Слова П. Н. Куликова
Музыка В. И. Агапкина

1. Славься силой и верой народа,
Православная русская рать.
Наш девиз в ратных битвах с врагами –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!
2. Все века защищаем Россию,
Связь времён никому не прервать.
Враг пришёл – наше время настало
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

Припев:

Родная страна нам Богом дана,
Сколько прожито горя и бед
И одержано славных побед.
Родная страна, ты в сердце одна,
За тебя будем насмерть стоять и –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

Слова на проигрыше:

За веру и страну
Уходим в поход на войну,
Народной силой несокрушимой
Ответим нашему врагу.
Народной силой несокрушимой
Ответим нашему врагу.

3. Русь святая, не все мы вернёмся,
Чему быть, того не миновать.
Чтим и помним завет наших предков –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!
4. Славься силой и верой народа,
Православная русская рать.
Наш девиз в ратных битвах с врагами –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

Жанна ТАШМА

ВИСЯТ ПОРТРЕТЫ НА СТЕНЕ

Висят портреты на стене,
 А тех, кто нас любил, уж нет...
 Но, продолжая жизни путь,
 Они нам излучают свет.
 Они притягивают взгляд,
 Как будто с нами говорят,
 Заботой, нежностью полны.
 Мы были им всегда нужны.
 И мне так нужно их тепло,
 Их мысли, взгляды, их совет.
 И, словно лёгкий ветерок,
 Я ощущаю их привет.
 И, начиная новый день,
 Должна на лица их взглянуть.
 Они, как в море маяки,
 Мне освещают жизни путь.

Висят портреты на стене

Я НЕ ОДНА...

Я не одна, ведь у меня есть жизнь!
 И мне дано быть этой жизни частью.
 Я рано утром выгляну в окно –
 Как всё же много у меня для счастья!

Как много дел вокруг меня всегда,
 В которых я должна принять участие,
 И если я кому-нибудь нужна,
 Как всё же много у меня для счастья!

Как это важно для меня – любить,
 Быть просто рядом и помочь в несчастье,
 И если кто-то хочет мне звонить,
 Как всё же много у меня для счастья!

Я знаю, счастье – это соучастье,
 И мне быть вместе с жизнью интересно:

Хочу звучать в её многоголосье
 И узнавать о том, что неизвестно.

Я словно путешествую по жизни,
 Любуюсь ею, как она прекрасна!
 А люди рядом тянутся ко мне,
 И я живу, наверно, не напрасно.

Мне жизнь дана как драгоценный дар,
 И мне дано быть важной её частью –
 Весёлой, доброй, умной и смешной –
 Как всё же много у меня для счастья!

Теперь я знаю: чтоб счастливой быть,
 Мне надо просто жизнь саму любить.
 И если жизнь есть главная любовь,
 Я верю: счастье будет вновь и вновь!

ПРАЗДНИК ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

День рожденья – праздник!
Праздник наших близких,
Праздник мамы с папой,
Праздник для друзей!
В этот день когда-то
Совершилось чудо –
В мир пришёл ребёнок
С радостью своей.

Он шагал по жизни,
Он играл, учился,
Он читал и думал,
Мир он познавал.
Близкие же люди,
Каждый понемногу,
Этому ребёнку
Что-то передал.

Быстро, как мгновенье,
Пролетело время...
Стал ребёнок взрослым,
Многое узнал.
Стал большим и умным,
Добрый человеком,
А друзей и близких
Многих потерял...

Но остались люди –
Те, кому он дорог
И кому он хочет
Что-то подарить.
Пусть на день рожденья
Все к нему приходят,
Он их чем-то вкусным
Хочет угостить.

И доставить радость –
Радость от общенья,
Есть прекрасный повод
Всех друзей собрать.
Пусть едят и шутят,
Пьют и веселятся,
Праздник день рожденья
Будут вспоминать!

Александр ФЕДУЛОВ

ПОЭТУ

*А я уже стою в саду иной земли.
Н. Гумилёв.*

Глаголы огненного столпа
У стылых стен окостенели.
Минувшее под лапой ели.
И под крестом миров толпа.

Ладонь, свеча, пространства рёв –
Ёр поэтических скитаний:
Вергилий – Данте – Гумилёв,
Неслыханных поэм Титаник.

И снова истина в нови – любовь.
Костёр – шатёр – чужое небо...
О Родина! Языческая треба
Любови той, что на крови... И вновь:

Акме! Приветствуют тебя
Йолковцы¹, вслед идущие, любя.

¹ Йолк – родина Ясона, путешественника за золотым руном.

РАЗОРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

Вячеслав ЛЮТЫЙ

СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА «ДЕРЕВЯННЫЕ БОГИ»

*Бредёт и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.*

Юрий Кузнецов

У Юрия Кузнецова есть стихотворение «Деревянные боги», датированное 9 мая 2003 года. По историко-литературным приметам этот текст перекликается с иными вещами автора: во-первых, посвящёнными военной теме, роковой, страшной для русского человека; во-вторых, тематически он сопряжён с последним периодом творчества поэта, когда взаимоотношения древнего русского бытия и православия вступили в его стихотворных сюжетах в напряжённый диалог.

Русский человек в поэзии Кузнецова, по существу, является образом всего народа. Об этом уже говорилось не раз, однако многие качества главных героев стихотворений словно бы и не расширялись до категории народа даже при внимательном прочтении авторских строк. Опасение быть поверхностным в этом вопросе вполне резонно, однако одновременно исследователь тем самым ограничивает круг своих наблюдений над поэтическим текстом локальными характеристиками, тогда как поэта

занимали вопросы фундаментальные, проясняющие черты русского бытия, русского менталитета, русского обыкновения и характера русского человека.

В «Деревянных богах» перед читателем возникают обозначенные лёгкими штрихами черты Большой войны и солдата – защитника Отчизны; древней веры и европейского христианства, во многом пребывающего на русской почве в виде буквы церковного учения; растерянного народа, который после великого испытания вновь стал населением; наконец, мистической Дороги – по ней бредёт одноногий воин вслед за невидимыми старыми Учителями, отринутыми в прежнее, уже давнее время.

Нужно сказать, что поэзия Юрия Кузнецова беспощадна к читателю: здесь не обходятся острые углы, в повседневности заботливо задрапированные массой оговорок, – противоречия являют себя так, что кажется, снять их и прийти к разумному соединению взаимно спорящих сторон русской жизни совершенно невозможно. Однако поэт совсем не стремился к столкновению противоположностей, он видел себя наследником прошедших эпох, которому необходимо правильно распорядиться «бытийным имуществом», чтобы в духовном отношении построить завтрашний день прочно и в согласии с главным содержанием минувшего времени.

Обратимся к событиям и персонажам стихотворения «Деревянные боги».

По старой разбитой дороге бредёт солдат с деревянной ногой. Впереди идут странные и непостижимые «деревянные боги», издающие загадочный скрип, отзывающийся в самодельном протезе путника.

*Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого тёмного пня.*

Скрипучие «вздохи труху по дороге мегут», и встречный народ в страхе разбегается. Деревянные боги идут «в неведомый тёмный конец» из старого «тёмного дня». Наконец они

«прошли на великий покой», навсегда отделив себя от солдата и «народа». На дороге остался только одноногий странник.

В этом контексте все смысловые детали имеют расширительное значение. К примеру, солдат, потомок народа, отказавшегося от старых богов, вдруг потерял телесную гармонию и утратил способность передвигаться, преодолевать трудный путь. И вот в помощь ему даётся «новая нога», изготовленная в мифологическом пространстве и времени из старого деревянного идола – так христианское вероучение называет богов языческого пантеона. Над этим сюжетным поворотом витает семантическая дымка: тело христианина – его храм; православный воин защищал родную землю, и тело после боя стало ущербным; помочь солдату смог только пень, из которого когда-то было вырублено изображение языческого бога; теперь солдат может с трудом идти, опираясь на деревянную ногу, подаренную ему древним божеством. И так, медленно преодолевая разбитую в веках дорогу, он движется вперёд, попеременно ступая на уже искусственную «языческую» и на оставшуюся живой «христианскую» ногу.

Конечно, подобный, во многом одномерный, интеллектуальный ракурс весьма уязвим. Он не может выступать в качестве главной художественной фиксации смыслов и положений в стихотворении. Однако перед нами – несомненный отсвет русского бытия, в образном виде он содержится в этом мифологическом сюжете Юрия Кузнецова.

Обратим внимание на восприятие солдатом происходящего:

- он не видит деревянных богов;
- он не видит России, христианской, православной страны;
- «он слушает скрипы пространства»;
- «он слушает скрипы веков».

Солдат «потерял свою ногу в бою», «вырубил новую ногу из пня» и теперь бредёт «по старой разбитой дороге». Если посмотреть на действия героя, раскрывая их значение в реальном смысловом поле, то перед нами предстанут жестокий бой, горький мирный труд и лишения, путь к неведомой цели.

Вместе с тем сама дорога здесь кажется пунктиром исторического движения европейской цивилизации, чьё христианство «голодным огнём» сожгло старых богов родной земли. Кроме того, Великая война случилась в самом центре христианского мира – в поэтических координатах «белого дня». Мучительные шаги почти вслепую по разбитому пути всё ещё связаны с ощущением присутствия деревянных богов, которые тоже перемещаются в этом направлении. Их движение определённо вынужденное, но они, кажется, подсказывают солдату, как идти: так проводник ведёт странника по болоту, указывая кочки и топь. Но очень скоро деревянные боги удалятся «на великий покой». Истекает время их присутствия в русском пространстве – теперь уже окончательно, бесповоротно...

Примечательно, что солдат в сюжете оказывается тонким образом русского народа, а сам народ превращается в население, забывшее о собственных корнях – и родовых, и православных. Очевидно, «солдат» – главная характеристика русского человека, отодвигающая любые другие его приметы и качества в стихотворении Юрия Кузнецова.

И вот в эпоху христианства защитник отчуждённого края бессознательно обращается к древнему родовому укладу. Ещё вчера на поле сражения добра и зла он пролил собственную кровь, принеся эту жертву самоотверженно и безоглядно, готовый по-евангельски «положить живот за други своя». Теперь же солдат прислушивается к давним векам, не собираясь отказываться от горького настоящего. Он являет собой фигуру, по внутреннему душевному устройству близкую нам *сейчас*, и одновременно – фигуру *древнюю*, соединённую с «нервной системой» старой Руси, где природа, человек и семья составляли одно целое.

Между тем деревянная нога, когда-то бывшая сакральной частью природного окоёма, помогает солдату, но не приживается к его «христианскому телу». Эта позиция в стихотворении исключительно важна: деревянные боги опекают православного воина на русской земле, однако не становятся вновь частью его естества. Они

могут быть в очередной раз отринуты – так в суеверном ужасе бросается прочь встречный люд, увидев хромого путника и заслышав ни на что не похожий скрип. Но древние божества не исчезнут бесследно, не превратятся в прах и пепел, даже если сжечь их древесные изображения.

В стихотворении мы слышим не только сдержанный голос автора, но и некий гул христианской цивилизации – раздражённый и досадливый. Он прорывает ткань балладного повествования и, не принимая возражений, комментирует русское прошлое и *неправильно* воплощённое русское настоящее:

*Мы раньше молились не Богу,
А пню среди тёмного дня.*

.....

Идут деревянные боги.

Когда же пройдут наконец?..

Но вот, по сюжету, они «прошли»: простежались, исчезли, отошло их время, утрачено их понимание, растворилась связь русского человека с окружающей природой. Одноногий солдат остался в нынешнем пространстве-времени, когда православная мистика во многом отодвинута церковной буквой. А сама эта буква, к сожалению, часто становится лишь сухой формой, теряя великое нравственное содержание подвига Спасителя.

Как же чувствует себя одинокий увечный герой на изъезженном и исхоженном тракте:

– странник остался на дороге в полном одиночестве – реальном и мистическом, ему не слышен голос небес (хотя в данном сюжете он не звучит вовсе);

– солдат, возможно, уже и не идёт по дороге, а застыл на ней – динамика событий в стихотворении останавливает наш внутренний взгляд именно на такой картине;

– эта дорога внезапно стала непонятной – куда она ведёт и зачем по ней идти?

– у солдата теперь есть только личная судьба – в отрыве от земного существования она неизъяснимо и тайно устремлена к Христу, что пока ещё непонятно и самому путнику;

– всё земное для солдата становится чужим и холодным, единство земли и неба окончательно расщеплено на две взаимно враждебные части.

Ассоциативно здесь прочитывается состояние русской души на исходе последнего тысячелетия. Для Юрия Кузнецова проблема органичного присутствия русского человека на своей земле и под своим небом – физическим и духовным – была самой важной. Он старался обозначить её приметы и главные нервные точки средствами поэтического мифа, когда всё самое существенное автор читателю показывает, а не называет.

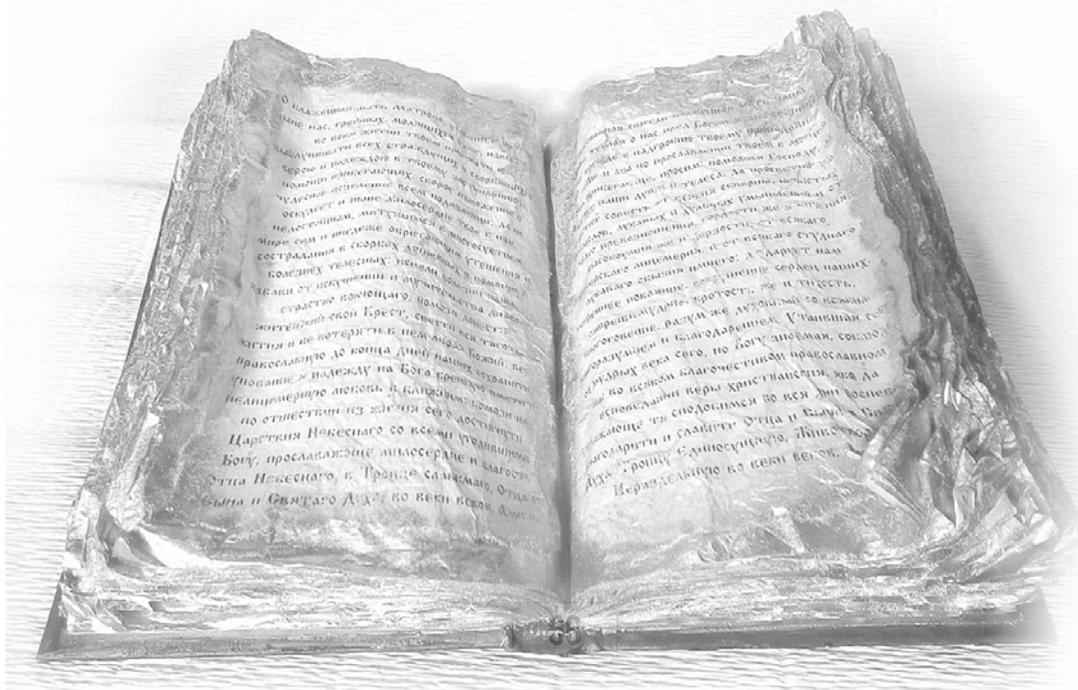
В «Деревянных богах» неявно присутствует мысль о «недостаточности» христианства для органического русского человека, лишённого исторических корней, в том числе и в результате крещения. У других европейских народов подобного провала исторической и духовной памяти не найти. Вот почему русский так одинок в этом мире: прежде он был вписан в контекст природы, а теперь существует рядом с ней. И даже наперекор ей, полагая себя земным владыкой – в действительности, ущербным, глухим и незрячим.

Перед нами вовсе не православные признаки богооставленности – уныние, маловерие. Но отчётливые черты «природооставленности» – отсутствие опоры на земной распорядок, который ныне оторван от русской души и закреплён

в статусе враждебного, чужого. Нет уверенности в привычном и простом, способности воспринимать зверьё и растения по-родственному, входить во времена года с интуитивным крестьянским и охотничьим чувством окружающих перемен. Вот почему телесная жизнь русского человека оказывается во многом рассеянной, лишённой своего естественного начала.

Стихотворение, по существу, является трагедией: победитель в Великой войне за отчий край не находит внятного языка, который позволил бы ему общаться с родной землёй. Солдат улавливает только малопонятные «скрипы», и для него это единственный способ услышать голос почвы. Подобная безъязыкость русского человека гнетёт автора, рисующего в финале картину почти космического одиночества главного героя.

Юрий Кузнецов в центре стихотворения «Деревянные боги» наметил абрис европейской цивилизации, христианства буквы, а не дыхания. Тогда как живой фигуре Спасителя уделил огромное внимание в своих последних поэмах и стихах. Он старался не сводить в духовном сражении старую русскую веру и православие, но, как мудрый художник и наследник всех эпох отечественной истории, пытался восстановить в русском сердце разорванные страницы древности. Не разделять и доводить до чистоты, но понимать и беречь достигнутое, видя в этом единственный путь русского самопознания.

АВИАТОР ИЗ ЛИПЕЦКА

ПАПА-ГРЕК

Среди первых авиаторов России мы можем по праву назвать Н. С. Сакова. Его отец Ставр Елевтерьевич (в других документах – Елевферьевич) был греком. Родился он в 1846 году на территории тогдашней Турции, в небольшом городке Уние. После Крымской войны 1853–1856 годов семейство Саковых переехало в Россию, которая стала для этого семейства второй родиной. Ставр Елевтерьевич первоначально учился в знаменитом Лазаревском институте восточных языков, где позднее и сам стал преподавать студентам греческий, турецкий и другие языки. А чуть позднее он окончил медицинский факультет Московского университета. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов он в действующей армии, работает врачом. С 1879 года трудится в Москве в странноприимном доме при Шереметьевской больнице. Затем он работает земским врачом в больнице княгини Гагариной на небольшой станции Сергиево-Паточная (ныне город Плавск в Тульской области). В 1885 году он становится профессором Лазаревского института

восточных языков. А чуть позднее Ставру Елевтерьевичу пришлось исполнять обязанность почётного консула Греции в Москве. По-видимому, в Первопрестольной он и познакомился с А. Н. Федцовой. Анна Николаевна родилась в уездном городке Липецке Тамбовской губернии, где проживал её отец, поручик в отставке Николай Федцов. В 1888 году в московской церкви Святого великомученика Георгия они обвенчались. А вскоре семейство переехало в Липецк, где у четы Саковых и родились два сына – Николай и Александр. Оба они стали первыми русскими лётчиками. Их отец, статский советник Николай Елевферьевич (так в документах), в 1914–1916 годах гласный (депутат) не только Липецкого уездного земства, но и губернского земства от Липецкого уезда. А по документам за 1913 год мы встречаем его среди преподавателей Липецкого реального училища, где он преподаёт гигиену. А его супруга Анна Николаевна долгое время была членом Липецкого уездного отделения комитета Красного Креста.

Будущий авиатор Н. С. Саков родился 29 июля 1889 года. Согласно документам, статский советник Саков имел «собственный дом» на Дворянской улице (ныне улица Ленина) в Липецке, а в уезде, в районе села Шехманы (ныне Петровский район Тамбовской области), небольшое имение. Здесь часто ребёнком и подростком бывал юный Николай Саков. В 1908 году семейство Саковых окончательно переезжает в Липецк, где Николай Елевтерьевич не только работает врачом на Липецких минеральных водах, но и трудится педагогом.

ПЕРВЫЙ БЛИН КОМОМ

Начало XX столетия – время становления авиации. Многие россияне стремятся уехать во Францию, где можно получить профессию лётчика. В 1911 году отправляется туда и Николай Ставрович. Он обучается лётному мастерству в известной школе Армана Депердюссена – известного авиационного предпринимателя, главы фирмы SPAD. Авиашкола располагалась в местечке Бетени, недалеко от известнейшего

города Реймс. Наставником россиянина был опытный авиатор Морис Прево. 11 сентября 1911 года он получает диплом за № 627, и Николас де Сакоф (так он именуется в документе) возвращается на родину. Вернулся с приобретённым в фирме SPAD аэропланом. А 6 мая 1912 года в уездной «Козловской газете» (Козлов – ныне город Мичуринск) появилась публикация следующего содержания: «...близ Шехманы ... местный землевладелец Н. Саков, прошедший полный курс парижской авиационной школы, совершил полёт... При подъёме пропеллер аэроплана работал исправно, но на

высоте 20 сажень у него вдруг сломалось одно крыло, и машина рухнула на землю. К счастью, лётчик, отделавшись незначительными ушибами, остался жив. Аэроплан же был доставлен для починки в механические мастерские Тёщина, что на Успенской улице Козлова».

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

В сентябре 1912 года вспыхнула Балканская война. И Саков отправляется защищать родину своего отца и предков – Грецию. О героизме нашего соотечественника 28 апреля 1913 года писал известный российский журнал «Огонёк». Под портретом Николая Ставровича был помещён текст: «Русский авиатор-герой на Балканах. Со снимка, любезно присланного "Огоньку" из Парижа господином Лебедевым, – лётчик Саков, участник греческих побед, отличившийся перед взятием Янины при штурмах форта Бизани». А ещё раньше, в журнале «Искра» от 13 января 1913 года, был помещён также снимок Николая Ставровича с подписью следующего содержания: «Русский авиатор Н. С. Саков на службе в Греческой армии. Его полёт в окрестностях Салоник». Греческая армия имела на вооружении всего лишь пять аэропланов. В основном авиаторы вели разведку расположения турецких войск. Иногда сбрасывали на головы врага бомбы и гранаты, хотя при этом урон среди живой силы неприятеля был незначительный. Вскоре лётчики перебазировались на аэродром Превеза. Отсюда они взлетали и совершали полёты к осаждённому турками Янину. Населению этого города авиаторы сбрасывали газеты, листовки, продовольствие и медикаменты. На «Фармане» Николай Ставрович совершил дерзкий налёт на форт Бизань, сбросив две бомбы. Турки обстреляли аэроплан, буквально изрешетили его. Саков направился на свой аэродром, но неожиданно отказал мотор. Он чудом дотянул до греческих позиций и приземлился. Починив двигатель, он благополучно вернулся в Превеза. По окончании войны он поселился в Санкт-Петербурге, где в качестве лётчика-инструктора обучал авиаторов в лётной школе Император-

ского всероссийского аэроклуба. В январе 1914 года он женился на Нине Сергеевне Бехтеевой – представительнице знаменитого дворянского рода. Отец Нины Сергеевны был видным земским деятелем Елецкого уезда Орловской губернии. А через год у молодой четы родился сын Александр.

НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

А вскоре началась Первая мировая война. Был создан Особый добровольческий авиационный отряд, позже известный как 34-й авиационный отряд, которым командовал опытный лётчик Николай Александрович Яцук. 27 августа 1914 года Николай Ставрович прибыл в расположение отряда, который базировался в районе Варшавы. Авиаторы в основном проводили разведку, изредка вылетали на бомбардировку вражеских позиций. И постоянно попадали под огонь неприятеля. 23 апреля 1915 года Саков был награждён крестом Святого Георгия 4-й степени (самая желанная и драгоценная награда для русских солдат). Представляя его к этой награде, Яцук отмечал, что в период с 1 сентября 1914 года по 1 февраля 1915 года Саков «...совершил ряд умелых воздушных разведок, причём при разведке 12 и 13 сентября 1914 года совершил особо опасную для жизни разведку и 19 января 1915 года над лесом около Гужан произвёл разведку под ружейным огнём противника». 16 июля 1915 года его грудь украсил крест Святого Георгия 3-й степени. В ходатайстве Николай Александрович писал, что Саков «...за время с 12 по 22 апреля 1915 года выполнил весьма успешно четыре воздушные разведки, которые 21 и 22 апреля сопровождалось бросанием бомб в поезд и станцию Августов; при полёте 21 апреля был обстрелян орудийным огнём противника». В одном из таких опасных полётов авиатор был ранен, чудом дотянул до аэродрома и с 16 октября по 16 ноября 1914 года находился на излечении в госпитале. А затем вновь – действующая армия. В самом конце 1915 года Николаю Ставровичу присваивают первый офицерский чин – прапорщика

По-видимому, сказались ранения, и Николай Ставрович решил открыть своё «дело». Он убеждает Сакова-старшего, который имел обширные связи не только в Липецке, но и в губернском Тамбове, заключить контракт с Управлением Военно-воздушного флота на поставку аэропланов. Предполагалось организовать их производство в уездном Липецке. И уже летом 1916 года Ставр Елевтерьевич организовал товарищество «Липецкие Аэроплановые Мастерские» (ЛАМ). Используя свои связи, Саков-старший привлёк капиталы известных в городе купцов Хренникова, Быханова и других. ЛАМ располагались на тогдашней Гостиной улице, что ныне Интернациональная. Уже 8 ноября 1916 года Ставр Елевтерьевич заключил контракт с Управлением Военно-воздушного флота о поставке пяти аэропланов «Моран-Ж». В контракте оговаривался и срок – 8 января 1917 года. А через десять дней Саков-старший переофор-

мил документы, согласно которым все права на ЛАМ передавались Николаю Ставровичу.

НА ЧУЖБИНЕ

В России было свергнуто самодержавие. С болью в сердце воспринял это событие боевой лётчик. Он был верен не только военной присяге, но и оставался верным трону. Монархист Саков встал в ряды Добровольческой армии Юга России. Его как опытного лётчика отправляют в Великобританию. Белой армии нужны были самолёты. Николай Ставрович ведёт переговоры. Его по-прежнему зовёт небо. Он покидает туманный Альбион, не доведя дело до конца, и на пароходе приплывает в тогдашний Ревель. Здесь его зачисляют в списки Северо-Западной армии, которой командовал генерал Н. Н. Юденич. Николай Ставрович воюет в авиаотряде штабс-капитана Б. В. Сергиевского. Когда белое движение потерпело поражение, он покидает Россию и обосновывается на родине своих предков – в Греции. Он становится личным лётчиком греческого короля Константина. Осенью 1922 года, когда король был свергнут, Саков покидает Афины и перебирается в Париж. Найти работу в столице Франции было трудно. Как большинство россиян-эмигрантов, он работает таксистом. Он организует Союз русских авиаторов. По его инициативе изготавливается икона – памятник российскому воздушному флоту. Её установили в кафедральном соборе Александра Невского в Париже. Николай Ставрович начал сбор фамилий русских авиаторов, погибших до войны, во время войны и во время Гражданской войны. Это должен быть своего рода синодик. Но закончить работу ему не удалось. 2 февраля 1930 года его не стало. Похоронили одного из первых русских авиаторов на кладбище Сен-Женевьев де Буа в столице Франции. Сейчас к нам из небытия возвращаются сотни имён. И отрадно, что в этом списке мы видим отважного лётчика, патриота Н. С. Сакова и гордимся тем, что он тесно связан с зарождением авиации в нашей стране.

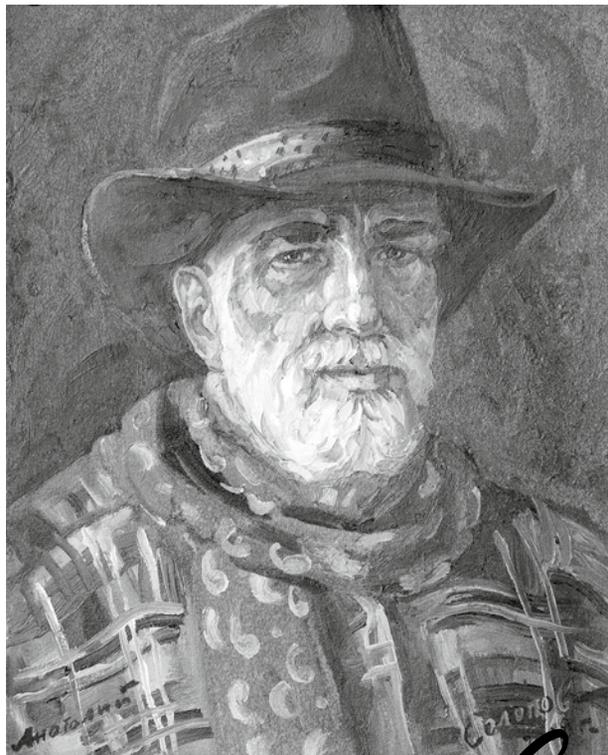

Виктор ЕЛИСЕЕВ

Анатолий СОЛОПОВ

Художник Анатолий Иванович Солопов родился 25 ноября 1941 года в городе Мичуринске Тамбовской области. В 1959 году окончил среднюю школу № 7, с 1952 по 1959 год обучался рисунку и живописи у художника-педагога Аркадия Васильевича Платицина. В 1963 году окончил художественно-графическое педагогическое училище в г. Курске. Работал художником-декоратором в Мичуринском драматическом театре (1965–1969 гг.). В 1969 году поступил и в 1975 году окончил Московский государственный художественный институт им. В. И. Сурикова. С 1972 года – участник всесоюзных и международных выставок. Член Союза художников СССР с 1977 года. Живёт и работает в г. Павловском Посаде Московской области.

Рассказы художника

РОДНИК

*Светлой памяти рабы Божией
Клавдии Михайловны Бурцевой*

*Видите, како праведный поги-
бе, и никтоже не приемлет сердцем.
Книга пророка Исаяи, 57,1*

Кланюшку помню с малых лет своих. Лёгкая на подъём, ходкая, всегда одетая в чёрное, как монахиня, с палочкой в руке и вечными котомками на плечах, перетянутыми верёвками или поясом, как у нас обычно ходят бабы на Тамбовщине, она, долгожданная, появлялась у нас дома всегда неожиданно, и всё вокруг становилось светлее и радостней. Глаза у Кланюшки карие, взгляд сокровенный, приветливый, движения быстрые. В приветствии всегда низко кланялась, легко и с улыбкой. Развязывалась

котомка, доставались сушки, булки, хлеб, а летом в бидончике ягоды смородины, клубники.

Родилась Кланюшка в 1922 году в селе Радостном Тамбовской губернии. В детстве её уронили, и с тех пор она стала горбатенькая. Грамоты особой не знала, но писать умела, и очень хотелось ей научиться читать на церковнославянском Псалтырь. Однажды ночью во сне она увидела раскрытую книгу Псалтыри, и был голос: «Читай!» И она стала читать и с тех пор хорошо читала по-церковнославянски. Церквей открытых почти не было, и Кланюшку приглашали на отпевание покойников, на сороковины, чтение акафистов, молитв. Кто что давал – тем и питалась. Жила она за городом, в посёлке Хоботово, с мамой. Домик у них маленький, стоит в глубине двора, скрытый деревьями и кустами. Внутри небольшая кухонька с одним окошком, с печкой, с иконами в углу, да ещё небольшая комнатка с кроватью, сундуком, и в двух углах иконы, иконы. Кланюшкина мама,

«Кланюшка. Клавдия Михайловна Бурцева».

Бум., цв. кар. 22 x 24 см. 1993 г.

Анна, больная уже давно, ей лет девяносто, не ходит. Память у неё хорошая. Кланюшка за ней ухаживает – души не чаёт. Их как-то ограбили цыгане. Украли вещи кое-какие и деньги, которые они зарабатывали деланием восковых свечек и которые копили на уголь для печи. Потом отошла в мир иной мама её.

Годам к шестидесяти Кланюшка стала больная вся, немощная. Грудь у неё как-то придавило машиной, кузовом притиснуло к забору. Постоянно болели уши. Желудок больной, стеночки тонкие, и когда ест – всё внутри болит. Никогда не ела мясо. Суп с пшеном, со своей лапшой, иногда с маслом растительным, картошка отварная, каша, чай. В основном всегда сухари и редко свежий хлеб. В домике её в трёх углах как три иконостаса – иконы. Всегда теплятся лампадки. На Пасху выносит плащаницу и обходит вокруг домика своего.

Часто стали класть в больницу. В больнице лечила многих больных и врачей от болезней душевных.

Однажды явился во сне апостол Павел и сказал: «Я буду твоим защитником». Спустя некоторое время в нужнике в одном из дворов деревни нашла икону большую, прибитую к

задней стенке. Она была вся грязная и чёрная. Попросила её, разрешили взять. Дома отмыла – оказалось, что это икона апостола Павла, поясная, на досках.

Святитель Николай в явлении сказал ей, чтобы перед правилом читала молитву: «Благослови, Господи, зажечь свой светильничек пред тобою и прими мой светильничек, как ты мудрых дев принял, так прими мой светильничек поклониться пречистому образу Твоему». А однажды ей приснилось, что ползёт она по облакам долго-долго. Опустилась на землю и очутилась перед морем-океаном громадным, а посреди него остров весь сияет. И так захотелось ей на тот остров попасть. И вот наводится на остров тот с берега мост, и ангел провожает её по мосточку к острову. На острове стоит стол большой, а за ним все в белом и сияют двадцать четыре старца. И подводят её к старцам и говорят: «Это – Онуфрий Великий, Афанасий Великий...» – и так со всеми познакомили. А у Пимена Великого борода беленькая-пребеленькая, лопаточкой, волос мягкий, и он ласковый такой, встаёт и говорит, мол, скоро и ты будешь у нас.

Года за четыре до смерти пришло письмо от неё. «Письмо от Клани Христос посереде нас. Кланюся я вам низко и желаю вам от Господа Бога добраго здравия и душевнаго спасения и всего в работе благополучия... Пропишу про себя какой испух был на три святителя. Приходили с вечера в семь часов воры сняли у меня иконы самые большыя и я вырвалась убечь но они меня держали за руки и били. Больную уху какую операцию делала всю разбили вся страна правая черная и я вся испуженая и сичас икон у меня нету... всю церковь у меня разорили и плачу каждый день и не ночую дома кое где скитаюсь пока. До свидания».

За год до смерти Кланиной я у неё в Хоботово. Раннее утро, отворяю калитку: колодезь, вишни, роса. В окошке, на подоконнике, сидит невообразимо лоскутный жёлто-чёрно-белый кот. Кланя плохо слышит, и кот, спрыгивая на пол, идёт ей сообщать, что кто-то пришёл. И вот мы стоим перед иконами и оканчиваем утреннюю молитву. Как хорошо стоять с ней

рядом пред Богом. Пошёл в огород собирать чёрную смородину. День летний, солнечный. Кусты смородины большие, все переплелись. Ягода осыпная. Кланюшка больная, а не утерпела, пришла помогать. И жалко её – как бы не утрудилась, и хорошо с ней.

До последних дней своих ездила в город к одиноким женщинам, к нуждающимся, развозила бидончики с ягодой, картошку – всё, чем ни была богата. Утешит словом, успокоит, помолится и уврачуе душу.

За месяц до смерти Кланя слегла совсем и ровно три недели уже не вставала. Умерла Кланюшка 14 сентября (1 сентября по старому стилю) 1995 года в день церковного новолетия, в венец лета Господня, в половине шестого утра. Всю ночь металась очень, всё болело внутри, вся изнемогла, а всё просила читать молитву: «Величая, величаю Тя, Господи...»

Однажды она ходила за святой водой на источник в село Дубовое. Весна, половодье. Много народу приехало и пришло за святой водой. Кланя в одежде, обуви заходит в воду, идёт туда, где должен быть родник. И вот чистая струя воды обнаруживает место источника воды святой. К Клане тянутся руки с посудой – бутылками, бидонами, банками, кружками, и она всем набирает и подаёт святую воду. И так всю жизнь свою щедро, радостно, приветливо раздавала святую воду духовную всем – безотказно, всем, кто нуждался и просил.

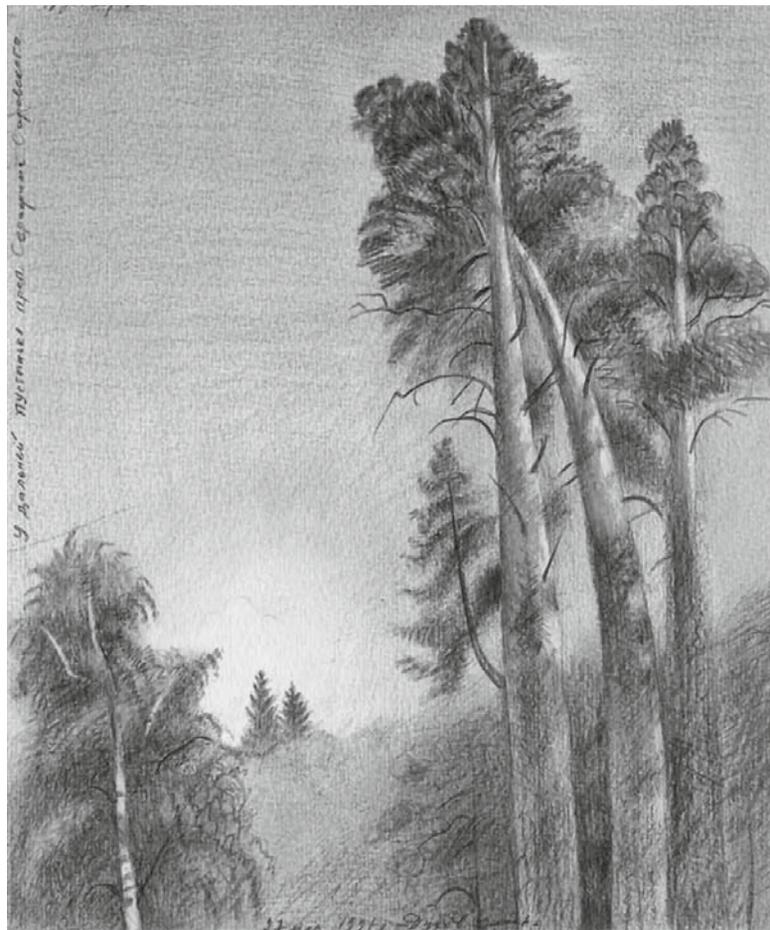
Помяни, Господи, душу усопшей рабы Твоея Клавдии во Царствии Твоем. Вечная память. Вечная память.

ПРОЗРЕНИЕ

24 мая 1991 года, в день святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских, я впервые попал в Саров. В то время это был закрытый город Арзамас-16. После трёх дней «Праздника славянской письменности» московские гости разъехались, а мне, о чудо, удалось получить разрешение остаться в Сарове на две недели для сбора материала к графической серии «Житие прп. Серафима, Саровского чудотворца».

Недалеко от дальней пустыньки преподобного в лесу я поставил палатку на берегу реки Саровки. Стоят сосны мощные, трёхсотлетние – они видели преподобного Серафима. Проснёшься рано-рано, ещё не светает, но уже не темно. Добежишь до источника, опрокинешь на себя ведра два ледяной водицы святой. На возвышении над Саровкой, где стояла келья преподобного, зажжёшь свечу, прочитаешь акафист преподобному Серафиму. Тишина, никого. Я рисовал всё: лес, источник, траву, цветы, зверей, пресмыкающихся и птиц небесных – ведь здесь ходил преподобный.

К концу моего пребывания в Сарове я переехал в город, в гостиницу, и ходил рисовать на ближнюю пустыньку преподобного Серафима. Место, где стояла келья преподобного, сейчас застроено многоэтажными домами, лес полностью вырублен, обрыв и спуск к Саровке завален

«У дальней пустыньки прп. Серафима, Саровского чудотворца». Бум., цв. кар. 27,5 x 23,5 см. 1991 г.

цементными блоками, но дух святого места всё же сохранился. Сделал рисунок. Побродив, нашёл на откосе обрыва кустик земляники с большой спелой ягодой. Присел передохнуть на складной стульчик, но чувствую, что меня охватывает усталость, вялость, сонливость. Кое-как, еле держась на ногах, перешёл Саровку и здесь, на берегу, среди небольшого берёзового лесочка, лёг на траву под куст рябины и заснул. Проснулся уже вечером, встал и потихоньку-полегоньку побрёл до гостиницы. Оказалось, что меня укусил клещ.

На следующий день очень захотелось попить свежего молока, и я решил пойти в лесничество – небольшой посёлок в лесу. Здесь когда-то был камень-валун, на котором тысячу дней и ночей молился прп. Серафим. Где был камень, теперь проложена заасфальтированная дорога, но место камня условно обозначено выемкой в земле у обочины. Затеплил свечку, постоял, потом подошёл к дому напротив. Возле палисадника мужик рубил дрова. Оказалось, это бывший лесник, теперь на пенсии. Я сказал, что хотел бы купить немного молока, хлеб у меня был. Он ответил: «Молоко есть, идите в дом, хозяйка вам нальёт». Дом большой, просторный. Хозяйка, тётя Фрося, поставила трёхлитровую банку молока на стол, дала кружку и сказала: «Пейте, не стесняйтесь». Спросила меня, откуда я. Вкратце рассказал, что я художник, приехал издалека и около двух недель рисовал в лесу и жил в палатке на дальней пустыньке преподобного Серафима. Она запричитала: «Да как же так, одному жить в лесу, да ещё в палатке, комаров тьма-тьмушая. Да и страшно сейчас, всякое бывает, бережёного Бог бережёт. Мы с мужем вдвоём остались, дети разъехались кто куда, и мы были бы рады вас приютить. Жили бы у нас, в доме места много, и ходили бы рисовать». Разговорились. Женщина простая, душевная, как-то прониклась ко мне и рассказала следующую историю.

Родом она из-под Киева. После войны молодой девушкой вышла замуж и приехала с мужем в Саров. Поселились они здесь и стали жить-поживать да добра наживать. Всё бы хорошо, и муж хороший, да очень заскучала Фрося по родным местам. Так скучала, что стала постоянно плакать и так довела себя, что ослепла на оба глаза. А хозяйство-то всё своё, надо со всем управляться,

всё требует присмотра, а она стала слепая. «Вот беда-то какая грянула. Загоревала я, а мужик-то мой со всем по хозяйству справлялся сам. Своя-то работа была, да ещё по дому нашему, да и за мной присмотреть надо. А на меня как столбняк нашёл, замерло всё у меня внутри, руки опустились. Что делать – не знаю». Фрося, рассказывая свою историю, не могла сдержаться, заплакала и концом косынки время от времени вытирала слёзы.

Ей посоветовали сходить к старице, мама которой в своё время ходила к батюшке Серафиму. Фросю привели к ней, и та посоветовала сходить на дальнюю пустыньку, где стояла келья прп. Серафима Саровского, и помолиться святому угоднику и чудотворцу.

Фрося в то время о прп. Серафиме совершенно ничего не знала, не знала даже, что был такой святой и подвизался буквально здесь, рядом, где теперь стоит её дом. От дома лесника до дальней пустыньки где-то километра два будет. Её отвели, оставили одну. Фрося говорит: «Упала я на землю, плакала сильно, молилась и просила преподобного исцелить меня, вернуть зрение».

Дома она как-то сразу успокоилась, на душе полегчало, и она уснула. Утром открыла глаза и увидела Божий мир. Так ясно и чётко, как будто и не болела. И какая же радость её была необыкновенная. С тех пор она почитает прп. Серафима, Саровского чудотворца, знает его житие и, когда бывает на родине под Киевом, всем рассказывает о нём, и многие оттуда стали приезжать к ней, чтобы повидать места, где жил и творил преподобный, помолиться да взять с собой святой водицы.

На прощанье Фрося дала мне топор, чтобы я отколол себе на память кусочек сосны от большого в окружности пня, чуть возвышающегося среди травы. По преданию, это пень от сосны, на которой висела икона Пресвятой Троицы, пред которой тысячу дней и ночей молился прп. Серафим, Саровский чудотворец. Здесь, среди саровского леса, в месте, где молился на камне прп. Серафим и мимо которого ходил на дальнюю пажинку, очень наглядно и убедительно прозвучал для меня рассказ о чуде исцеления Ефросиньи прп. Серафимом, Саровским чудотворцем.

Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас.

АНАСТАСИЯ

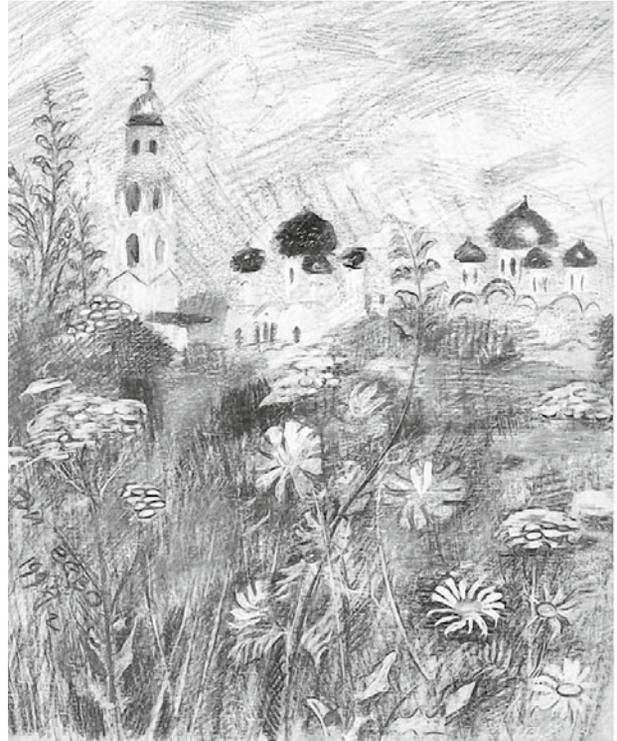
Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его
Соборное послание
св. ап. Иакова, гл. 1, ст. 12.

В село Аламасово Вознесенского района Нижегородской области приехал я в лето 1990 года. Село древнее, мордовский заповедный лес.

Я приехал к Марии Семёновне посмотреть у нее икону прп. Серафима, Саровского чудотворца. Икона среднего размера, поясная, писана в начале XX века. Образ очень понравился. Мария Семёновна делала восковые свечи: чуть размягчала воск на печи, клала нить, раскатывала – получались хорошие пахучие свечи. Побыв, я собрался уезжать обратно в Дивеево, но Мария Семёновна сказала: «Если хотите, оставайтесь: сегодня у нас похороны одной старицы, бывшей ещё до революции монахиней Дивеевского монастыря». Я решил остаться.

Мария Семёновна сказала, что отпевание начнётся через час, а за это время можно успеть посмотреть икону Тихвинской Божией Матери, которая в своё время находилась в Саровском монастыре. Когда эту икону везла «ЧеКа» (чрезвычайная комиссия), кони стали в селе Аламасове и не трогались с места. Народ просил отдать святыню. Так икона осталась в Аламасове. Одно время она находилась у умершей м. Анастасии, но перед смертью она передала её племяннице, м. Матридии. Мария Семёновна также рассказала, как найти дом, где пребывает святыня, и что недалеко дом умершей м. Анастасии.

Мне очень хотелось посмотреть на икону, ведь она из Саровского монастыря и её, быть может, видел прп. Серафим Саровский. Дом нашёл быстро. Около него на скамейке сидели женщины, уже посмотревшие икону. Захожу в сени, налево вход в небольшую свободную комнату, левый угол которой занимает большая тёмная икона Тихвинской Божией Матери. Горит лампада. Образ хороший, очень старый и

«Серафимо-Дивеевский монастырь».
Бум., цв. кар. 33 x 28 см. 1994 г.

в неплохом состоянии. Подошёл ближе, возжёг свечу, преклонил колени, помолился.

Икона намоленная и вызывает трепетное чувство. Это вот как к святым мощам великих угодников Божиих припадаешь, тебя как бы всего пронизывает какое-то излучение божественного тока, какая-то необъятная и непонятная глубина, от которой захватывает дух. Как хорошо, что я один пред Богородицей, никто не мешает, тишина необыкновенная, будто всё замерло.

Вышел на улицу, на солнце, подошёл к колодезю, попил студёной водицы, посидел на скамейке, а потом пошёл искать дом м. Анастасии. Мне подсказали, и вот я вышел к большому рубленному из строевой сосны дому. У дома растёт травка-муравка и никого нет. Поднялся по высоким ступенькам и попал в большие сени. Чисто, света мало, но ощущение просветлённости и свежести. В сенях стоит народ. Справа от входа открыта настежь дверь с высоким порогом, и в проёме двери видна большая, почти во всю избу, комната, вся наполненная людьми. Все стоят спиной к двери, и у всех в руках зажжённые свечи. За плотной толпой гроба не видно, и

только слева, в красном углу, виднеются иконы. Отпевают матушку Анастасию аламасовские, пение хорошее, слаженное.

Она пришла в Дивеевский монастырь ещё юной девушкой, приняла постриг и стала инокиней. Отсюда, из Аламасова, многие были насельницами монастыря (при батюшке Серафиме отсюда была Евдокия-глухенькая, будущая старица Евдокия Ефремовна, в монашестве Евпраксия, которая удостоилась быть при посещении Царицы Небесной о. Серафима в день Благовещения в 1831 году). Когда стали закрывать Дивеевский монастырь в 1927 году, большинство сестёр стали селиться в небольших домиках села Вертьянова и других близлежащих сёл и деревень. Там молились, соблюдали правило утреннее и вечернее, читали Евангелие, Псалтырь, каноны, акафисты, клали поклоны. Кто-то уезжал к родным, а некоторые стали мирскими. М. Анастасия ушла в село Аламасово и там вышла замуж. Спустя некоторое время муж умирает. Выходит замуж во второй раз, но вскоре умирает и этот. Жила с ним плохо, он пил, бил её. В третий раз вышла за вдовца, у которого было семеро детей, мужик был хороший, но пожил недолго и также умер. М. Анастасия остаётся одна с семьёю малыми детьми, один меньше другого. Бог свидетель, как тяжело и трудно ей было, но она подняла всех на ноги, всех воспитала. Они её любили как родную мать. Устроив их, она стала служить Богу, но в миру.

Столько пережив, утрудаясь, хлебнув с лихвой горя житейского, отдала себя всецело служению Господу, молясь и предстоя в молитвах и безропотно неся свой крест. Она была высокой духовной жизни, шла тесными вратами и, прожив долгую многотрудную подвижническую жизнь, в глубокой старости отошла ко Господу.

После отпевания стали прощаться, подходя ко гробу. М. Анастасия лежала с лицом строгим, высохшим, восковым. Приложился и я ко лбу её с любовью, как к родной. Вынесли гроб и поставили перед домом, пропели: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Помяни, Господи, душу рабы Твоя Анастасии».

Пошли вдоль села в сторону кладбища. Гроб несли на руках. Прошли мостом через овраг,

поднялись на бугор. Здесь, перед разрушенной каменной церковью Пресвятой Живоначальной Троицы, остановились. На два табурета поставили гроб. Певчие протяжно запели: «Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоя Анастасии, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. После закрытия Саровского монастыря в этом храме служили священник из Сарова о. Илиодор и дьякон о. Паисий. Арестовали сначала о. Илиодора, потом ночью взяли о. Паисия».

Вышли из села на простор, вдалеке – кладбище. Светит солнце, безветренно, день погожий. Кладбище сельское, ухоженное, уютное, почва песчаная. Гроб опустили в могилу, кинули по горсти золотистого песка, мужики стали закапывать. Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоя Анастасии. Недалеко могила дивеевской монахини Матридии; она пела в церковном хоре монастыря. Тридцать лет сидела в тюрьмах, притворяясь ненормальной, умалишенной. Её привезли в с. Аламасово к Марии Семеновне, где и жила у нее, а потом у своей племянницы, где теперь икона Божией Матери «Тихвинская».

После похорон все вернулись в село и в одном из домов устроили поминки сразу по двум матушкам: м. Анастасии и ранее умершей м. Матридии. В комнате светло, стены белые, иконы сияют как новые. Посреди комнаты во всю её длину большой стол, вдоль него лавки. Помолились, сели. Начались поминки. Всё чинно, неторопливо, без суеты. Подали хлебово – щи, суп, окрошку. Потом каша пшённая, пшённая с разварной картошкой, молочная, каша гречневая. Кружки постоянно наполнялись ржаным квасом, заправленным мятой. Потом были чай, компоты, кисель. Каждое блюдо, поданное на стол, крестили, потом ели.

Так заведено было на Руси испокон века: соблюдать посты, праздники Божии, чтить святых, поминать усопших. И думалось, что это батюшка Серафим собрал всех нас вместе, чтобы мы поняли и прочувствовали, в каких трудностях и лишениях провела жизнь раба Божия Анастасия, но что не оскудело её сердце и душа её была полна любовью к Богу.

Царствие ей Небесное, вечный покой.

ПЕРВЫЙ ШАГ К ПОБЕДЕ

(СОВЕТ ПО ЭВАКУАЦИИ)

Вот и прошёл 76-й раз праздник Победы, а 22 июня 80 лет назад начался трудный путь к этой Победе, который не только «порохом пропах», но и дымом сгоревших городов, сёл и деревень, пылью развалин фабрик и заводов.

С внезапным нападением Германии на СССР стало понятно, что большая часть территории, на которой находились промышленные и сельскохозяйственные производства, будет оккупирована врагом. Планы эвакуации из территорий предполагаемой оккупации начали разрабатываться ещё весной 1941 года Генеральным штабом, когда после захвата Франции и Польши стала ясна тактика немецкого «блицкрига». Уже 14–15 мая 1941 года была разослана директива в западные округа, пункт 7 которой гласил: *«На случай вынужденного отхода разработать согласно особым указаниям план эвакуации фабрик, заводов, банков и других хозяйственных предприятий, правительственных учреждений, складов военного и государственного имущества»*. Но выполнить это предписание не оставалось времени. Тягость этого мероприятия ложилась на местные органы власти.

Это был вопрос первостепенной важности. Поэтому уже на третий день войны, 24 июня 1941 года, на высшем правительственном уровне принимается Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1740-748сс «О создании Совета по эвакуации» для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей за подписью первого лица страны Иосифа Сталина.

Совет создаётся под председательством Лазаря Моисеевича Кагановича, так как он был наркомом путей сообщения, а основная тяжесть этого мероприятия выпадала на долю этого наркомата. Его заместителем был назначен Алексей Николаевич Косыгин. В Совет вошли руководители высшего звена, достойные люди. Совет наделялся высокими полномочиями.

Уже в первые дни войны стало ясно, что многое эвакуировать не удастся, поэтому 29 июня 1941 года была распространена Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б): *«При вынужденном отходе частей Красной Армии уносить подвижной железнодорожный состав, не оставляя врагу ни одного паровоза, ни*

одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего».

Скоро стало ясно, что первый председатель Совета Л. Каганович не очень справляется со своими обязанностями, и 16 июля 1941 года Совет по эвакуации был реорганизован, и председателем Совета стал секретарь ВЦСПС, кандидат в члены Политбюро Н. М. Шверник, а его заместителем остался А. Н. Косыгин.

На территории СССР, оказавшейся под угрозой захвата врагом, находилась большая часть промышленного и сельскохозяйственного производства. И это надо было эвакуировать в кратчайший срок со специалистами, способными быстро развернуть производство на новом месте.

То, как это было сделано, не имеет аналогов в мире. Но если бы этого не сделали, то не было бы и Победы! Победа ковалась не только на передовой, но и в так называемом тылу, потому что в начале войны фронт был кругом, ведь эвакуация производилась под бомбами фашистской авиации. Уже 22 июня массированным бомбардировкам были подвергнуты как узловые, так и другие станции западных железных дорог, и железнодорожные магистрали, идущие к фронту, на передовую, были обрезаны. Москва стала основным пунктом снабжения и перевалки военных грузов с железнодорожного транспорта на автомобильный, основой которого была легендарная «полуторка».

В течение второй половины 1941 года только по железной дороге полностью или частично было перебазировано 2593 предприятия. До войны они давали треть всей промышленной продукции страны. В восточные районы было эвакуировано более 10 млн человек, около 11 тысяч тракторов, большое количество скота, имущества колхозов и совхозов, МТС... Объём эвакуации был таков, что Совет не успевал везде, и ему в помощь был создан Комитет по эвакуации запасов продовольствия, сырья, промышленных товаров, оборудования текстильных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов. На первый взгляд – ничто по сравнению с оборонными предприятиями,

но это всё необходимо для жизни. Уже 27 июня 1941 года последовало следующее Постановление ЦК ВКП(б) и СНК – «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Совет опирался на своих уполномоченных на местах и местные органы власти.

Мероприятия по эвакуации в условиях войны, когда враг стремительно наступает, – это героически-адская работа. И если бы страна с нею не справилась, то вряд ли мы отмечали бы радостный День Победы. Но почему-то сегодня маршалов Победы вспоминают чаще, чем скромных гражданских лиц, которые готовили эту Победу. Ведь к Берлину наша армия подошла с современным вооружением, начав войну с трёхлинейкой. А всё начиналось с героически самоотверженной эвакуации предприятий, которой руководил Совет по эвакуации.

Потеря жизненно важных густонаселённых территорий с хорошей индустрией и высокопродуктивным сельским хозяйством, которая сопровождалась перебазированием, привела к тому, что в ноябре 1941 года (враг подступал к Москве) уровень среднемесячного производства стал самым низким за все годы войны и составил лишь 51,7% от общего объёма производства в ноябре 1940 года. В это время полностью прекратился выпуск отдельных видов продукции и машиностроения. Остановились все шахты Донбасса и Подмосковья... И всё-таки страна выстояла. Это был первый период военной экономики СССР, продолжавшийся до июня 1942 года.

И всё это заслуга тружеников тыла, которые поверили в правительство и, в частности, в руководителей Совета по эвакуации. А уже кто обеспечил победу военным – вопрос риторический.

Но, видно, так уже устроена человеческая психика, что победа всегда ассоциируется с маршалами, оставляя тех, кто её обеспечил, в тени. Се ля ви (C'est la vie), говорят французы. Обидно, но, наверное, они правы.

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке,
публицист

ПЕВЕЦ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Имя П. Н. Черменского до сей поры мало знакомо не только тамбовчанам, воронежцам, липчанам, но даже на его родине многие не ведают о жизни и вкладе этого человека в краеведение.

Пётр Николаевич родился 14 октября (по новому стилю) 1884 года в потомственной священнической семье (его отец был псаломщиком) в селе Чермные Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне в Республике Мордовия). По окончании Шацкого духовного училища поступил в Тамбовскую духовную семинарию. Однако её он не окончил, так как возникший в январе 1902 года в стенах семинарии бунт создал условия, не способствовавшие занятиям. Это, как вспоминал позднее Пётр Николаевич, привело к «принятию решения избрать светскую карьеру».

Оставив семинарию, Черменский поступает в седьмой класс Борисоглебской мужской гимназии (ныне г. Борисоглебск Воронежской области), которую окончил в 1905 году с золотой медалью. По её окончании Пётр Николаевич поступает на историческое отделение Петербургского историко-филологического института. Его дипломная работа «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» явилась неоспоримым вкладом в местную историографию. С 1909 года Черменский преподаёт латинский язык и историю в гимназии при институте, который он недавно окончил. Одновременно он проходит курс в Петербургском археологическом институте, который окончил в 1911 году. Черменский решил бесспорно избрать тематикой своих исследований изучение истории родного Тамбовского края. Он устанавливает тесные связи с Тамбовской

П. Н. Черменский. Фото 1910-х годов

учёной архивной комиссией (ТУАК) и в 54-м номере её «Известий» за 1911 год публикует свои «Очерки по истории колонизации Тамбовского края». Позднее он тесно свяжет свою жизнь с ТУАК, будет одним из самых активных её членов, оставит яркий след в её деятельности. Материалы для своих исследований Пётр Николаевич собирает по городам и селениям

Тамбовской губернии, знакомясь с историей и бытом её населения.

В связи с революционными событиями 1905 года, когда занятия в институте были прерваны, Черменский приезжает в уездный город Лебедянь Тамбовской губернии (ныне Липецкой области). Здесь у старшего брата Андрея Николаевича, священника храма Преображения Господня и смотрителя церковно-приходских школ Лебедянского уезда, он живёт с ноября 1905 по январь 1906 года. Он знакомится с историей Лебедяни, Троицким монастырём, окрестными селениями. Их история произвела на молодого учёного неизгладимое впечатление. В Лебедяни он познакомился с Ольгой Ивановной Севериновой, которая позднее станет его женой. В 1916 году Черменский защищает магистерскую диссертацию «Место митрополита Евгения в русской историографии». Его оставляют в Историко-филологическом институте для подготовки к профессорскому званию. Одновременно он занимается историей полюбившейся ему Лебедяни. В 1913 году выходит в свет его научный труд «Город Лебедянь и его уезд в XVII веке», написанный на основе материалов Московского архива Министерства юстиции. В 1909 и 1913 годах Пётр Николаевич изучает немецкий язык в Германии, слушает лекции по всеобщей истории в Берлинском и Магдебургском университетах. Для «Известий

П. Н. Черменский. 1916 год

ТУАК» он подготовил и опубликовал полный текст Лицевого Синодика XVII века Лебедянского Троицкого монастыря.

Черменского ждала большая наука, но события 1917 года круто изменили его дальнейшую жизнь и карьеру учёного-историка. В 1919 году он был вынужден переехать к брату в Лебедянь, где устроился на работу заведующим музейной секцией в уездном отделе народного образования. На основе коллекции любителя старины Т. В. Хозикова в этом же году Пётр Николаевич организовал и возглавил Народный музей. В 1920 году ему предлагают должность научного сотрудника Тамбовского губернского архива, и он покидает Лебедянь, переехав в Тамбов. Вскоре его назначают заведующим историко-археологическим отделом Тамбовского губернского музея. 18 июля 1920 года Петра Николаевича избирают учёным секретарём Тамбовского общества истории, археологии и этнографии. С 1921 по 1923 год он возглавляет Тамбовский губернский музей и одновременно губернское управление по делам музеев, охране памятников искусства, старины и природы. Он преподаёт на кафедре русской истории в Тамбовском университете, в педагогическом техникуме, участвует в организации краеведческих обществ в уездных городах Тамбовщины.

Он изучает архивы, проводит раскопки. Двадцатые годы были пиком его краеведческой деятельности. В 1925 году он публикует свои работы «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии», «От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии», «Хроника революционных событий в Тамбовской губернии». Вскоре выходит новая работа «Экономическое описание гнезда динамического обследования Коптевской волости. 1927 год». Именно Пётр Николаевич разработал первую сводную историю Тамбовского края. Его труды надолго определили направление историко-краеведческих исследований.

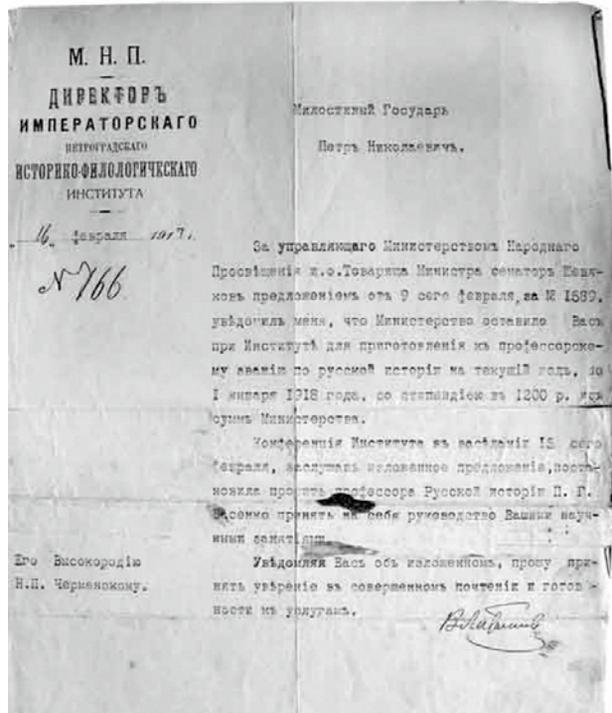
С образованием в 1928 году Центрально-Чернозёмной области Черменского приглашают в Воронеж на должность руководителя отдела изучения производительных сил ЦЧО при областном плане. В 1930 году Пётр Николаевич организовал и провёл съезд научных работни-

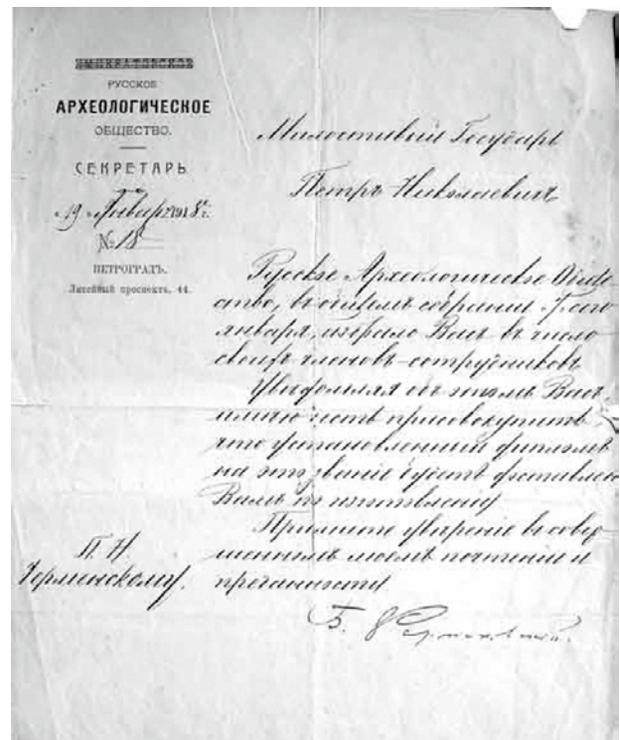
П.Н. Черменский. Фото начала XX в.

ков, занимающихся этими вопросами в области, опубликовал ряд статей в журнале «Плановое хозяйство ЦЧО». Но 5 февраля 1931 года произошла трагическая развязка. Его арестовали по так называемому ныне «делу краеведов», которое в ОГПУ проходило как «дело стариков». Воронежский историк и краевед С. Н. Введенский, не выдержав пыток, назвал ряд краеведов, в том числе и Петра Николаевича Черменского обвинили в активном участии в Воронежской областной монархической организации «Краеведы». Черменский признал обвинения против себя, но при этом никого не оговорил. 10 мая 1931 года был вынесен приговор. Из 92 человек, проходивших по делу, пятеро были приговорены к расстрелу, остальные были осуждены на разные сроки заключения, другие отделались высылкой. Пётр Николаевич был осуждён на 10 лет заключения как участник тайной контрреволюционной монархической организации, которая ставила задачу направить деятельность областного бюро краеведения в антисоветскую сторону, с тем чтобы «краеведческая работа не могла быть использована для социалистического строительства».

Восемь долгих лет Пётр Николаевич провёл в лагерях на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Уже на закате своей жизни он часто вспоминал это страшное время и вопрошал: «Так до сих пор не знаю, за что десять лет вцепили. Подчистую все 30-е годы вычеркнули из моей жизни. За что – убей не знаю... а это, пожалуй, самое тяжёлое для честного человека...»

Письмо П.Н. Черменского о решении Министерства народного просвещения оставить его при Петроградском историко-филологическом институте. 1917 г.

Уведомление от Русского археологического общества об избрании его своим членом-сотрудником. 1918 г.

Хотя блаженны гонимые за правду». Отбывая наказание в Карелии, Пётр Николаевич умудрялся изучать историю и археологию местного края и печатать свои статьи в журнале «Перековка».

5 февраля 1939 года последовало долгожданное освобождение. Он приезжает в ставшую для него родной Лебедянь. Он преподаёт немецкий язык в Лебедянском педучилище, но захолустная, рутинная, мещанская жизнь и косые взгляды горожан тяготят его. В 1940 году он покидает Лебедянь и переезжает в Курск. Первоначально он преподавал немецкий язык в школе для взрослых. Затем – оккупация гитлеровцами города, жизнь впроголодь, в любую минуту могли арестовать. Он пережил оккупацию, дождался прихода Красной армии. 9 февраля 1943 года Петра Николаевича назначают директором Курского областного краеведческого музея, а с открытием Курского пединститута он получает должность старшего преподавателя и читает студентам курс истории древнего мира. И здесь он продолжает заниматься краеведением, ведёт раскопки. Прошлое вскоре сказалося – его стали мучить болезни. Было необходимо срочно сменить климат, и Пётр Николаевич уезжает на юг. Он поселяется в краево́м Ставрополе, где работает в Институте усовершенствования учителей. В 1950 году вместе с семьёй он навсегда переезжает в Лебедянь. В течение шести лет он трудится преподавателем немецкого языка в педучилище, а после выхода на пенсию – в зоотехникуме.

В Лебедяни он продолжает заниматься краеведением, уделяя при этом большое внимание топонимике. Его работы публикуются во многих журналах. В 1956 году Географическое общество СССР избирает его своим действительным членом. В 1961 году в Тамбове выходит его работа «Из прошлого Тамбовского края», которая и по нынешний день не потеряла своего научного значения. Пётр Николаевич подготовил пособие для учителей истории и географии «История Лебедяни» на 103 машинописных листах. И хотя работа не была опубликована полностью, но тем не менее часть её вошла в брошюру «Лебедянь», изданную в соавторстве с Волынчиковым и Никитиной в 1962 году в Липецке. А то, что не вошло в брошюру, вскоре появилось на страницах лебедянской районной газеты «Путь Октября». Черменский ведёт активную переписку со знаковыми краеведами Липецкого края Б. П. Княжинским, В. Л. Лукиным. Он стоял у истоков «второго рождения» Лебедянского районного краеведческого музея. Он создаёт инициативную группу по возрождению музея, организует сбор экспонатов, «пробивает» помещение для будущего музея. И неустанно работает над историей Лебедяни. Он пишет книгу «Лебедянь. Исторический очерк». Её так и не опубликовали, и рукопись книги вскоре потеряется. А над ней он работал до самой смерти. В последний период своей жизни он опубликовал две книги и более 20 статей по истории, топонимике и исторической географии Центрального Черноземья.

10 сентября 1973 года его не стало. Вечный покой краевед, знаток истории Тамбовского края обрёл на Преображенском кладбище полюбившейся ему Лебедяни.

Вклад П. Н. Черменского в краеведение трудно переоценить. Фанат своего дела, тонкий знаток истории родного края, дотошный исследователь прошлого, он навсегда вписал своё имя в скрижали краеведения Центрального Чернозёмного края.

Виктор ЕЛИСЕЕВ,
краевед, член Союза журналистов
РФ, лауреат областной премии имени
И. А. Бунина

«ДОМ, ГДЕ ВСЁ КУВЫРКОМ»

«Над этой историей будут плакать, она разойдётся, как бестселлер», – говорит одна из героинь премьерной комедии Мичуринского драматического театра. Эти слова с уверенностью можно отнести к новой постановке. Зритель плакал от смеха и рукоплескал с дюжей энергией.

Спектакль уже стал событием театрального мира региона. Три премьерных показа прошли с аншлагом (правда, зритель размещался с учётом рекомендаций Роспотребнадзора).

«Дом, где всё кувырком» поставлен главным режиссёром Мичуринского драматического театра Николаем Елесиным по пьесе Альваро Портеса.

Над спектаклем также трудились художник из Костромы Борис Голодницкий и

хореограф из Борисоглебска Людмила Ведняпина.

На сцене разворачивается история, которая в очередной раз напоминает всем, что лезть в чужую жизнь нельзя ни при каких обстоятельствах. Любое вмешательство в чужое личное пространство, из каких бы благих намерений оно ни совершалось, всегда неминуемо приводит к непредсказуемым последствиям. И хорошо, если, как в спектакле, происходящее можно обратить в шутку, чтобы всё обошлось, как говорится, «малой кровью». Однако в реальной жизни усилиями провокаторов, сплетников и сводней ломаются судьбы, гибнут добрые человеческие отношения и любовь.

Таким провокатором в спектакле выступает сующая свой нос в чужие дела соседка

ВИВАТ, ТЕАТР!

Мария (Татьяна Шишкина). Её богатое воображение создаёт запутанный сюжет, буквально переворачивая кувырком дом супругов Сотильо (Алина Кондрашова и Андрей Присницкий).

В этой истории не обошлось и без молодой служанки по имени Пура (Ксения Морозова), её жениха Хосинто (Илья Огиенко, который дебютировал на сцене театра) и ещё ряда ухажёров.

Ревнивый муж, не принимающая упрёков, честная перед своим супругом жена, подливающая масло в огонь

соседка – широко распространённый, почти классический водевильный комедийный сюжет. История гармонично дополнена детективными, а также сюрреалистическими линиями. Здесь забавно присутствует ряд сновиденческих моментов, окончательно утверждающий тот кавардак, который посещает героев.

Спектакль пронизан ироническим и в то же время добрым юмором, который понятен

каждому взрослому семейному человеку. Со сцены нам говорят, что семейное счастье невероятно хрупко, но мы всё же во власти его сохранить, если не будем поддаваться искушениям, пришедшим извне.

Постановка сопровождается ярким музыкальным оформлением, местами делающим отсылку к старым европейским кинокомедиям, которые сегодня уже принято называть классикой жанра. Во время спектакля артисты вживую исполняют несколько песен на итальянском языке. Эти музыкальные номера призваны

подчеркнуть темперамент и страсть героев.

Будем верить, что зритель, пришедший в театр развлечься и посмотреть комедию, сможет всё же вынести что-то для ума и сердца, сделав правильные выводы из увиденного.

Роман ЛЕОНОВ,
член Союза журналистов России
Фото: Алексей Николаев

**15 АВГУСТА ОТМЕЧАЕТ 85-ЛЕТНИЕ КРУПНЫЙ ПИСАТЕЛЬ
ВЛАДИСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ БАХРЕВСКИЙ**

Его считают своим в Воронеже – там родился, на Рязанщине – провёл детство, в Оренбурге, где после института четыре месяца работал в газете «Путь к коммунизму», в Орехово-Зуеве, где окончил школу, пединститут, работал диктором на радио и режиссёром агитбригад. В Крым пригласили руководить литобъединением Евпатории. Жил там 11 лет. После статьи Бахревского в «Комсомольской правде» ЦК ВЛКСМ создал областные литобъединения при редакциях комсомольских газет. С молодыми писателями Крыма занимался Бахревский.

В настоящее время Владислав Анатольевич живёт в городе Петушки.

Он пришёл в литературу в 1959 году – напечатал в журнале «Пионер» несколько очерков. А в 1960 году вышла первая книга, «Мальчик с Весёлого». О своём военном детстве писал, будучи студентом орехово-зуевского пединститута.

Пятилетний мальчик, сын лесничего, видел, как пролетают над головой вражеские самолёты. В десять – пас корову в лесу, подальше от посторонних глаз. Лес стал его другом и защитником. А ещё он мечтал. Мечтал стать пионером, носить красный галстук, чтобы делать великие добрые дела для всей страны. Соседский мальчик отдал ему книгу «Житие

Киево-Печерских монахов», и он мечтал стать святым. В стране был голод, пришлось собирать гнилую картошку с полей, а преподобный Прохор Лебядник, когда половцы осаждали Киев, из лебеды творил пшеницу. И Владислав хотел накормить всех, по молитве, чудесным хлебом.

Отнёс рукопись повести «Мальчик с Весёлого» в издательство «Детская литература» и стал ждать. Это было время, когда писатели писали о трудовых буднях, заводах и колхозах, о передовиках производства и борьбе рабочих за свои права. А детская литература была о пионерских лагерях. Рукописи проходили долгий процесс рецензирования.

Спустя несколько месяцев вызвали в издательство. Работники выглядывали из кабинетов, перешёптывались. Когда вышла книга, Бахревского пригласил в свой кабинет директор Детгиза, Константин Федотович Пискунов: «Вы детский писатель от Бога». Двадцатитрёхлетний автор ответил искренне: «Нет, что вы! Я больше не буду писать для детей». И – ошибся.

За годы литературного труда Бахревским написано более 130 книг. Романы и повести, рассказы и сказки, стихи для детей и взрослых. И книги – замечательные! Детские написаны для сыновей, Лёни и Жени, для внуков, Алёши, Даши, Романа, Тимофея, для племянников – «Арсюша и другие шестилеточки»...

Он работал в журнале «Пионер», в «Литературной газете». Перед Бахревским открывались возможности серьёзной карьеры, звали работать в ЦК ВЛКСМ, а он – единственный за всю историю существования «Литературной газеты» – сбежал оттуда.

В детстве, один на один с лесом, Владька, как звали его домашние, учился видеть чудо. Первые свои сказочки он даже не записывал – рисовал, благо отец отдал ему свой толстенный диплом. Текст был только с одной стороны.

Стихи писал. Однажды к отцу его, лесничему, пришёл в гости редактор районной газеты. «Владька, ну-ка, почитай свои стихи», – сказал отец. Гость выслушал, головой покачал: «Нет, не может быть. Это он где-то списал». Третьеклассник Бахревский обиделся. Он и позже стихов своих стеснялся. На литобъединениях – а занимался он в Орехово-Зуеве, в «Основе», в Москве, лито при газете «Московский комсомолец», в лито при журнале «Октябрь», в Оренбурге, лито при газете «Комсомольское племя», – своего не читал. Слушал, учился.

«Для молодого писателя самое важное – выбрать тему, – признаётся Владислав Анатольевич. – Можно очень мастеровито писать об осени и зиме, об отчем доме и родных берёзках. Но чем вы будете отличаться от миллионов других пишущих?»

Для самого Бахревского такой темой стала история. В первом классе заворожённо слушал, что рассказывала учительница третьеклассникам (первый и третий классы учились вместе). Играл с друзьями в солдатиков. Разыгрывали реальные сражения, старались во всём соблюсти достоверность.

Когда ему предложили написать книгу о Семёне Дежнёве, обрадовался и увлёкся. Так появилось «Хождение встреч солнцу».

Владислав Анатольевич открыл для себя XVII век в истории России – важнейший. «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы», «Столп», «Боярыня Морозова», «Свадьбы». По книгам Бахревского снят 20-серийный фильм «Раскол» (режиссёр Николай Досталь).

Бахревский всегда любил искусство и писал о нём. «Виктор Васнецов», «Савва Ма-

монтов» – эти книги выходили в серии «ЖЗЛ». Писал о Врубеле, о Лукасе Кранахе и Феофане Греке, о Петрове-Водкине, о создателе дулёвского фарфора Петре Леонове, о крымских художниках – Волкове и Дутченко, – о Геннадии Мызникове, о туркменских художниках...

А ещё он мечтал написать правду о своём дедушке. Священник Бахаревский был тихоновцем. В 20-е годы XX столетия молодая Советская республика боролась с «религиозными предрассудками», с «темнотой и отсталостью масс». Многие тысячи священников и монахов попали под жернова репрессий. Среди них – Евгений Порфирьевич Бахаревский. Дедушка.

К написанию книги «Святейший патриарх Тихон» Бахревский готовился годами. Ходил к священникам – двери перед носом захлопывали. Обратился в ЦК партии, в отдел пропаганды. Виктор Петрович Поляничко пошёл навстречу, направил в Комитет по религии. «Вы будете какую книгу писать? Разоблачительного характера?» – спросили там. «Нет. Только правду».

И – чудо! Допустили в святая святых. На Лубянку. Материалы уголовного дела патриарха Тихона Владислав Анатольевич изучал два месяца – как на работу ходил. Книга вышла в 2000 году.

«Долгий путь к Богу», «Искания на Святой горе» – два тома о русском офицере Булатовиче, который стал монахом. Эта книга тоже писалась несколько десятилетий, а вышла в прошлом году. Географические открытия в Африке, противостояние имяборцев и имяславцев, изгнание русскими офицерами монахов с Афона... «Прекратите поругание имя Божия, иначе Вы потеряете трон, а мы – Россию», – предупредил Булатович Николая II. Это было в 1916-м, за три месяца до Февральской революции.

Каждый год, на свой день рождения, Владислав Анатольевич откладывает все дела и пишет сказку. Самому себе в подарок. «Дядюшка Шорох и шуршавы», «Солдат Орешек», «Жемчужина окатная», «Повелитель Пампы», «Почему луна улыбается», «Мишкины сказки», «Сказки о братцах ёжиках и других малышках», «Златоборье»... Сказки печатались в «Мурзилке», в «Пионерской правде», выходили отдельными книгами.

Сказочник, он ценит традиции, создал и возглавил Общество хранителей русской сказки.

Имя Владислава Бахревского сегодня, что называется, «не на слуху», но на его книгах выросли поколения детей. Рассказы его включены в школьную программу. Рассказ «Анвар и большая страна», который входил в книгу для чтения 3-го класса, газета «UNITA» дала как передовицу. Скороговорку: «Говорит попугай попугаю: "Я тебя, попугай, попугаю". Попугаю в ответ попугай: "Попугай, попугай, попугай!"» – знала вся страна. И сегодня, несмотря на нынешнее нерадостное положение литературы, книги Бахревского есть в каждой библиотеке.

Лауреат многих престижных премий, он не ищет популярности на страницах жёлтой прессы и в модных телешоу. Он просто несёт своё Слово нам и всем будущим поколениям.

В настоящее время Владислав Анатольевич работает сразу над двумя сказочными повестями и, в соавторстве со мной, над книгой о заводчиках Мальцовых: Россия XIX века, хрусталь и чугун, российский сахар и первые железные дороги, локомобили и телеграф...

Литературная учёба Бахревского – это районные газеты, литературные объединения при редакциях районных и областных газет. Когда-то он написал:

*Меня не печатают пока,
Но, если будет успех,
Для всех начинающих я – рука,
И напечатаю всех!*

Из его литобъединения «Основа» (г. Орехово-Зуево) в 1970-е годы выросло шесть писателей – членов СП СССР. Среди них Николай Дмитриев, Николай Рыжих, Фёдор Камалов. Из литобъединения в Евпатории – известный писатель Евгений Никифоров, автор фундаментальной работы о Чехове. На занятия областного литобъединения приглашалось по 200 человек. Из них несколько десятков стали членами Союзов писателей России и Украины.

Ольга ВОРОБЬЁВА

* * *

В. Бахревскому

Что слава? Огонёк её случаен:
Тот – в шоу, этот – борется за власть,
И мы, друзья, совсем не замечаем
Волшебников, живущих среди нас.

Нет, их по телевизору не слышно:
Что толку спорить о добре и зле?
Зато они такие книжки пишут,
Каких не быть не может на земле!

Их труд не терпит шума и огласки.
Как знать, быть может, в этот самый час
Седой волшебник первым слышит сказку,
Которая ещё не началась!

* * *

Жил в лесу мальчишка, сын лесничего.
Волосом кудряв, росточком мал.
Он в лесной глуши, средь звона птичьего,
Сказки золотые собирал.
С каждым зверем вёл знакомство личное,
С чудом был на «ты», да что с того!
Он, должно быть, вырос, сын лесничего.
Помнишь ли? Ты помнишь ли его?
Как корову пас и как надеялся,
Что фашистов скоро победим,
Как мечтал стать пионером-ленинцем,
Но одновременно и святым.
Как ему лишь, мальчику с Весёлого,
Добрый лес дарил своё тепло.
Что ж теперь тебя, седоголового,
В Петушки-то наши занесло?
Здесь народ простой и невзыскательный,
По одежке судят, кто богат.
Да и не нужны, поверь, писатели
Там, где люди матом говорят.
Ну да ладно! Первому простительно.
Будем жить, а дальше – поглядим.
Если хочешь, стань моим спасителем,
Как мечтал когда-то стать святым.

О РОДИНЕ, ДРУЗЬЯХ, ПЕРЕЖИТОМ...

6 августа 2021 года отмечает юбилей Юрий Николаевич Васюнькин, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, главный редактор журнала «Вестник МАГ» и газеты «Есенинский бульвар». И просто замечательный человек, неравнодушный к земле, на которой появился на свет и живёт. А родился он в 1956 году в селе Рогожка Сасовского района Рязанской области (до 1923 года – Тамбовская губерния), здесь провёл детство, потом учёба в школе в Рязани, армия...

Свои первые заметки Юрий Васюнькин написал ещё в школе, они были опубликованы в газете «Рязанский комсомолец». Своё увлечение журналистикой продолжил во время службы в армии: был внештатным военкором газеты Московского округа ПВО «На боевом посту». Вот тогда-то он и почувствовал, что увлечение перерастает в нечто большее. По-

сле демобилизации поступил на факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ещё будучи студентом, побывал на практике на строительстве Байкало-Амурской магистрали (БАМ), где с журналистским блокнотом проехал, пролетел, прошёл от Тынды до Чары. Почувствовал ритм огромной стройки, сопричастность молодёжи к большому делу, восхитился просторами Отечества, неделю добираясь на поезде из Москвы до БАМа.

После окончания университета начинал с азов журналистского ремесла – с районки, работал в областной и центральной прессе. В 1991 году его пригласили в Гостелерадио СССР (позднее – РГТРК «Останкино»), где он «вырос» от редактора-консультанта Генеральной дирекции программ радиовещания Гостелерадио СССР до руководителя Информационно-аналитической службы РГТРК «Останкино».

В начале третьего тысячелетия трудился в столичной прессе: редактором отдела газеты Правительства Москвы «Тверская, 13», шеф-редактором приложения «Муниципальная газета» и молодёжного журнала «ВО!». Затем, создав с нуля, возглавил городскую муниципальную газету «Москва и москвичи: местное самоуправление, люди, события», которая была создана для передачи опыта развития местного самоуправления в Москве.

С 2012 года Юрий Николаевич — заместитель генерального директора Международной ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ), главный редактор журнала «Вестник МАГ». Эта международная ассоциация городов стран СНГ объединяет 85 городов и проводит большую деятельность по обмену наработанным в городах опытом устойчивого развития.

За активную деятельность по интеграции городов в евразийское пространство и развитие социально-экономических связей на территории стран СНГ Ю. Н. Васюнькин награждён Почётной грамотой Комитета Госдумы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, серебряной медалью «25 лет СНГ» Делового центра экономического развития СНГ, орденом МАГ «За вклад в устойчивое развитие городов СНГ», грамотами и медалями администраций городов.

Его заслуги высоко оценило профессиональное сообщество, он является победителем и лауреатом многих журналистских конкурсов: Всероссийского конкурса журналистов «Может только человек», Всероссийского конкурса «Искра» Медиасоюза и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Всероссийского конкурса «Национальное партнёрство: власть – общество – СМИ», награждён золотым дипломом Финансового пресс-клуба России «За информационную открытость», почётной грамотой и медалью Федерального медико-биологического агентства (ФМБА России).

Деятельность Ю. Н. Васюнькина также отмечена Почётной грамотой министра связи и массовых коммуникаций РФ, знаком Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом», медалью СЖР «100

лет Союзу журналистов России», ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Не теряет он связи и с родным краем – активно работает в Рязанском землячестве в Москве, с 2014 года является исполнительным директором на общественных началах. Вот уже 10 лет издаёт газету землячества «Есенинский бульвар», которая стала информационным партнёром Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в селе Константиново и Государственного музея С. А. Есенина в Москве. Газету можно почитать на сайте [Esenin.ru](http://esenin.ru). Кроме того, электронная версия издания рассылается по России и за рубежом для земляков и соотечественников. При его содействии землячеством были учреждены медали «Сергей Есенин» и вторая награда, посвящённая композитору-земляку Александру Аверкину, автору музыки знаменитой песни «На побывку едет молодой моряк».

За свои труды, пропагандирующие творческое наследие Рязанского края, и привлечение внимания к истории и потенциалу области Юрий Васюнькин награждён знаком губернатора «За заслуги перед Рязанской областью» и ещё пятью знаками отличия.

Юрий Николаевич – неоднократный участник Фестиваля народного творчества, посвящённого композитору А. П. Аверкину, который проходит на его малой родине. Село Рогожка было включено в программу фестиваля по предложению Васюнькина в 2015 году и стало местом проведения концерта, в котором приняли участие и местные жители. И теперь ежегодно в дни фестиваля на малую родину из разных мест стали приезжать односельчане, чтобы встретиться с земляками, обменяться новостями, принять участие в празднике.

А в июне 2016 года для возрождения памяти о главном в округе храме Рождества Иоанна Предтечи – духовном центре, разрушенном перед Великой Отечественной войной, – по инициативе Юрия Васюнькина правление Рязанского землячества приняло решение создать в селе Рогожка памятный знак как символ памяти,

покаяния и веры, он был установлен рядом с местом, где находился храм. И уже через два месяца состоялось его освящение.

Узнав, что в его родном селе находилось имение одного из учредителей Русско-императорского географического общества, офицера, известного путешественника и учёного XIX века Платона Александровича Чихачёва, Юрий Николаевич занялся поиском неизвестных фактов жизни и деятельности этого удивительного человека. К уже известным страницам биографии он добавил новые материалы о Чихачёве, обнаруженные в различных архивах и за рубежом, которые планирует передать в районный краеведческий музей. Материалов набралось на целую книгу. Он даже сценарий написал, мечтая создать фильм об этом легендарном человеке, первым покорившем высочайшую вершину Европы – пик Ането – и первом, кому в одиночку удалось пересечь Северную и Южную Америку, дойдя до ревущих волн мыса Горн.

Есть у него ещё одна мечта: начиная с 2011 года Юрий Николаевич вместе с земляками «пробивает» предложение об установке в Рязани народного памятника гармонисту и плясунье. В России немало памятников гармонистам: в Саратове – одинокой гармонии, в Смоленске – Василий Тёркин с гармонью ведёт разговор с Твардовским, в подмосковном Солнечногорске – крестьянка-русалка с гармонью. Только какой же гармонист без голосистой певуньи, которая тут же идёт в пляс, выбивая бойкую дробь каблукками? Эту идею поддерживают члены Московского клуба гармонистов, рязанские и тамбовские гармонисты. Будем надеяться, что такой монумент когда-нибудь появится в певучей Рязани.

А ещё он пишет стихи, которые порой превращаются в песни. О чём они? Конечно, о Родине, друзьях, пережитом...

Глеб ВИНОКУРОВ

АНАПСКОЕ СОЛНЦЕ

Л. С. Леднёвой

Анапское солнце шагами озвученными,
Птичьим гомоном и разнотрельным свистом,
Пионерским проспектом,
ещё не разбуженным,
Проходит весёлым горнистом.

Анапское солнце дельфины, прирученные
Носом мячик забрасывать вверх,
В корзину зенита движеньем заученным
Хотели б отправить навек.

Анапское солнце ладошкой тёплой
Прощается, гладит «Кавказа»¹ мозаики.
Остался лишь лучик – горячей лучинойю,
Слетайтесь, как чайки, поэты-прозаики.

Анапское солнце в бокале, наполненном
Барменшей по имени Лина,
Растаяло в терпком вине охлаждённом
В придорожном кафе «Афалина».

Анапское солнце бурлит в наших венах.
Мы верим – вернёмся в «Кавказ».
То лето любовью живёт в наших генах,
А значит – там помнят и нас!

ДОЖДИНКОЙ УПАДУ В ЛАДОНЬ

Дочери Злате

В вечерней комнате вдвоём
Стоим и смотрим за дождём.
А он, как мальчик озорной,
По лужам бегаёт босой.

Прижалась ты ко мне плечом:
Как будто под одним зонтом.
И знаю я, зачем живу
И что увидеть я хочу.

¹ «Кавказ» – спортивно-оздоровительный лагерь, расположенный на Пионерском проспекте Анапы.

Когда уйду, с кем станешь ты
 Делить и горе, и мечты?
 К кому прижмёшься ты плечом,
 Кто защитит тебя мечом?

НА БОЛЬШОМ АРБАТЕ РАЗГУЛЯЛСЯ ЯСЕНЬ

Дочери Даше

А вспомнишь – отвори окно.
 Дождинкой упаду в ладонь.
 В ней всё моё отражено –
 И боль, и радость, и огонь...

На большом Арбате разгулялся ясень:
 Он ветвями машет, сыплется листвою.
 Его клюнул, может, пролетевший дятел
 Или дворник сонный окатил водою?

ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯНЫ

Красно лето, снова в отпуск еду к маме –
 К родным полям, лугам и перелескам,
 Где мы с мальчишками ходили за грибами
 И голубей гоняли в поднебесье.

Так зачем прохожих он сучком цепляет?
 Словно пьяный малый, перебравший лишку,
 Он бормочет что-то и ворон пугает,
 Среди веток пряча плюшевого мишку.

Привез:

Земляничные поляны – сад моей души!
 Чудо-ягоды родились – капельки росы,
 Нежным цветом напитались
 в отблесках зари.
 Земляничные поляны – аромат любви!

Тополя от смеха в поясице гнутся,
 Да и все в округе той потехе рады.
 Воробьи-мальчишки в переплясе вьются:
 – Спятил старый ясень, так ему и надо!

...Просто на балконе дома, что напротив,
 Осветило солнце тонкую берёзку.
 Будто для загара, всякий стыд отбросив,
 Вышла белотелая с модною причёской.

Пройдусь по улице и обнимусь с друзьями,
 Невольно загляну в знакомое окошко,
 Как много раз я здесь дежурил вечерами:
 Моя вздыхала тут и плакала гармошка.

И влюблённый ясень друга-ветра просит:
 – Отнеси берёзке плюшевого мишку,
 Пусть она игрушку талисманом носит,
 А взамен пришлёт мне по весне серёжку.

Калитка скрипнула, и вышла ты навстречу,
 Глазам не верю: как в семнадцать лет.
 Пахнуло словно жаром мне из печки:
 Твоё лицо у дочки – как завет...

На большом Арбате разгулялся ясень...

НАРЕКЛИ МЕНЯ ГЕОРГИЕМ

Дождями плачет осень будто спьяну,
 Но я надеждою живу, одной мечтой –
 Вернуться на душистую, волшебную поляну,
 Где землянику мы рассыпали с тобой!

Меня крестили жарким летом
 В прохладе сасовского храма
 И не пророчили поэтом –
 Другого мне желала мама.

Ещё не зажили все раны
 Земли, искромсанной войною.
 Пахать и сеять были планы
 И соловьёв встречать весною.

Быть хлебопашцем не зазорно:
 Растить под солнцем волны ржи,

Вязать снопы в страду проворно,
В венки вплетая васильки.

А вечером, упав в стог сена,
Бродить глазами в сонме звёзд,
Мечтать, любить, жить без измены,
Без горьких слов, солёных слёз.

...Я старше стал своих дедов,
Безжалостно отобранных войною,
И бабушкам со званием вдов
Ношу цветы на кладбище порою.

Нелёгкий выдался их век,
Когда ж в России было слаще?
Они ушли, оставив как завет
Свои дела, дома и пашни.

И будет так же небо сине,
Не зарастут травой поля,
Пока над матушкой Россией
Звонят-поют колокола!

ОСЕННИЙ ДЫМ КОСТРА ЦЕЛУЕТСЯ С ОКОЮ

Осенний дым костра целуется с Окою,
Он подарил ей шарфик нежно-голубой.
Смущённая река не справится с собою
И бьёт волной о берег, как ножкой удалой.

Привет:

Течёт река, бурлит река,
А на равнине – гладка.
В любви кружится голова,
А сердце ноет сладко.

Взлетают брызги вверх – она уже хохочет.
Что нашептал на ушко ей ласковый мираж?
Он обещал ей всё, чего она захочет,
И завлекает в заводь, на затонувший кряж.

Костёр уж догорел – унялось пламя страсти,
Лишь что-то слышится в излучине реки –
Там рыбаки закидывают снасти
И сонно жмурятся от ветра угольки...

ПОЕЗДКА К МОРЮ

Москва. Машина. Скорость. Садовое кольцо.
Купе. Билеты. Поезд. Вокзальное крыльцо.
Калуга. Брянск. Окошки. Таможенный
контроль.

Перроны. Бабушки. Лукошки. Одесса,
как пароль.

Одесса. Солнце. Море. Берег Золотой.
Волна. Аркадия. Застолье. Шумит прибой.
Бычки. Кефаль. Шаланда. Синева в глазах.
Камни. Брызги. Тайна. Ветер в волосах.

Крыша. Кот. Хозяйка. Утренний базар.
Веранда. Кофе. Чайка. Виноградная лоза.
Привоз. Черешня. Тюлька. Берёте? Вам кило?
Бабло. Таранька. Мулька. Изя, да ты шо?

Карты. Пляж. Истома. Сигареты «Вог».
Дети. Мамки. Дрёма. И куриный бог.
Купанье. Бриз. Медуза. Замки на песке.
Ракушки. Шёпот. Муза. Парус вдалеке.

Жара. Трамвай. Ухабы. И Большой Фонтан.
Центр. Каштан. Прохлада. Пушкинский платан.
Гений. Ссылка. Воронцова. Оперный театр.
Ланжерон. Стихи. Молдова. Тенистый бульвар.

Музей. Картины. Книги. Запах старины.
Де Рибас. Дюк. Мортиры. Прости, Господи, и мы.
Рыбачка Соня. Карцев. Моня. Жванецкий
и портфель.

Утёсов. Стул. Брусчатка. Боня.
Кафешка и форель.

Тучи. Ливень. Вечность. Поток на мостовой.
Пересыпь. Ветер. Млечность.

Листва над головой.
«Х-клуб». «Табу». «Цунами». «Вечерняя Одесса».
Танцы. Смех. Загляды. «Біле міцне».

Цикады. Звёзды. Лунный свет. Вздыхает море.
Разговоры. Штиль. Рассвет. Ласкает взоры.
Поцелуй. Слеза. Молчанье. Прощанье скоро.
Вокзал. Объятия. Обещанья. У Чёрного моря...

СОСНОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»

Злополучный коронавирус отрицательно повлиял на все сферы жизни людей. Не стало возможности и у коллектива Сосновского литобъединения «Родник», как прежде, проводить занятия и встречи с жителями посёлка. Но выход из сложившейся ситуации всё же был найден. Мы стали демонстрировать свои литературные произведения в форме видеороликов в соцсетях. Так, в 2020 и в 2021 годах мы демонстрировали прочтение своих стихов к каждой знаменательной дате с соответствующей тематикой. Любители нашей поэзии с удовольствием просматривали видеоролики и выражали благодарность. Свои произведения мы часто публикуем в газете «Сосновское слово». Принимали участие в проведении мероприятия «Библионочь» как в районной библиотеке, так и в областной библиотеке им. А. С. Пушкина. Нас приглашали в школу на встречу с учениками в рамках занятий внеклассным чтением. В 2020 году руководителем литобъединения Н. Н. Чербаевым был издан четвёртый персональный сборник стихов и прозы под названием «Синева». В него вошли избранные произведения, написанные в период с 2008 по 2020 год.

А совсем недавно, в июле этого года, был издан восьмой коллективный сборник стихов сосновских литераторов под названием «Звонкие струи сосновского "Родника"».

Так что связь с нашими поклонниками практически не прерывается. А «Родник» наш живёт и «журчит».

СТИХИ РУКОВОДИТЕЛЯ СОСНОВСКОГО ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ «РОДНИК» НИКОЛАЯ ЧЕРБАЕВА

* * *

Люблю я май за цвет сирени,
За кроткий шёпот рош, дубрав.
Люблю, когда ложатся тени
Берёзок тонких в гущу трав.

Люблю вечернею зарёю
Послушать песню соловья.
Кукушка песней со слезою
За сердце трогает меня.

Лишь в мае утренней зарёю
Услышишь гомон разных птиц.

И солнце огненной ладьёю
Всплывает к небу из темниц.

Люблю весенний воздух чистый
Над яркой зеленью лугов.
Букет черёмухи душистый –
Он самый майский из цветов.

* * *

Там, где растут ромашки с лебедой,
Где иван-чай сроднился с лопухами,
Иду я тихую дорогой полевой,
Любуясь нежными июльскими цветами.

К полыни прикасаюсь я рукой
И запахом с горчинкой наслаждаюсь.
И к васильку, заросшему травой,
Я с уваженьем низко наклоняюсь.

По краю поля в ритме ветерка
Качается на тонком стебле донник.
Я наклонил цветок к себе слегка,
Чтоб нежность ощутить его в ладони.

Какая лёгкость в полевых цветах!
Какая тонкость красоты неповторимой!
Цветёт июль на солнечных полях.
И манит вдаль простор необозримый!

* * *

Здесь всё сердцу близко,
Здесь всё мне так мило:
И клевер душистый,
И «злая» крапива,
Лопух у дороги,
Куртинки ромашек,
От птиц и зверюшек
До мелких букашек,
Бугры и равнины,
Низы, буераки,
Берёзки, осины,
Закат в полумраке,
Камыш на болоте
И цапля в полёте,
Прохлада речная

И птица ночная,
Зелёная роща
Мне нравится очень,
Тенистость дубравы,
Цветущие травы,
Лесные дорожки,
Берёзы серёжки,
Цветы полевые,
Озёра и реки.
Просторы родные,
Вы в сердце навеки!

* * *

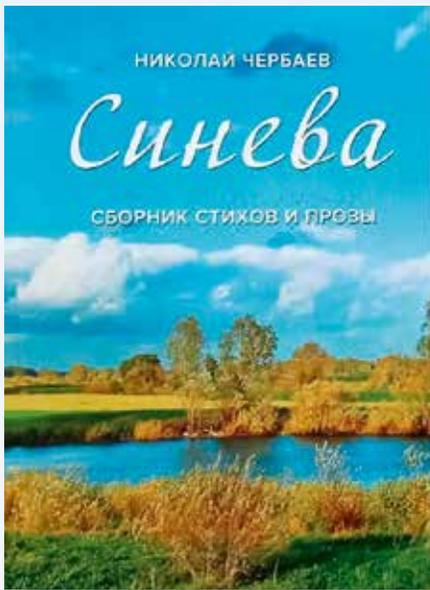
Плывёт июль по небу облаками,
Плывёт цветочным запахом в лугах,
То маревом дрожит он над полями,
А то малиной пахнет он в садах.

Июль стожкí расставил на опушке,
Созрели ягоды на взгорках и в лесах.
В июле не кукует уж кукушка,
Кругами «ходит» коршун в небесах.

Смолистый запах по лесам Заречья
Несёт июль на крыльях ветерка.
А то повеет влагою от речки,
И зашуршит в заливе осока́.

Зовёт июль нас к рекам и озёрам,
К знакомым с детства берегам.
И просится душа к родным просторам,
К любимым памятным местам.

Материал к публикации подготовил
Николай ЧЕРБАЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru